

ИРЭНЕ КАО

18+

Я СМОТРЮ
НА ТЕБЯ

Annotation

Бестселлер № 1 в Италии! Первая книга восхитительной трилогии, которая отправит вас в путешествие, в мир чувственных удовольствий, любви, искусства и итальянской кухни. Самый романтичный город мира, Венеция, выступит в роли декораций для этой захватывающей любовной истории. Вы познакомитесь с венецианскими улочками и великолепными замками, узнаете многое о живописи и истории искусства. Отправитесь в гастрономический тур по Италии, где царит острый, пряный и невероятно сочный аромат. Элена никогда не любила по-настоящему, мир для нее – это искусство, фрески, которые она реставрирует в старинных палаццо Венеции. Все меняется, когда в ее жизни появляется Леонардо, знаменитый шеф-повар, в чьих руках даже наслаждение приобретает форму, цвет, запах, вкус. Элена позволяет богатому красавцу с темным прошлым соблазнить себя и принимает его условие: «Не влюбляться». Теперь никто из них не должен нарушить это правило, что бы ни случилось... Читайте продолжение трилогии, книги «Я чувствую тебя» и «Я люблю тебя».

- [Ирэнэ Као](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Благодарю](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

Ирэне Као
Я смотрю на тебя

Посвящается Мануэлю, моему брату

Глава 1

Ярко-желтый оттенок вбирает солнечный свет, переходит в оранжевый и потом растворяется в рубиново-красном, где похожий на рану разрез открывает взору маленькие зернышки фиолетового глянца. Я не отвожу глаз от этого граната уже несколько часов. Он – всего лишь деталь, но служит ключом ко всей фреске.

Ее сюжет – похищение Прозерпины ^[1]. Тот момент, когда мрачный властитель преисподней Плутон, облаченный в пурпурное облако своих одежд, с силой схватил богиню, собирающую крупные гранаты на берегу озера, за чресла.

Фреска не подписана – имя автора окутано тайной. Знаю только, что он жил в начале XVII века и, судя по стилю письма, цветовым фрагментам и деликатной игре света и тени, был настоящим гением. Каждый мазок нанесен безукоризненно, а моя задача – не испортить усилия художника в достижении совершенства, понять его творчество и передать в своей работе.

Моя задача – не испортить усилия художника в достижении совершенства, понять его творчество и передать в своей работе.

Это первая реставрация, над которой я работаю самостоятельно. В 29 лет такая работа – огромная ответственность, и я горжусь ею. Ждала подобного шанса с тех пор, как закончила школу реставраторов, и теперь, когда удача улыбнулась мне, сделаю все, чтобы оправдать ее.

Вот поэтому я сижу уже несколько часов подряд на стремянке в белом клеенчатом комбинезоне и красной бандане, удерживающей темное каре волос (но отдельные прядки все же выбиваются и падают на глаза), и неподвижно смотрю на стену. К счастью, вокруг нет зеркал, потому что наверняка на моем лице заметны следы усталости и круги под глазами. Не важно – это доказательства моего упрямства.

В какой-то момент смотрю на себя со стороны: вот я, Елена Вольпе, одна-одинешенька в огромном парадном холле античного и давно необитаемого палаццо ^[2], в самом сердце Венеции. И именно здесь я хочу находиться.

Всю неделю я отчищала фон фрески и сегодня впервые попробую цвет. Неделя – это много, наверное, даже слишком, но я не хотела

рисковать. Продвигаться нужно с максимальной осторожностью, потому что одно неправильное движение может испортить всю работу. Как говорил один мой преподаватель: «Если хорошо зачистишь, то половина работы сделана».

Отдельные части фрески полностью разрушены, и мне ничего не остается, как заново заштукатурить их. Сказывается вездесущая влажность Венеции, проникающая даже в гранит, кирпичи и древесину. Но вокруг поврежденных фрагментов есть и другие, где цвета сохранили свою яркость.

Вездесущая влажность Венеции проникает даже в гранит,
кирпичи и древесину.

Сегодня утром, взбираясь на стремянку, я сказала себе: «Ни за что не сойду вниз, пока не подберу тон для этого граната». Теперь понимаю, что, возможно, была слишком оптимистична... Не представляю, сколько времени я уже пробую всю палитру красных, желтых и оранжевых цветов без какого-либо удовлетворительного результата. Восемь емкостей, в которых разводила пигментную крошку с небольшим количеством воды и капелькой оливкового масла для придания консистенции, я уже выбросила. И начав разводить краску в девятой чашечке, услышала звонок. Он исходил из кармана моего комбинезона. Увы! Игнорировать зов мобильного было бесполезно. Чуть не свалившись с лестницы, я схватила телефон и прочитала имя, которое мигало на дисплее.

Это Гайя, моя лучшая подруга.

– Эле, как дела? Я на площади Санта-Маргарита. Приходи, выпьем что-нибудь в «Иль Россо»! ^[3]Сегодня здесь больше народа, чем обычно, и это просто здорово! Быстрее приходи! – Она говорит на одном дыхании, даже не спросив, удобно ли мне разговаривать, и не давая мне возможности ответить.

В этом вся Гайя. Она организует концерты и VIP-вечеринки в самых модных заведениях города и всего региона Венето ^[4]. Работа начинается с четырех часов пополудни и продолжается до поздней ночи. Она любит светские тусовки, и для нее они не просто работа – это призвание: готова поспорить, что она работала бы даже бесплатно.

– Слушай, а сколько времени? – спрашиваю я, пытаюсь остановить поток ее слов.

– Полседьмого. Ну, ты идешь?

Боже мой, так поздно?! Время пролетело совсем незаметно.

– Эй, Эле, ты здесь? Все хорошо? Скажи же что-нибудь! – кричит Гайя, и ее голос врезается мне в барабанные перепонки. – Ты совсем уже с ума сошла с этой своей фреской. Приезжай сюда, немедленно! Это приказ!

«Иль Россо» – это бар, где встречаются молодые венецианские бездельники, тот тип людей, которым нужны такие, как Гайя, чтобы понять, как провести вечер.

– Гайя, через полчаса я закончу, обещаю, – делаю глубокий вздох — ...но пойду домой. Не злись, пожалуйста.

– Да не злюсь, конечно, сволочь ты, вот и все! – фыркает она.

Так всегда. Это наша обычная ролевая игра, через две секунды она опять будет спокойной и счастливой. К счастью, мои отказы она быстро забывает.

– Слушай, можешь идти домой, отдохнуть, а попозже пойдем в «Пятый Молл», у меня два приглашения в клуб «Прайв»...

– Спасибо за беспокойство, но я совсем не хочу лезть в этот ад, – быстро отвечаю я, прежде чем она продолжит. А ведь она прекрасно знает, что я ненавижу толпу, что почти не пью, а танцы для меня сводятся, в лучшем случае, к притопыванию ногой в такт (причем такт этот я отбиваю по-своему). Все эти развлечения – не для меня, я постоянно стесняюсь и чувствую себя не в своей тарелке. Но Гайя не сдается, каждый раз пытаюсь затащить меня на одну из своих вечеринок. На самом деле, хотя я никогда в этом не признаюсь, я благодарна ей за эти попытки.

– Ну что, ты уже закончила работать? – спрашиваю я, пытаюсь отвести разговор от опасных тем.

– Ага, сегодня мне просто повезло, я сопровождала одну русскую бизнес-леди. Мы три часа рассматривали в «Bottega Veneta» сумки и кожаные сапоги, а потом я привела ее в «Balbi» и там наконец мадам решила купить две вазы из муранского стекла. Между прочим, в «Alberta Ferretti» я видела несколько платьев их новой коллекции – ну просто как на тебя сшиты! Бежевого цвета, он будет потрясающе смотреться с шоколадным оттенком твоих волос... Как-нибудь зайдем, и ты их примеришь!

Когда она не занята тем, чтобы указывать людям, что делать по вечерам, Гайя объясняет им, как тратить деньги, она своего рода консультант по шопингу. Это тот тип женщин, у которых обо всем есть свое мнение и большие способности к убеждению других. Настолько большие, что даже находятся желающие заплатить, чтобы дать себя убедить в чем-нибудь. Однако на меня ее способности не действуют – за двадцать три года дружбы я выработала иммунитет.

– Конечно, сходим. Правда, кончится все тем, что ты, как обычно, купишь их себе.

– Но рано или поздно мне удастся прилично тебя приодеть. Учти, я с тобой еще не закончила!

Гайя борется с моим, скажем так, небрежным стилем в одежде со времен нашего подросткового возраста. Для нее джинсы и туфли без каблуков вовсе не являются удобной альтернативой прочим нарядам. Она полагает, что такого выбора можно лишь стыдиться. По мнению Гайи, я должна ходить каждый день на работу в мини-юбке и на высоченных каблуках. И не важно, что я по несколько раз в день забираюсь вверх по стремянке и часами нахожусь в позе, которую и без того сложно назвать комфортной. «Если бы у меня были твои ноги...» – все время твердит она. И еще каждый раз повторяет изречение Коко Шанель: «Надо всегда быть элегантной, каждый день, потому что судьба может ожидать вас за углом». Сама Гайя ни за что не выйдет из дома, пока не накрадется, не нарядится и не уложит волосы.

Гайя любит повторять изречение Коко Шанель: «Надо всегда быть элегантной, каждый день, потому что судьба может ожидать вас за углом».

Порой я удивляюсь, насколько мы не похожи друг на друга; и если бы Гайя не была моей лучшей подругой, я бы, наверное, ее не переносила.

– Ну ладно, Эле, – возвращается она к излюбленной теме как ни в чем не бывало, – сегодня вечером ты должна обязательно прийти в «Молл».

– Гайя, не обижайся. Но я тебе уже сказала, что не могу! – Когда она так настойчива, мне это действует на нервы.

– Ну там же будет Боб Синклэр!

– Кто это? – спрашиваю, и у меня на лбу загорается надпись: «ФАЙЛ НЕ НАЙДЕН».

Гайя с отчаянием вздыхает.

– Ну, это французский диджей, он знаменитый. Он был в жюри Венецианского кинофестиваля на прошлой неделе...

– Тогда понятно!

– А еще, – продолжает она, – проверенные источники сообщили мне, что сегодня вечером в «Прайв» будут разные знаменитости, в том числе и... слушай внимательно, – она делает театральную паузу, – Самуэль Белотти!

– Нет! Велосипедист из Падуи? – охаю я в отчаянии, абсолютно неодобрительным тоном.

Это один из «знаменитых» поклонников Гайи, которых она во множестве оставила на своем пути по всей Италии и даже по миру.

– Именно он!

– Я вообще не понимаю, что ты в нем нашла: это самоуверенный кретин, и что в нем эдакого потрясающего?

На мужчин у нас с Гайей тоже разные вкусы.

– Ну, я-то знаю, что у него потрясающее, – хихикает она.

– Ой, ладно, ну а что дальше?

– Я ему написала эсэмэску. Он пока не ответил, потому что сейчас у него какая-то модель, – вздыхает она, – правда, и не отшил меня окончательно, так что я не сдаюсь... Думаю, он просто тянет время.

– Не знаю, где ты вообще таких типов находишь, и знать не желаю!

– Работа, дорогая. Просто работа, – отвечает она мне, а я прекрасно представляю двусмысленную улыбку на ее лице в этот момент. – Связи с общественностью, как известно, очень тяжелый труд.

– Слова «труд» и «работа» в твоих устах приобретают совсем иное значение, – пытаюсь спровоцировать ее, скрывая легкую зависть. Признаю, я согласилась бы хоть в этом походить на нее. Я слишком правильная и ответственная, а она – олицетворение легкости и дерзкой беззаботности.

Я слишком правильная и ответственная, а она – олицетворение легкости и дерзкой беззаботности.

– Эле, ты меня не ценишь. Моя лучшая подруга меня не ценит! – смеется Гайя.

– Ладно, слушай, иди в «Молл», развлекайся. И смотри не перетрудишься, дорогая!

– Вот ты всегда отказываешься! Но я не отстану и все равно буду надоедать тебе, сама знаешь. Я не сдамся, дорогая...

И я прекрасно понимаю, что такой маленький театр – просто наш способ сказать, как мы друг друга любим.

– Сейчас и правда очень неудачный момент: я не могу гулять допоздна, иначе завтра просто не проснусь утром.

– Ну, хорошо, на сей раз я дам тебе выиграть.

Наконец-то!

– Но пообещай мне, – продолжает она, – в эти выходные мы увидимся!

– Клянусь. С субботы я вся твоя!

Девятую емкость с раствором красного тициановского оттенка тоже можно выбросить: я поднесла фрагмент цвета к коже граната – даже близко не подходит. И я смиряюсь с тем, что придется начинать все сначала, но меня отвлекает шум за спиной. Кто-то зашел с центрального входа и поднимается по мраморной лестнице. Это явно мужские шаги, но был момент, когда я вздрогнула при мысли о том, что это Гайя решила устроить сюрприз. Я слезаю со стремянки, стараясь не споткнуться о чашечки с краской, которые валяются вперемешку на защитном полотне, закрывающем пол.

Входная дверь открылась, и на пороге возникла щуплая фигура Якопо Брандолини – владельца палаццо и моего заказчика.

– Добрый вечер, – здороваюсь с натянутой улыбкой.

– Добрый вечер, Элена, – улыбается он в ответ. – Как продвигается работа? – Он опускает глаза на разбросанные чашки с раствором, повязывая рукава накинутого на плечи свитера (наверняка он из кашемира).

– Очень хорошо, – вру и сама удивляюсь своей непосредственности, но у меня нет желания объяснять ему детали, которые он все равно не поймет. (И надо бы добавить что-то сугубо профессиональное.) – Как раз вчера я закончила очистку и с сегодняшнего дня могу заняться цветом.

– Отлично. Я очень на вас надеюсь, все в ваших руках. – Он переводит взгляд с пола на меня, его маленькие голубые глазки похожи на трещины во льду. – Как вы знаете, я очень дорожу этой фреской и хотел бы, чтобы она проявилась в лучшем виде. Хотя она и не подписана, в ней сразу видна рука мастера.

– Ее, без сомнения, написал настоящий гений, – киваю я.

Брандолини улыбается с удовлетворением. Ему сорок лет, но выглядит он чуть старше. У него старинная фамилия – он потомок одной из самых знаменитых аристократических семей Венеции, – да и сам Якопо выглядит антично. Худой, с белоснежной кожей, нервное угловатое лицо, пепельно-белые волосы. Но Якопо одевается как старик. Вернее, одежда на нем приобретает странный вид, будто становится ретро. Например, сейчас на нем джинсы «Levi's» и голубая рубашка с коротким рукавом, но он в них тонет, настолько он худой. В нем самом есть что-то старомодное – это не объяснишь. Хотя говорят, что он пользуется успехом у женщин. Мне кажется, просто потому, что он очень богат, – другого объяснения я не нахожу.

– Ну как вы здесь устроились? – спрашивает он, осматриваясь вокруг, чтобы проверить, все ли на своих местах.

– Очень хорошо, – я стягиваю бандану, потому что понимаю, что вид у меня совсем непрезентабельный.

– Если вам что-нибудь понадобится – что угодно, – спросите у Франко. Можете даже отправить его за необходимым материалом.

Франко – это смотритель палаццо, приземистый и очень симпатичный человек, он тихий и тактичный. За десять дней работы я пересеклась с ним всего дважды: в саду внутреннего дворика, когда он поливал агпантус, и у входной двери, где он собирался полировать латунную ручку. Он никогда не заходит в палаццо, работает всегда снаружи и около двух часов после полудня уходит. Его присутствие действует на меня успокаивающе.

– Я прекрасно справляюсь сама, спасибо, – с опозданием понимаю, что мой ответ звучит слишком резко, и прикусываю язык.

Брандолини поднимает руки, делая вид, что сдается.

– Ну, так вот, – он прочищает горло, – я зашел, чтобы сообщить, что с завтрашнего дня в палаццо будет новый постоялец.

– Постоялец?

Нет. Это невозможно. Я не привыкла работать в обстановке, когда вокруг меня кто-то ходит и отвлекает.

– Его зовут Леонардо Ферранте, это знаменитый сицилийский шеф-повар, – самодовольно поясняет он. – Он прилетит напрямую из Нью-Йорка для открытия нашего нового ресторана в Сан-Паоло ^[5]. Открытие через три недели.

Вместе с отцом граф Брандолини управляет двумя ресторанами в Венеции. Один – за площадью Сан-Марко ^[6], а второй, поменьше, – рядом с мостом Риальто ^[7]. У семьи Брандолини есть еще ресторан в Лос-Анджелесе, а также два частных клуба, кафе и арендуемая резиденция. В прошлом году они открыли заведения в Абу-Даби и Стамбуле. Проще говоря, их фотографии часто появляются на страницах желтой прессы, которая так нравится Гайе. Мне же абсолютно наплевать на всю эту светскость, и меньше всего мне нужна какая бы то ни было отвлекающая персона в пространстве, где я работаю.

– Мы из сил выбились, чтобы подготовить все как можно быстрее. Вы же знаете, что венецианская логистика нам совсем не в помощь, – продолжает он, не замечая моего недовольства. – Но видите ли, когда очень чего-то хочешь, никакие усилия не в тягость.

Теперь он меня еще и жизни будет учить! Механически киваю

головой; мысль о том, что придется работать, пока по палаццо гуляет неизвестно кто, меня сильно раздражает. Ну как же Брандолини не понимает, насколько у меня деликатная работа?! Малейшее вмешательство нарушает необходимую концентрацию.

Мысль о том, что придется работать, пока по палаццо гуляет неизвестно кто, меня сильно раздражает. Ну как же Брандолини не понимает, насколько у меня деликатная работа?!

– Вот увидите, вы прекрасно поладите с Леонардо, он очень приятный.

– Да, я не сомневаюсь, проблема в том, что здесь...

Он не дает мне закончить.

– Понимаете, я же не мог разместить его в безжизненном номере отеля, – продолжает он с уверенностью тех, кто никогда и ни у кого не спрашивает разрешения. – Леонардо – свободный художник, здесь он будет чувствовать себя как дома. Сможет готовить, когда ему захочется, завтракать поздней ночью и обедать вечером, читать книгу в саду и наслаждаться видом Гранд-канала ^[8] с балкона.

Я-то как раз хотела обратить его внимание, что парадный вход соединен с остальными зонами палаццо и нет никакой возможности его обойти. Значит, этот тип в любом случае будет ходить мимо меня по сто раз за день. Но Брандолини и так это прекрасно знает, и, похоже, ему нет до этого никакого дела. Боже, у меня сейчас будет истерика!

– И сколько он здесь пробудет, этот шеф-повар? – спрашиваю в надежде получить ободряющий ответ.

– Как минимум два месяца.

– Два месяца? – эхом отзываюсь я, уже не беспокоясь о том, чтобы скрыть раздражение.

– Да, два месяца, может, больше: до тех пор, пока ресторан не начнет работать самостоятельно. – Граф опять поправляет свитер на плечах и решительно смотрит на меня. – Я надеюсь, для вас это не проблема? – спрашивает он, явно намекая, что «либо так, либо никак».

– Ну, если других вариантов нет... – теперь моя очередь выразить ему «мне это совсем не нравится, но придется смириться».

– Вот и прекрасно, тогда мне остается только пожелать вам хорошей работы, – он подает мне на прощание изящную руку. – До свидания, Елена.

– До свидания, граф.

– Пожалуйста, зовите меня Якопо.

Пытается подсластить пилюлю, сокращая дистанцию между нами? Я

натянута улыбаюсь.

– До свидания, Якопо.

Как только Брандолини выходит, сажусь на диван из красного бархата, который стоит у одной из стен. Я так разнервничалась, что совсем потеряла вдохновение. Терпеть этого не могу! Не хочу ничего знать ни о его ресторане, ни о его титулованном шеф-поваре, мне наплевать на вечеринку в честь открытия в стиле «Тысячи и одной ночи». Я просто хочу работать спокойно, одна, в тишине, – разве это непомерное требование?

Запускаю пальцы в волосы и смотрю на емкости, полные сухой темперы, – они выглядят как напоминание о моей неудаче.

К черту фреску! Уже семь тридцать, рабочее настроение улетучилось. Хватит. Устала. Пойду домой.

Выхожу на улицу, и меня обволакивает сладковатая влажность октября. По вечерам уже прохладно. Солнце почти совсем зашло за Лагуну, на улице горят фонари. Я иду быстрым шагом по улочкам, мысли путаются. Кажется, что они остались в ловушке в пыльном холле палаццо, и, боюсь, останутся там еще долго... И моя мама, и Гайя говорят, что, когда у меня что-то крутится в голове, я становлюсь рассеянной, летаю в облаках. Это правда, я всегда с радостью растворяюсь в своих мыслях и позволяю им унести меня далеко... И с этой привычкой убегать от реальности я не намерена расставаться. Мне нравится гулять одной по городу, когда ноги сами несут меня, а ум остается свободным.

Но вот легкая вибрация и звук внезапно возвращают меня к реальности. На экране айфона непрочитанное сообщение:

Биби, пойдём в кино?

Сегодня вечером в кинотеатре «Джорджоне» показывают последний фильм Соррентино.

Чмок.

Филиппо! Наконец тот человек, с которым я хотела бы провести вечер после такого дня, как этот. Но не думаю, что у меня хватит сил дойти до «Джорджоне». Я очень устала, и меня совсем не привлекает идея сидеть в закрытом зале еще два часа. Хочу упасть на диван и отдохнуть.

Пишу ответ:

А что, если мы поужинаем у меня, а потом посмотрим какой-нибудь фильм? Я – без сил. Не думаю, что буду в состоянии оценить Соррентино.

Моментальный ответ:

ОК. Увидимся у тебя:)

* * *

С Филиппо мы знакомы со времен университета. Познакомились на курсе «Архитектура внутреннего пространства», я была первокурсницей, а он – студентом третьего курса. Однажды он предложил заниматься вместе, и я согласилась. Он сразу показался мне человеком, которому можно доверять, и я чувствовала, что между нами существует какая-то тайная связь. Без каких-либо определенных причин, я просто знала это.

Он сразу показался мне человеком, которому можно доверять, и я чувствовала, что между нами существует какая-то тайная связь.

Мы быстро стали друзьями. Ходили вместе на выставки, в театр, в кино или просто болтали вечерами напролет. С тех пор Филиппо называет меня «Биби». Он утверждает, что я похожа на Биби из какого-то японского комикса – немного неуклюжий персонаж, постоянно пребывающий в бессмысленных и странных фантазиях.

Я уже не помню, почему мы потеряли друг друга из виду. В прошлом году я узнала через Гайю, что он начал работать на Карло Дзонте, одного из самых известных итальянских архитекторов, и переехал в Рим.

Потом, месяц назад, он дал о себе знать электронным письмом, так, словно с тех далеких лет прошел всего день: «Я опять в Венеции. Как давно мы уже не ходили в Музей Коррера? [\[9\]](#)» Это приглашение было для меня неожиданным, и я сразу же поняла, насколько мне не хватало Филиппо. Я моментально согласилась.

Тогда мы увиделись впервые после многих лет, но было такое ощущение, что ничего не изменилось. Мы спокойно прошли по залам музея, рассказывая друг другу все новости с того момента, как мы расстались. Мы снова останавливались перед любимыми произведениями (я хорошо помнила его любимые вещи, а он – мои).

Потом мы встретились опять, сходили поужинать, а в другой раз – в кино. Мы с Филиппо подумывали, что было бы здорово устроить встречу выпускников университета, но почему-то так для этого ничего и не

предприняли.

* * *

Уже почти девять вечера, трель звонка заставляет меня выскользнуть из ванной. Легкий макияж на глазах, а волосы собраны в короткий хвостик. Открываю дверь, одетая в джинсы, белую майку и шлепанцы, и, пока он поднимается, набрасываю безразмерную толстовку. (Я стараюсь не думать о выражении лица Гайи – что бы она сказала про такой вид. Это моя домашняя одежда, и я уверена, что Филиппо не будет шокирован.)

Он бегом поднимается по ступенькам с двумя коробками пиццы в руках. На входе его встречает теплый, глубокий голос последнего диска Норы Джонс.

– Давай быстрее, пока не остыли! – говорит он, входя. Бросает на пол сумку, на лету чмокает меня в щеку и летит, как ракета, на кухню.

– Ты голодный? – я иду за ним и освобождаю пространство на столе.

– Умираю, есть хочу!

Он уже открыл один из ящиков – с ходу определив нужный, хотя не был у меня дома несколько лет, – и нашел нож для пиццы. Сначала он нарезает мою.

Я смотрю на Филиппо. В его лице есть что-то открытое и светящееся, почти умиротворяющее: может, поэтому мы и стали друзьями в университетский период. Большие глубокие глаза, удлиненной формы – немного азиатские, если бы не их светло-зеленый цвет. И светлые волосы, вихрящиеся в беспорядке на голове.

– Овощи без сладкого перца, как тебе нравится, – он подает мне разрезанную на порции пиццу.

Он даже это помнит! Киваю, довольная, а он смотрит на меня своими необычными глазами, которые чуть не насильно приковывают внимание. На какое-то мгновение мы будто застываем на месте, но потом Филиппо возвращается к пицце, а я берусь искать стаканы, просто чтобы чем-нибудь заняться. Это всего лишь мгновение, но мы оба почувствовали, как в воздухе витает какой-то магнетизм.

Это всего лишь мгновение, но мы оба почувствовали, как в воздухе витает какой-то магнетизм.

– Сегодня вечером я тоже буду вегетарианцем, чтобы ты не

чувствовала себя одиноко, – шутит он, открывая вторую коробку, и улыбается, обнажая белые ровные зубы. Это еще одна черта, которая мне в нем нравится, как и ямочка на правой щеке.

– Слушай, Биби, ничего, если я тебе скажу, что пиццерия внизу – просто кошмар?

– Да, я не сомневаюсь, – отвечаю, откусив первый кусок, – но все равно буду туда ходить: для меня это единственный быстрый и безболезненный способ пропитания.

– Может, уже пора научиться готовить?

На пару секунд делаю вид, что задумалась, перед тем как ответить.

– Нет!

Он кидает в меня оливкой со своей пиццы.

После еды, пока я завариваю чай из мелиссы, Филиппо просматривает DVD, расставленные в беспорядке на нижней полке библиотеки.

– А это еще что? – смеется он. – Это здесь откуда? – говорит он, размахивая коробкой с фильмом «Давай потанцуем?».

– Ой, наверное, это Гайя здесь оставила, еще давно! – закрываю лицо руками.

Он смотрит на меня с пониманием.

– Послушай, если тебе нравится эта чушь, не стоит стесняться: признание проблемы – первый шаг к ее излечению. Можешь рассказать мне, как другу... Я смогу помочь тебе, если ты захочешь.

– Дурак!

Кино – это одно из тех увлечений, которое мы всегда разделяли с Филиппо. Часто, приходя на кинофорум в университете, только мы вдвоем досиживали до конца сеанса на показах странных фильмов неизвестных режиссеров, относящихся к какой-нибудь забытой школе русского авангарда, в то время как наши однокурсники уже давным-давно сбежали в какой-нибудь бар.

Филиппо продолжает просматривать названия фильмов и выуживает «Необычный день» Этторе Скола.

– Я его уже видел раза четыре как минимум, но посмотрел бы еще раз с удовольствием. А ты?

– Для меня это будет третий раз, так что давай!

Филиппо падает на диван. Возится с пультом, бормоча что-то насчет новых сложностей технологий. Меня смешит его неуклюжесть. Я присоединяюсь к нему с двумя дымящимися чашками в руках. Ставлю их на стол, бросаю в угол шлепанцы, отпиваю глоток чая, совершенно забыв, что он горячий, и обжигаю язык. Затем плюхаюсь на диван рядом с ним.

На плазменном экране появляются первые титры, и я чувствую, как колено Филиппо прислоняется к моему. Это прикосновение неожиданно волнует меня, словно я только сейчас осознала, насколько мы близки. Я, как бы устраиваясь поудобнее на диване, стараюсь чуть-чуть отодвинуться от него. Он, похоже, ничего не замечает, наверное, это просто мне показалось...

Это прикосновение неожиданно волнует меня, словно я только сейчас осознала, насколько мы близки.

Фильм продолжается, такой же горький и сладкий одновременно, каким мы его помним. Мы смотрим на экран в религиозном молчании, попивая чай, который за это время достиг человеческой температуры, и иногда перематываем обратно наиболее запоминающиеся сцены. Сейчас Мастроянни и Софи Лорен пробуют танцевальные па, следуя узору плиток пола.

Краем глаза замечаю, что Филиппо за мной наблюдает. Я чувствую его взгляд на себе с самого начала фильма, горячий и обволакивающий. Поворачиваюсь и смотрю на него в упор:

– В чем дело?

Он улыбается, как будто я поймала его с поличным.

– Я думал о том, что за эти годы ты совсем не изменилась, – и продолжает пристально смотреть на меня. Я начинаю чувствовать себя неловко.

И пытаюсь отшутиться:

– А я-то надеялась стать лучше со временем.

– Ну, к счастью, ты избавилась от своего единственного недостатка.

Я вопросительно смотрю на него.

– Валерио, твой бывший, – продолжил он.

Толкаю его с оскорбленным видом. С Валерио я встречалась на предпоследнем курсе университета, а Филиппо терпеть его не мог и даже не особо старался это скрыть. «Он слишком поверхностный и недоразвитый для тебя», – повторял он постоянно, выводя меня из себя.

– Мне понадобилось время, чтобы осознать, что ты был прав, – признаю я.

– Давно расстались?

– Года полтора назад.

– И сейчас у тебя никого нет?

Прямо к цели. Я этого не ожидала.

– Нет.

Последовавшее за этим молчание показалось мне давящим. Я хотела сказать еще хоть что-то, чтобы сгладить возникшее напряжение, но в голову ничего не приходило. Не знаю, о чем думал Филиппо, но точно знаю, что я никогда ни о чем таком не помышляла. По крайней мере, до настоящего момента. Я просто была счастлива, что снова встретила старого друга, и даже не задумывалась о том, что между нами может быть что-то еще. Однако моя уверенность в этом испарилась в одно мгновение.

Я просто была счастлива, что снова встретила старого друга, и даже не задумывалась о том, что между нами может быть что-то еще.

– Это моя любимая сцена, – сказал Филиппо, снова поворачиваясь к экрану.

Мастроянни и Лорен поднялись на террасу и складывают развешенные на просушку простыни. Может быть, Филиппо уловил мою неловкость и решил помочь – это в его стиле.

Потихоньку вздыхаю с облегчением и стараюсь отвлечься. Скорее всего, это просто мои фантазии и он вообще ничего такого не имел в виду. Концентрируюсь на фильме и понемногу начинаю и в самом деле расслабляться.

На улице начинается дождь, и у меня такое ощущение, что звук капель, барабаниющих в слуховое окно, отзывается в моем сердце. Это чувство настолько приятно, что хочется полностью раствориться в нем.

Внезапно, словно выходя из глубокой комы, слышу тихий голос, который шепчет мне: «Биби, я ухожу».

Открываю глаза и вижу наклонившегося надо мной Филиппо, по экрану телевизора бегут титры. Пытаюсь подняться.

– Ты почему меня не разбудил?

– Тссс, лежи, – он укутывает мне плечи пледом. – Я позаимствую у тебя сломанный зонтик?

– Можешь и не сломанный взять.

– Не волнуйся... Мне тут недалеко.

Он гладит меня по щеке с невиданной прежде нежностью и легонько целует в лоб.

– Пока, Биби...

Глава 2

Сегодня утром я решила отдохнуть от фрески и заняться массой скучнейших домашних дел. Сразу скажу, я не идеальная домохозяйка. В корзине с грязным бельем висится гора мятой одежды, и я понимаю, что придется пару раз запустить стиральную машинку. Потом захожу в химчистку за платьем, которое я оставила там еще летом, а после этого отваживаюсь на поход в магазин в моем стиле – покупаюсь готовой замороженной едой. Придя домой, подумываю о том, чтобы немного навести порядок, но это желание быстро проходит – лучше уж пойти поработать! Так что беру ключи и спешно выхожу на улицу.

По дороге в палаццо захожу в художественную лавку, мне нужно полкило пигмента цвета морской волны – на случай, если не хватит того, что у меня уже есть. Предпочитаю покупать краски сама, чтобы выбрать нужный мне цвет. Если бы я по совету Брандолини отправляла Франко, он бы каждый раз возвращался с неподходящим оттенком.

В два часа дня улочка, куда выходит центральный вход палаццо, безлюдна. Преимущества работы свободным художником в здании, от которого практически только у меня одной есть ключи (по крайней мере, до вчерашнего дня так и было), – если я отстаю по своему плану работ, то могу спокойно поработать в субботу. В субботу студентов нет, а туристы предпочитают Сан-Марко и Риальто, которые находятся довольно далеко отсюда.

Вставляю длинный ключ в замок ворот, поворачиваю один раз налево и два раза направо и чувствую, что он проворачивается вхолостую. Ворота открыты, и сигнализация не подключена. Так даже лучше, потому что однажды сигнализация сработала по ошибке, и то был единственный раз, когда мне пришлось прибегнуть к помощи Франко. Наверное, это он зашел внутрь. Поднимаюсь по мраморной лестнице и толкаю дверь черного хода, которая отворяется в холл.

Ну вот и наступил момент, которого я так боялась.

Передо мной возвышается массивная спина, облаченная в красную рубашку. Это обещанный жилец. Я не ожидала сейчас его здесь встретить. Он замороженно смотрит на стену с фреской. Неподвижен. Огромен. У ног – дорожная сумка, из которой торчит пола джинсового пиджака, по ее виду сразу можно сказать, что она побывала не в одном аэропорту.

Изображаю легкое покашливание, чтобы объявить о своем

присутствии, он поворачивается и окидывает меня таким пронзительным взглядом, что мне хочется повернуться и уйти. Его черные глаза непроницаемы, но при этом излучают такой необъяснимый свет из-под густых бровей, что я теряю дар речи, но потом беру себя в руки.

– Здравствуйте, я Елена, – говорю, бросая взгляд на фреску. – Я реставратор.

– Привет, – улыбается, – Леонардо, очень приятно, – он пожимает мне руку, и я чувствую шершавость его кожи. Наверное, кожа на его руках так огрубела от работы. – Якопо мне много рассказывал о тебе.

Темные круги под глазами, чувственные губы, крупный нос, неухоженная, с рыжеватыми проблесками, щетина, темные волосы, которых уже давно не касались ножницы, – кажется, что он сошел с картины Гойи. На вид ему чуть меньше сорока, но производит впечатление чего-то надежного и прочного, как столетнее дерево.

Чувственные губы, крупный нос, неухоженная, с рыжеватыми проблесками, щетина, темные волосы, которых уже давно не касались ножницы, – кажется, что он сошел с картины Гойи.

– Эта картина излучает потрясающую чувственность, – говорит он, вновь поворачиваясь к фреске, в голосе слышен легкий сицилийский акцент. Пользуюсь случаем, чтобы получше изучить его: на нем черные льняные брюки, а под наполовину расстегнутой рубашкой угадывается мощная мускулатура. На загорелой груди видна темная поросль. На ногах – старые кроссовки, швы во многих местах разошлись. Кажется, он полон таинственной и дикой силы, которая вот-вот вырвется на свободу из-под одежды.

– Если говорить прямо, то это настоящее изнасилование, – отвечаю ему (когда я чувствую себя не в своей тарелке и хочу отстраниться, то веду себя как училка, это сильнее меня). Опускаю глаза под его взглядом, волна смущения обжигает мне лицо. – Здесь изображена сцена из классической мифологии, похищение Прозерпины, – добавляю уже менее заносчивым тоном.

Он кивает, все еще погруженный в созерцание фрески.

– Плутон похищает Прозерпину и уносит ее в ад, – продолжает он мои слова. – Прежде чем вернуть ее на землю, где она останется в течение шести месяцев, он дает ей съесть девять зернышек граната. Это миф, связанный с циклом времен года.

Один – ноль в пользу сицилийского повара и знатока мифологии: он заставил меня замолчать, и я это заслужила.

Леонардо оглядывается вокруг с восхищением и глубоко вздыхает. На мочке правого уха поблескивает маленькая серебряная серьга.

– Это палаццо просто восхитительно, находиться здесь – большая привилегия, правда?

«Так это и было до сегодняшнего дня, до твоего появления», – думаю про себя, но мне не хватает смелости сказать это вслух.

– Все в порядке, дорогой друг, можем идти, – прерывает нас Якопо. Он появляется внезапно из коридора слева от входа и, заметив мое присутствие, здоровается: – Добрый день, Елена.

– Добрый день, граф... эээ... Якопо, – мне все еще сложно называть его просто по имени.

– Я вижу, вы уже познакомились?

– Да, – отвечает Леонардо. – Елена была так добра, что рассказала мне о своей работе, – говорит он за меня (на самом деле я вела себя не так благочинно) и смотрит на меня с общительным видом, но я не отвечаю.

Брандолини благостно улыбается.

– Пойдем, Лео, – и берет его за руку. – Покажу тебе твои комнаты, вчера Ольга привела их в порядок.

Леонардо поднимает сумку с пола, перевешивает ее через плечо и следует за графом.

Беспокойная мысль настигает меня при одном упоминании прислуги.

– Якопо, простите... – говорю более тонким голосом, чем мне хотелось бы.

– Да? – граф оборачивается вместе с Леонардо.

– Да нет, ничего, просто хотела попросить об одолжении, – стараюсь говорить как можно более спокойным тоном. – Не могли бы вы предупредить Ольгу не убирать ничего здесь, это может помешать реставрационной работе.

– Конечно, не беспокойтесь, – успокаивает он меня. – Я ее уже предупредил.

Я снова чувствую взгляд Леонардо на себе, игнорировать его невозможно, он как магнит.

Благодарю и отворачиваюсь, чтобы избежать его магнетизма. Двое мужчин прощаются и уходят.

Вздыхаю поглубже, чтобы освободиться от этого странного волнующего ощущения, но не помогает – и сразу же принимаюсь за работу: я хочу попробовать голубой тон, который только что купила. Дохожу до

кухни и наполовину заполняю водой из-под крана мой кувшин с фильтром. (Жесткая вода Венеции губительна, она может сильно исказить оттенки цвета. Убедилась в этом на собственном опыте и теперь горжусь своим открытием.)

Из правого крыла палаццо улавливаю голоса и передвижения двух непрошенных гостей. Пора смириться с этим, но пока не знаю как. Остается надеяться, что этот Леонардо окажется замкнутым типом и будет проводить все дни в ресторане, а в остальное время будет сидеть в своей комнате. Не хочу, чтобы он путался у меня под ногами, его присутствие заставляет меня ощущать неловкость.

Остается надеяться, что этот Леонардо окажется замкнутым типом и будет проводить все дни в ресторане, а в остальное время будет сидеть в своей комнате.

Опускаюсь на колени на защитное полотно и начинаю смешивать в трех чашках белый и синий пигменты в разных пропорциях. Подобрать цвет одежды Прозерпины не так сложно, как гранат. На третьей чашке мне кажется, что я уже близка к нужному тону. Это просто проба, необходимая скорее для удовлетворения моего маниакального стремления к совершенству и для проверки качества нового пигмента.

– Дорогая Елена, я ухожу, – Брандолини появляется у входа как-то неожиданно, на сей раз один, – оставляю вас в хорошей компании. Вот увидите, вы с Лео поладите, – повторяется он, и мне кажется, что ни к чему хорошему это не приведет. Проводит указательным пальцем по ручке двери черного хода, как будто смахивая с нее несуществующую пыль. – Удачно поработать! До свидания!

– До свидания, господин граф... Вернее, Якопо.

* * *

Уже около шести, а Леонардо пока не видно. Поначалу я слышала классическую музыку, доносящуюся с верхнего этажа, потом и она смолкла. Думаю, он проспал весь день: по прибытии из Нью-Йорка разница во времени переносится тяжело. В любом случае, пусть так и остается в своей норе, меня это устраивает.

Захожу в ванную, чтобы умыться и переодеться. Снимаю рабочую футболку и джинсы и надеваю чистые брюки и хлопковую рубашку,

которые принесла с собой в спортивной сумке. Это и есть мое представление об элегантности, что бы там ни говорила Гайя.

Сегодня вечером я ужинаю у родителей – будем праздновать выход на пенсию моего отца, военно-морского офицера. После 45 лет безупречной карьеры лейтенант Лоренцо Вольпе уходит на заслуженный отдых. По иронии, я – дочь морского офицера – почти не умею плавать. Возможно, в этом виновата моя мать. Если она видела, что во время летних каникул в Лидо ^[10]я слишком далеко заплываю от берега, то всегда пугалась, что мне не хватит сил вернуться обратно. Уверена, именно от нее мне достался нервный и, надо признаться, слегка неуравновешенный характер. А от отца я унаследовала безграничное упрямство и полную отдачу работе.

Заранее знаю, что, как только зайду в дом, мама встретит меня словами о том, какая я худая, уставшая и ужасно неухоженная, несмотря на мои жалкие попытки скрыть следы стресса мазками румян и помады. А папа будет просто молча смотреть на меня весь вечер, а когда наступит время прощаться, он проводит меня до двери с руками, сложенными за спиной. «Все хорошо? – спросит он перед тем, как выпустить меня. – Если тебе что-то нужно, помни, что мы всегда рядом». Я попрошу его не волноваться, поцелую в щеку, как обычно, и вернусь домой умиротворенная и спокойная, какой бываю только после вечера с родителями.

Я уже давно их не видела, и мне очень хочется, чтобы кто-нибудь обо мне позаботился.

Облизываю губы перед зеркалом, чтобы распределить нанесенную в спешке помаду, складываю все в сумку и – готово! Перед тем как уйти, бросаю быстрый взгляд на лестницу. Леонардо все еще забаррикадирован в своих комнатах. Может, стоит попрощаться?

Решаю, что не стоит.

Выхожу из массивных деревянных ворот, стараясь не шуметь, и, оказавшись на улице, в инстинктивном порыве поворачиваюсь, чтобы посмотреть на палаццо. На парадном этаже включен свет. Мне кажется странным, что с сегодняшнего дня я больше не одна наедине с моей фреской.

* * *

Поздним вечером влажного, но необычно теплого для Венеции воскресенья мы с Гаей договорились встретиться на аперитиве в «Стене» в Риальто. Совсем недавно она пригрозила мне по телефону: «Если не

придешь одетой как нормальная девушка, клянусь, я позову вышибалу!» Обычно я игнорирую ее советы, но иногда мне нравится подыгрывать ей. И так, о туфлях на 12-сантиметровой шпильке даже и речи быть не может, поэтому я выбрала босоножки из зеленой парчи с каблуком восемь сантиметров и открытое короткое платье с черным блейзером сверху. Для меня это большое достижение: мне трудно представить себя еще более женственной (ну, может, если что-нибудь сделать с моим школьным каре...). Догадываюсь, что скоро буду ругать себя за каблуки, потому что вечером в Венеции все ходят пешком между мостами – такси заламывают непомерные цены, а водные трамвайчики курсируют реже. Гайя просто обязана будет признать, что мне это дорого обошлось!

Вечером в Венеции все ходят пешком между мостами – такси заламывают непомерные цены, а водные трамвайчики курсируют реже.

В «Стене» уже полно народу, все толкаются между барной стойкой и стеклянными витринами, выходящими на площадь. Я не горю желанием войти в эту толчею, но обязана, по крайней мере ради оправдания нечеловеческий усилий, дойти сюда на каблуках. Проталкиваясь локтями и вышагивая, как модель в конце карьеры, прокладываю себе дорогу от входа. Наконец оказываюсь внутри клуба, живая и невредимая. Там царит хаос: ритмичная громкая музыка, танцующая толпа, и все уже напилось до запрещенного законом градуса, хотя еще только семь вечера. Поскольку я редко пью, мне никогда не удавалось вписаться в обстановку чисто алкогольного удовольствия, в то время как, скажем, Гайя может спокойно выпить три мохито за вечер без видимых признаков опьянения.

А вот и она, светская львица! Переходит от одного стола к другому, ослепительно улыбаясь и приторно приветствуя всех визгливым тоном, перекрывающим ультразвук предель. Блондинистый хвост мелькает в толпе: и без того высокая, Гайя ни за что не откажется от высоких каблуков. Вот она остановилась возле группы наших общих знакомых. Поднимаясь на цыпочки, подаю ей знак издали. К счастью, она меня заметила. Машет руками, приглашая подойти. Столкнувшись с десятком человек, ныряю в толпу – и вот я уже рядом с ней.

– Ну, наконец-то! Ты где была? – целует меня в щеку. Потом, как по сценарию, ее взгляд падает на мои ноги. – А эти босоножки? Какой стильный зеленый цвет! Молодец, Эле, мне нравится!

Проверку я прошла, теперь по крайней мере не рискую быть

выдворенной вышибалой.

– Ну что, как все прошло с твоим велосипедистом вчера вечером? – шепчу ей на ухо, щипая ее за бок.

– Мы с ним так и не встретились, – лицо Гайи принимает удрученное выражение, которому сложно поверить. – Боюсь, у него сейчас совсем другое в голове.

– Да ну?! – притворяюсь удивленной.

– Ой, ну я же не позволю какому-то Белотти так со мной обращаться! Об этом даже и речи быть не может, – хорошее расположение духа возвращается к ней моментально. – Ну... конечно, местечко в моем сердце для него всегда найдется, но оставляю выбор за ним. Если я ему нужна, пусть завоевывает мое внимание.

– Ну-ну... – Я продолжаю недоумевать, почему ее так интересует этот тип. Необъяснимые загадки любви. Или, скорее, гормонального всплеска в случае Гайи.

– А еще вчера вечером в «Пикколо Моло» я наткнулась на Тиаго Мендозу. Это он позирует для Армани. Обменялись телефонами.

– Я смотрю, ты время не теряешь, да? – Не знаю, кто этот новый фигурант, но для Гайи типично в пику любовному разочарованию бросаться в водоворот новых завоеваний.

В ответ она громко смеется, потом продолжает, обращаясь к остальной компании:

– Ну что, выпьем? Еще по спиритцу [\[11\]](#)каждому?

Все соглашаются единогласно. Гайя берет меня под руку и опять затаскивает в толпу.

– Нико, сделаешь мне восемь спиритцев с аперодем? – спрашивает она у бармена, облакачиваясь на барную стойку и взмахивая густо накрашенными ресницами.

– Конечно, amore! [\[12\]](#)

Это так типично для венецианцев, мужчин и женщин, обращаться друг к другу «amore», даже если вы знакомы менее часа. И бармен Нико – он будущий актер – не исключение.

Это так типично для венецианцев, мужчин и женщин, обращаться друг к другу «amore», даже если вы знакомы менее часа.

– А еще одну кока-колу для моей подруги, – добавляет Гайя, предвосхищая мой заказ.

Все остальные подходят к стойке, и в одно мгновение стаканы переходят из рук в руки, соединяясь для тоста.

– Пошли покурим? – предлагает кто-то. Стая мирно следует в направлении выхода. Гайя остается со мной и усаживается на барный табурет напротив. Кока-колы что-то долго нет.

– Филиппо подойдет к ужину? – спрашивает она.

– Похоже, да.

– Я буду рада снова увидеть его.

В начале нашей дружбы с Филиппо Гайя уже окончила университет, но когда я их познакомила, они сразу же нашли общих знакомых: Венеция – довольно маленький город, здесь все друг друга знают, особенно если вы светская тусовщица вроде Гайи.

В этот момент ее кто-то зовет из угла с диванами.

– Извини, пойду поздороваюсь, – говорит она, спрыгивая с табурета.

– Иди, иди, – отвечаю, – занимайся работой!

Гайя подмигивает, она уже готова к импровизированному модному показу в своих новых джеггинсах (совсем недавно и конечно же благодаря ей я обнаружила, что так называются джинсы, облегающие ноги до удушья). Гайя их часто надевает, хотя у нее полные икры (существенный для нее повод для отчаяния).

Я наслаждаюсь спектаклем со своего барного табурета: кошачья походка и майка, искусно обесцвеченная на груди линялыми пятнами – ради эффекта пуш-апа, потому что на самом деле природа наделила Гайю лишь вторым размером (но об этом знаю только я и мужчины, с которыми она спала).

Нико наконец-то подает мне кока-колу.

– Добавь мне льда, пожалуйста, – прошу его.

– Амоге, и лимончика тоже положить?

– Да, спасибо.

Делаю первый глоток через соломинку и чувствую вибрацию телефона. СМС от Филиппо:

Биби, я опаздываю.

Буду через полчаса.

Целую.

Отвечаю ему сразу же, надеясь, что он придет побыстрее:

ОК, мы тебя ждем!

Я только закончила писать сообщение, как вдруг чья-то рука трогает мое обнаженное плечо. Отшатываюсь в испуге, передо мной – Леонардо Ферранте, *жилец*.

– Привет, Елена, – здоровается он, – мир тесен!

У него все тот же слегка неухоженный вид, рубашка выглядывает из мятых брюк, но кажется, что он действительно рад меня видеть.

– Здравствуйте...

Он застал меня врасплох, я усаживаюсь поудобней на табурете и пытаюсь понять, а рада ли я нашей встрече. Вид этого мужчины парализует меня, я не могу собраться с мыслями в его присутствии. И это мне не нравится.

Он садится рядом без приглашения, уставившись на меня черными глазами.

– Ты одна? – он трогает меня за плечо, и не знаю почему, но меня это волнует.

– Нет, я с друзьями, – отвечаю, показывая рукой на толпу в клубе, чтобы дать понять, что сейчас все разошлись, а вообще я не одна.

В Леонардо есть что-то, что пронзает меня, словно удар в солнечное сплетение. Я хочу, чтобы он ушел. ...Наверное. В этот момент он поворачивается к какой-то компании, которая как раз усаживается за стол.

– Вы пока заказывайте, – говорит повелительным тоном, – я сейчас подойду. – Потом поворачивается ко мне и добавляет: – Вся команда этого ресторана – мои подчиненные.

– А, ну если вам надо идти... – отвечаю я на одном дыхании.

– Да нет, я рад, что мы встретились. Давай перейдем на «ты»? – продолжает он. Похоже, несмотря на то, что я продолжаю обращаться к нему на «вы», он решил все-таки сократить расстояние между нами.

Морщу лоб и разглядываю свои руки.

Вид этого мужчины парализует меня, я не могу собраться с мыслями в его присутствии. И это мне не нравится.

– Да, конечно... – бормочу я в ответ. Из вежливости и чтобы снять неловкость, я решаю продолжить разговор. – Вчера, выходя из палаццо, я старалась не шуметь. Надеюсь, я тебя не разбудила.

Моментально начинаю жалеть о сказанном. На самом деле это он должен стараться не беспокоить меня. Зачем я чуть ли не оправдываюсь?

– Не волнуйся, я крепко сплю. – Леонардо перехватывает взгляд

бармена, который за это время приблизился к нам: – Мне белый мартини.

Нико наполняет его бокал, и он вытаскивает кошелек.

– Я заплачу и за нее тоже, – кивает он в мою сторону.

– Нет, не стоит, – пытаюсь противостоять и открываю свою сумочку, но Леонардо останавливает меня, взяв за руку. Мое запястье кажется совсем маленьким в его пальцах, а его рука сжимает мою легко, но твердо. Он качает головой, и я сдаюсь.

– Ладно... Спасибо.

Попивая свой мартини, он смотрит на мой стакан.

– А ты не пьешь?

– Нет, – быстро отвечаю я.

– Плохо, очень плохо, – улыбается он, – тому, кто пьет только воду, обычно есть что скрывать.

– А я пью не только воду. Сейчас, например, пью кока-колу.

Леонардо смеется, обнажая крепкие белые зубы. И мне почему-то кажется, что он смеется не над моей шуткой, а надо мной. Потом отпивает глоток из своего бокала и пристально смотрит на меня с серьезным выражением лица.

– А тебе ведь не по душе мое присутствие в палаццо?

– Нет, – автоматически отвечаю я и тут же останавливаюсь. Понятно, что он не просто задал мне этот вопрос и ему нет никакого дела до моих фальшивых вежливых ответов. Я пытаюсь начать заново и, набравшись смелости, выдаю: – Действительно, я бы предпочла оставаться одна. Я просто не могу сосредоточиться, когда поблизости кто-то есть. Ну и потом, работа реставратора требует уединения.

Я ожидаю, что он мне ответит что-нибудь вроде «Понял, постараюсь беспокоить как можно меньше». Но нет. Сидит и смотрит на меня так, словно только что понял обо мне что-то важное, что от меня ускользнуло.

Внезапно он протягивает руку ко мне. Я инстинктивно отодвигаюсь. Когда это я позволила ему меня трогать? Он запускает мне в волосы пальцы, их кончики касаются моей шеи.

Внезапно он протягивает руку ко мне. Я инстинктивно отодвигаюсь. Когда это я позволила ему меня трогать?

– Осторожно, у тебя упало вот это. – И я вижу между его указательным и большим пальцем свою серьгу. Несколько мгновений смотрю замерев, потом беру ее и продеваю обратно в мочку.

– Это часто случается, застежка разболталась, – оправдываюсь я,

стараясь избежать его взгляда. Мое лицо покрывается всеми оттенками красного. Ну вот, теперь я действительно хочу, чтобы он ушел.

К счастью, один из коллег зовет его. Леонардо кивает ему и снова поворачивается ко мне.

– Извини, вернусь к команде, – говорит он. – До завтра.

– Да, конечно, до завтра.

Я смотрю, как он присоединяется к своим коллегам, и, проверяя еще раз ускользнувшую сережку, стараюсь сбросить это странное чувство неловкости.

Почти сразу же появляется Гайя, которой удалось освободиться от своих общественных обязанностей. Она заново усаживается на стул, уставившись на меня взглядом полицейского. Я уже психологически готова к допросу.

– Эле, *солнышко*, – и я уже понимаю, что она хочет от меня, – кто этот тип?

– Кто?

– Только не притворяйся, что не понимаешь, о ком речь, – затыкает она меня, – тот, с кем ты разговаривала пару минут назад.

– Это тот, кого Брандолини решил поселить в палатцу. Его зовут Леонардо, он шеф-повар, – в моем голосе слышна нетерпимость.

– Интересно... – Гайя наблюдает за ним издали. – А сколько ему лет?

– А я-то откуда знаю? Я с ним едва парой слов перекинулась.

– Ты что, не могла нас познакомить? Он ужасно сексуальный!

– Боже мой, Гайя, ты вечно за кем-то охотишься! – развожу руками. – И вообще, я не понимаю, что в нем такого, он просто мужлан, – говорю, поглядывая на Леонардо.

– Ну, могу поспорить, что он точно не один из этих мальчиков-мажоров, уж поверь мне, Эле, он настоящий мужик! – Гайя прикусывает губу.

Я подыскиваю слова, чтобы возразить ей, но в голову ничего не приходит.

– Девчонки! – знакомый голос спасает меня от лекции по мужской антропологии, которую собирается преподать мне Гайя.

Филиппо пробирается сквозь толпу и приветствует нас обеих поцелуем в щеку.

– Простите, в офисе был завал, этот козел Дзонта заставляет меня работать даже по воскресеньям. Он и его клиенты-миллионеры... Гайя, сколько мы с тобой не виделись?

– Пару лет, Филиппо. И пожалуйста, не говори мне, что я постарела,

даже если ты так подумал! – Дружно начинаем смеяться. Гайя протягивает ему спритц: – На, выпей, и пойдём все вместе ужинать.

– Вы уже решили куда? – Филиппо выпивает коктейль без возражений.

– Почему бы нам не пойти в вегетарианский ресторан в Гетто? – предлагаю я. По их взглядам понимаю, что моя идея не вызвала особого энтузиазма.

– Эле, – начинает Гайя, – как бы тебе сказать... Ты и твои навязчивые идеи насчет мяса уже, честно говоря, достали.

– Ок. Считайте, что я ничего не говорила. Бесчувственная! – Делаю вид, что дуюсь, но на самом деле я никогда не обижаюсь на Гайю, пусть подшучивает над моими вегетарианскими пристрастиями.

– А пойдём в «Мирай», японский ресторан на Каннареджо? [\[13\]](#) – предлагает Филиппо.

– Ура! – восклицает Гайя. – Обожаю суши. А там их потрясающе готовят.

– Ок, а я смогу взять рис с овощами.

– Ну что, все согласны? – Филиппо смотрит на меня, как бы говоря: «Надеюсь, что мы пришли к компромиссу».

Я улыбаюсь:

– Хорошо, пойдём!

* * *

В «Мирай» мы провели прекрасный вечер. Ужинали вдсятером – Гайя пригласила по дороге знакомых, которых мы встретили. Естественно, это было запланировано заранее, потому что после ужина наша «королева диско» затащила всех в «Пикколо Мондо» – одну из дискотек, где она работает PR-менеджером. Пошли все, кроме меня и Филиппо. Как только я отказалась от приглашения, Филиппо предложил провести вечер вместе, и мы пошли просто гулять по улицам. Мы были не одни такие – погода еще стоит довольно теплая, не хочется сидеть дома. Бары были полны, и иногда из них выходил кто-нибудь шатающейся походкой. Я тоже начинаю уже шататься, но не из-за выпитого, а по вине босоножек, которые сводят меня с ума.

– Все, я больше не могу, давай остановимся на минутку, – не закончив фразу, я падаю без сил на пустую скамейку и начинаю рыться в сумке в надежде найти пластырь. Его нет! Я думала перед выходом, что надо бы взять парочку, а потом забыла. Снимаю босоножки и смотрю на свои

красные, распухшие стопы с отметинами от лент. Жестокость моды.

– Боже, что я с вами сделала... – бормочу, потирая ступни.

Филиппо берет мою правую ступню и кладет себе на колени, заставляя меня повернуться всем телом к нему.

– Ты что делаешь? – спрашиваю с изумлением.

– Скорая помощь, – отвечает он, начиная массировать мою ногу. Его прикосновения оказывают оживляющее воздействие, и я чувствую, как кровь опять начинает бежать по венам. На мгновение всецело отдаюсь этому ощущению, позволяя его рукам продолжать свои мягкие движения. Но постепенно облегчение сменяется смущением: я лежу на скамейке в центре Венеции, а Филиппо массирует мне ноги. Это немного странная ситуация и очень интимный процесс. Я смотрю на Филиппо и вижу, что он тоже за мной наблюдает, но не так, как смотрел бы на меня просто друг. Наши лица находятся совсем рядом, мы близки к поцелую, и я чувствую, что это вот-вот случится. Хочу и одновременно боюсь этого, задерживаю дыхание...

Наши лица находятся со-всем рядом, мы близки к поцелую, и я чувствую, что это вот-вот случится. Хочу и одновременно боюсь этого, задерживаю дыхание...

Звонок моего мобильного резко возвращает нас к реальности.

– Эле, извини, что так поздно. Ты спишь? Это Гайя.

– Нет, нет...

Волшебство момента улетучилось, я в спешке стараюсь надеть босоножки. Пока я их застегиваю, кидаю взгляд на Филиппо: он кажется разочарованным. Наверное, я тоже. Но ничего не поделаешь. Гайя старается привлечь мое внимание:

– Эле, ты меня слышишь? Ты где?

– Да, извини, я еще иду...

– Слушай, у меня дерьмовая ситуация. Я поругалась с Франком из «Пикколо Мондо»... Он вообще больной, вызвал меня к себе в офис и начал кричать, что в последний раз я ему привела отморозков в клуб. Я ушла, хлопнув дверью, только ключи и все остальное осталось у него на столе.

– Ну так вернись и заberi их.

– Нет, Эле. Я вообще больше не хочу видеть этого придурка. Зайду завтра, когда дискотека будет закрыта и его там не будет. А сегодня вечером... можно я у тебя переночую?

– Конечно, жду тебя дома, до скорого.

– Я буду через две минуты.

Две минуты? Значит, она уже знала, что я ей не откажу.

Кладу трубку и поворачиваюсь к Филиппо.

– Извини, но Гайя едет ко мне, потеряла ключи.

Он улыбается, но в его глазах заметно легкое смятение.

– Ничего страшного, Эле. Я провожу тебя до вапоретто [\[14\]](#).

Мы ждем его минут пятнадцать почти в полном молчании, все еще ощущая неловкость из-за неслучившегося поцелуя. Перешучиваемся, стремясь сгладить напряжение. Когда подходит вапоретто, он кажется мне сказочным принцем, приехавшим спасти меня, и я вхожу на него с радостью, чуть не бегом.

Когда подходит вапоретто, он кажется мне сказочным принцем, приехавшим спасти меня, и я вхожу на него с радостью, чуть не бегом.

– Биби, мы ведь еще увидимся, правда? – спрашивает Филиппо.

– Конечно, до скорого, – отвечаю и машу ему рукой.

И ускользаю вдаль по воде.

* * *

У двери подъезда меня ждет Гайя, все еще злая. Поднимаясь по лестнице, она подробно рассказывает мне все, что произошло с Франком, и это отвлекает меня ненадолго от происшествия с Филиппо. Иногда она слишком горячится, и я напоминаю ей, чтобы говорила потише: уже поздно и все в доме спят.

Умываясь в ванной, ловлю на себе взгляд Гайи, которая наблюдает за мной в зеркале.

– Ты ведь ничего от меня не скрываешь?

Ну вот, она опять вошла в роль Великого инквизитора!

– А что мне от тебя скрывать? – бурчу, чистя зубы.

– Ну, не знаю, ты и Филиппо – что-то между вами происходит. Я чему-то помешала?

– Гайя, мы просто друзья.

Но она мне не верит.

– Ммм... Мне кажется, ты ему нравишься. Всегда нравилась!

Пожимаю плечами.

– А тебе он нравится?

– Не знаю. Я никогда об этом всерьез не задумывалась, – и я говорю правду. По крайней мере, не задумывалась до сегодняшнего вечера...

* * *

Мы забираемся под одеяло в мою двуспальную кровать, и почему-то внезапно нас это очень веселит. Гайя бросает мне в лицо подушку, и сразу же вспоминаются домашние вечеринки, которые мы устраивали подростками. Смеемся над тем, какими мы были тогда и какими стали сейчас. Выключаю ночник и желаю ей спокойной ночи.

Я уже засыпаю, когда голос Гайи снова будит меня:

– Эле...

– А? – отвечаю я спросонок.

– А этот Леонардо... Ты говорила, что он живет в палаццо. Это там, где ты работаешь, да?

– Ну да.

– А где это?

– Завтра объясню, спи уже.

Глава 3

—Эле!

Кто-то трясет меня за плечо.

– Давай, Эле, просыпайся! – Голос Гайи возвращает меня к реальности.

– Что такое?.. – бормочу я заспанным голосом.

– Черт, я вспомнила, что надо ехать в аэропорт, встречать Контини... режиссера... У него встреча в ателье Николао – просмотр костюмов для следующего фильма.

Нос улавливает заманчивый аромат свежесваренного кофе.

– А который час?

– Уже семь пятнадцать. Вся надежда лишь на то, что рейс из Рима опоздает...

Протираю глаза, чтобы лучше видеть. Гайя уже оделась и накрасилась. Не понимаю, как она еще может ходить во вчерашних сапожках на высоких каблуках.

– Мне пора бежать. Кофе уже готов в кофеварке, – она чмокает меня в щеку, – спасибо, что приютила.

– Не за что, – ворчу я, поворачиваясь на другой бок. – Мне нравится, когда меня пинают ногами всю ночь.

Гайя ворошит мне волосы и выходит, прикрыв дверь, оставляя меня в одиночестве бороться со сном. Я представляю, как она сбегает по лестнице и как, приложив к уху свой стильный *блэкберри*, уже вовсю обсуждает всевозможные шмотки, побрякушки и прочую модную чепуху.

С почти нечеловеческим усилием опираюсь на изголовье кровати. Все мое тело похрустывает; наверное, мне стоит послушать Гайю и записаться в спортзал. По ней уж точно не скажешь, что ей 29 лет, – она просто заряд бесконечной энергии.

Воображаю себя облаченной в цветные легинсы и ритмично пританцовывающей вместе с другими под музыку перед зеркалом. И этот образ сразу отбивает у меня весь спортивный энтузиазм. Пожалуй, придется смириться со скрипящими суставами.

Слезаю с кровати и погружаюсь в недра шкафа, откуда выуживаю наугад юбку и спортивный свитер, а потом ускользаю в ванную.

* * *

Первые лучи октябрьского солнца застают меня уже за дверями дома. Этот мягкий свет согревает меня. Сегодня я не сяду на вапоретто – от Сан-Вио до Ка'Реззониго десять минут пешком, и я собираюсь насладиться небольшой прогулкой.

Постепенно начинаю привыкать к солнечному свету. Глаза не должны подвести меня, только не сегодня! Нынче я решила полностью посвятить себя тому самому гранату: найти идеальный оттенок – это мой вызов.

* * *

Иду спокойным медленным шагом; может быть, причина тому – ноющие после вчерашнего вечера ноги или дело в том, что трудно не заразиться спокойствием Венеции.

Первый же мост как бы напоминает мне своим присутствием, что душа этих мест – вода, а вовсе не гранит. Мне нравится останавливаться на минутку, чтобы понаблюдать за течением жизни отсюда, сверху. Подо мной Рио-Сан-Во. Это странный узенький каналчик, он соединяет Гранд-канал с Заттере, разделяя надвое район. Отсюда прекрасно видны две стороны Венеции: и Сан-Марко, и Джудекка [\[15\]](#) – Венеция для туристов и для венецианцев.

Первый же мост как бы напоминает мне своим присутствием, что душа этих мест – вода, а вовсе не гранит.

Колокол на башне церкви Святой Анезе бьет девять часов. Ускоряю шаг, я уже опаздываю. Проходя мимо Галарей Академии, встречаю полную блондинку, которая на английском просит меня сфотографировать ее с женихом. Мне не хочется этого делать – надо поспешить, но все равно соглашаюсь, и она передает мне фотоаппарат, объясняя, на какую кнопку нужно нажимать. Поправляю сумку на плече и расставляю пошире ноги для устойчивости. Выражение их счастливых лиц застывает в фокусе объектива – *клик*.

Снова навожу объектив. *Клик*: парочка позирует с улыбками в тридцать два зуба и панорамой как на открытке – возможно, этот снимок они выберут потом для своего альбома. *Клик*. Третья фотография, неожиданная,

когда они перестают позировать, – получается самая лучшая. Влюбленные размыкают объятия и безгранично благодарят меня. Как и большинство туристов, они приехали не просто посмотреть на Венецию, а воплотить в реальность свою романтическую мечту. И у них есть на это полное право, по крайней мере так думаю я.

Улыбаюсь и убегаю. Легкий ветерок растрепал мне волосы, он еще не обжигает холодом, но становится первым предвестником наступающей осени.

В воздухе разносится запах горячих круассанов и капучино, этот аромат всякий раз сопровождает меня во время прогулки пешком на работу. Я почти никогда не останавливаюсь, чтобы позавтракать в баре. Я вообще обычно не завтракаю по утрам, нет аппетита, и потом – если я наемся, мне захочется спать. Сегодня я останавливаюсь у табачной лавки, чтобы купить лакричные палочки – они помогают мне сохранять внимание и спасают от перепадов давления.

Переулок, где находится палаццо, выходит напрямую на Гранд-канал. Нужно соблюдать осторожность, когда идешь по нему, особенно ночью. Это безликая, затаенная, неосвещенная и далекая от центра улочка, местами поросшая сорняками, которые цепляются за стенки. Никогда не подумаешь, что в конце булыжной дорожки прячется вход в одно из самых красивых зданий Венеции.

На самом деле этот город – урбанистическая аномалия. Все вокруг кажется разрушающимся, будто вот-вот упадет в мутную воду. И в то же время город полон жизни, завораживает своей неповторимой красотой.

Все вокруг кажется разрушающимся, будто вот-вот упадет в мутную воду. И в то же время город полон жизни, завораживает своей неповторимой красотой.

Кисточки и темпера лежат там же, где я оставила их в субботу, в том же строгом порядке. Никто их не трогал, это меня успокаивает. Фреска тоже в порядке, с ней ничего не стряслось. Это может показаться странным, но, если оставить произведение искусства без присмотра в период реставрации, с ним может произойти много неприятностей. Каждое утро я боюсь найти на фреске новое пятно влажности, колонию муравьев или отпечатки пальцев.

Из комнат Леонардо не исходит ни звука, наверное, он уже ушел.

Я облачаюсь в рабочую одежду, которая делает меня похожей на *ghostbuster* [\[16\]](#), и приступаю к работе. Я почти готова, осталось только

освежить взгляд каплями. По вине Гайи, которая крутилась в постели всю ночь, я плохо спала (если быть совсем честной, то тут есть вина и Филиппо, который не выходил у меня из головы) и теперь чувствую, как веки наливаются свинцом.

На мгновение образ Филиппо, массирующего мои ступни, проносится у меня в голове. Это было вчера вечером, но сейчас все случившееся кажется мне сном. Воспоминания уже не такие четкие, и мне не удастся пережить те же самые чувства. Странно.

Вынимаю из кармана комбинезона голубую бутылочку, отклоняю голову назад и капаю по две капли в правый и левый глаз. Поначалу жидкость щиплет, но через пять секунд все проходит, и я снова как новенькая.

Внезапно чувственный смех разносится по холлу. Мои глаза еще затуманены, но я все равно могу различить две приближающиеся ко мне фигуры. Леонардо и... – моргаю, чтобы сфокусировать взгляд, – какая-то красавица с воздушными волосами и бархатной кожей. На ней облегающее короткое платье из красного шелка, которое не только выставляет в выгодном свете стройные ноги, но и полностью обнажает спину, а глаза ее лучатся удовлетворением. Ее виду могла бы позавидовать даже Одри Хепберн.

– Добрый день, Елена, – произносит Леонардо, проходя мимо. Он одет не на выход, на нем толстовка и шлепанцы, и все это составляет необычное сочетание с элегантностью его спутницы.

– Здравствуйте, – отвечаю с намеренной отстраненностью.

Дива адресует мне легкий кивок головой и следует за Леонардо, цокая каблуками по полу. Дойдя до лестничного пролета, ведущего наружу, он проводит рукой по ее спине чувственным и в то же время как бы оберегающим жестом. Контраст между его темной и ее белоснежной кожей – волнующий, я не могу не думать об этом. Сразу видно, что они провели ночь вместе, я практически слышу запах секса, преследующий их.

Собираюсь вернуться к работе, но меня опять отвлекают. На сей раз – грохот снаружи, от которого дрожат стены. Похоже на звук катера. С любопытством отодвигаю штору на одной из балконных дверей, выходящих на Гранд-канал, и вижу моторную лодку, пришвартованную к причалу палаццо. Дива уже в лодке: сняла туфли на каблуках и надела кожаную куртку. Она приближается к борту и смотрит на Леонардо. Он не заставляет себя ждать и, нагнувшись с причала, слегка касается ее губами, после чего отдает швартовы ^[17] и машет ей рукой. Дива надевает черные солнечные очки, переключает ручку передач и уносится вдаль, оставляя за

собой серебристый след на воде. Похоже на сцену из фильма, но все это происходит в действительности, у меня на глазах.

Задвигаю шторы и немедленно принимаюсь за работу. Повторяю себе, что меня это абсолютно не интересует, стараюсь думать о другом.

Леонардо возвращается сразу же. Делаю вид, что я очень занята, пока замешиваю наугад какие-то цвета, стараясь смотреть перед собой. Он проходит мимо меня, не сказав ни слова, и, насвистывая что-то, исчезает у себя в комнате.

* * *

Я приготовила красный оттенок, забралась на стремянку и готова приступить к гранату. Надеюсь, что наконец-то можно спокойно работать, но, как обычно, мысли бегут сами по себе, а я начинаю следить за их ходом. Интересно – это была девушка Леонардо или просто приключение на одну ночь? Я никак не могу выбросить из головы воспоминание о том, как он провел рукой по ее обнаженной спине, а потом тот поцелуй – такой мимолетный, но очень чувственный.

Из ванной доносится звук льющейся воды, а мощный голос напевает какую-то мелодию, напоминающую мне о море и лете. Похоже, Леонардо совсем не торопится на работу сегодня утром.

Я поворачиваюсь, чтобы взять кисть, и понимаю, что он только что вышел из ванной и идет в холл. Наполовину обнаженный. Бедра обернуты синим полотенцем, волосы влажные. Идет босиком. Он напоминает мне античного воина. Подходит поближе с вызывающим видом, неровный пол трясется под его тяжестью.

– Ну что, Елена, как дела?

– Хорошо, спасибо, – отвечаю вполголоса, изображая безразличие. Мой взгляд прикован к фреске. Я чувствую себя неловко, маленькой и нелепой в моем бесформенном комбинезоне. Ну почему он не оденется?

– А как работа? – Он встряхивает волосами, и облако брызг разлетается в воздухе. Я вижу его краем глаза. К счастью, он находится на достаточном расстоянии от стены.

– Ну, как сказать...

– А ты знаешь, что на этой стремянке ты скорее выглядишь на своем месте, чем на барном стуле клуба?

– Будем считать это комплиментом.

– Это и есть комплимент.

Он не думает уходить. Я чувствую себя под наблюдением, и мне это совсем не по душе.

– Извини, но я очень занята... – говорю, поворачиваясь к фреске.

– Конечно, – говорит он с понимающей улыбкой и поднимает руки. – Тебе не нравится, чтобы рядом кто-то находился, когда ты работаешь. Вчера ты очень прямолинейно все объяснила.

– Вот именно, – бормочу, глядя, как он удаляется в свою спальню. И даже не осознаю, сказала ли я это на самом деле или просто подумала.

Как только остаюсь одна, слезаю со стремянки – мне нужна лакрица. Присутствие любого человека мне мешает, а его присутствие совершенно выводит из равновесия.

Глубоко вздыхаю и решаю начать сначала, в то время как кусочек лакрицы тает на языке. Черт, краска совсем засохла! Я сделала ее слишком густой. Теперь придется выбросить, помыть чашки и заново смешать все составляющие. Попробую использовать плоскую кисть, хотя бы для первого слоя, так работа пойдет быстрее.

Забираюсь заново на стремянку, чтобы рассмотреть поближе оттенки зерен и как следует запомнить его. Потом пробую новую смесь красного и фиолетового.

Из коридора справа от меня снова слышу приближающиеся знакомые уверенные шаги. Я инстинктивно поворачиваюсь: теперь он одет. На нем рваные джинсы и белая льняная рубашка – похоже, этот мужчина без ума от льна. На шее – черный шелковый шарф, который развеивается при каждом его шаге. Не знаю, как ему не холодно, на улице же октябрь...

Он подходит ближе и облокачивается на стремянку. По моей спине пробегает дрожь, и я чуть не теряю равновесие. Не знаю, что со мной происходит, но это мне совсем не нравится.

– Я пойду за покупками для ресторана, – говорит он, глядя вверх. – В Риальто, тебе что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо. Ничего.

– Ты уверена? – Он слегка наклоняет набок голову, и свет отражается в его сережке, заставляя ее мерцать. Его глаза необычайно светятся, будто улыбаются. Никогда бы не подумала, что обычные морщинки в углах глаз могут быть такими сексуальными. Боже, дух Гайи завладел мною!

Его глаза необычайно светятся, будто улыбаются. Никогда бы не подумала, что обычные морщинки в углах глаз могут быть такими сексуальными.

Прихожу в себя.

– Уверена, абсолютно, – и поворачиваюсь к стене, слегка смутившись. В этот момент фреска – мое единственное спасение. – А, слушай, чтобы попасть в Риальто, советую тебе сесть на вапоретто, так ты не рискуешь потеряться, – добавляю, стараясь казаться непринужденной.

Он пожимает плечами.

– Ну, разве не романтично – потеряться в Венеции?!

– Я это сказала, полагая, что ты не хочешь напрасно терять время. Наверное, у тебя куча неотложных дел.

– Конечно, но я оставляю всю скучную часть работы моим подчиненным, на мою долю остается все самое интересное, – Леонардо уверенно улыбается.

Вообще он производит впечатление человека, абсолютно уверенного в своем таланте, у которого все получается само по себе, без каких-то особых усилий.

– На кухне остались теплые круассаны и кофе, если ты еще не завтракала.

– Нет, спасибо. Я обычно по утрам не ем. И потом... я не могу сейчас прерывать работу.

– Почему? – он кажется заинтересованным.

– Мне нужно оставаться сконцентрированной на цвете, иначе я его потеряю.

Леонардо потирает подбородок, пристально глядя на меня.

– Цвет этого граната?

– Да, – киваю, глядя прямо перед собой. – Я уже давно над ним бьюсь, он сводит меня с ума. Так много непередаваемых оттенков, не говоря уже об игре света и тени...

Помимо своего желания, я становлюсь болтливой – разговоры о моей работе воодушевляют меня. Наверное, Леонардо это заметил, потому что он улыбается. Внимательно смотрит на гранат, потом на меня, словно обдумывая что-то.

Я внезапно замолкаю. Не знаю, о чем он думает, но повторяю себе, что меня это не должно интересовать. Он и так заставил меня потерять уже немало времени. Собираюсь попрощаться, когда слышу знакомый голос, и слова замирают у меня в горле.

– Эле, ты здесь? – недвусмысленный перестук каблучков по лестнице. – Здесь есть кто?

Леонардо вопросительно смотрит на меня, я в ответ киваю, показывая, что все в порядке. Гайя появляется в холле. Она зашла домой переодеться:

на ней уже другая одежда, и, как обычно, она безупречна. Здоровается с Леонардо прежде, чем со мной.

– Привет...

– Привет, – отвечает он с легким поклоном.

– Я пришла тебя проведать, – говорит она мне с невинной улыбкой.

Обманщица! Она ни разу не приходила навестить меня с тех пор, как я работаю в этом палаццо. Здесь она только ради него. И наверное, она подсмотрела этот адрес где-то у меня дома. При необходимости Гайя проявляет недюжинные качества частного детектива.

Я замираю на стремянке, даже и не собираюсь спускаться вниз. По крайней мере, отсюда, сверху, я могу наслаждаться спектаклем, который сейчас разворачивается.

– А разве у тебя не было важной встречи сегодня утром? – спрашиваю просто из садистского стремления поставить ее в неловкое положение.

– Уже все! Я даже успела забрать сумку из «Пикколо Мондо», – быстро отвечает она и смотрит на меня с таким видом, будто хочет сказать: «Ну и когда ты нас представишь?»

Я замечая, что Леонардо с интересом разглядывает ее, проводя пальцем по губам, одна его рука в кармане джинсов.

– Это Гайя, моя подруга, – говорю я. И сверху фраза звучит необычайно торжественно.

– Очень приятно, Леонардо, – он крепко пожимает ей руку. Не могу понять выражение его лица – зачарованность или любопытство? Я снова принимаюсь смешивать краски, изображая, будто меня совершенно не интересует происходящее на полтора метра ниже.

– Мне тоже очень приятно, – отзывается Гайя.

Даже не видя ее, я представляю, как она кокетливо взмахнула ресницами, и уверена, что она старается изо всех сил.

Вдруг я слышу ее восклицание: «Ну ничего себе, над чем ты работаешь, Эле! Она огромная и абсолютно потрясающая». Я смотрю на Гайю с подозрением – ей всегда было наплевать на фрески и реставрационные работы.

– Вы согласны? – добавляет она, обернувшись к Леонардо. Очевидно: она просто ищет повод поддержать разговор.

– Елена обожает свою работу, это видно с первого взгляда, – теплый тембр его голоса доходит до меня.

Гайя тем временем тут же воспользовалась шансом спросить:

– Ну а ты чем занимаешься?

– Я шеф-повар. Сейчас я работаю в новом ресторане Брандолини.

Могу предугадать следующую фразу Гайи: «Шеф... как интересно!»
– Какая интересная работа – шеф!

Совсем немного ошиблась. Смеюсь про себя, хотя меня все равно никто не видит.

Гайя продолжает задавать обычные вопросы: давно ты в Венеции, надолго здесь останешься, как тебе здесь нравится?...

Хихикает и кивает всякий раз, когда он ей что-то говорит. Я уже выучила весь набор ее обольстительных приемов: томный взгляд, пальцы перебирают пряди волос, кокетливая улыбка, надутые губки.

Я уже выучила весь набор ее обольстительных приемов: томный взгляд, пальцы перебирают пряди волос, кокетливая улыбка, надутые губки.

Я выглядываю с лестницы, чтобы получше рассмотреть сцену и, наверное, чтобы понять, какой эффект это производит на Леонардо. Похоже, ему нравится. И он тоже, как и все остальные, покорен очарованием Гайи. Внезапно он вспоминает обо мне и поднимает взгляд, я стремительно поворачиваюсь на место, чуть не уронив чашку с краской.

– Элена, может, мы тебя беспокоим?

Решаю быть ядовитой:

– Ну, как вам сказать...

Леонардо заново обращается к Гайе:

– Мне пора, я уже опаздываю. В любом случае рад знакомству.

– Я тоже, – отвечает она, тая, словно шоколадка на солнце.

Леонардо прощается и спешит к выходу. Гайя смотрит на его задницу, я смотрю на Гайю, и взгляд неизбежно падает на объект ее интереса. После этого мы переводим взгляды друг на друга.

– Неплохо... – думаем мы обе, но только она произносит это вслух. – Как ты вообще можешь работать, когда вокруг тебя ходит такой муж-чина?

– Может, ты имела в виду, как мне удастся работать, когда вы двое флиртуете тут подо мной?! – отвечаю с негодованием. – Ты еще и делаешь вид, что пришла меня проведать! Совести у тебя нет...

– Ну надо же мне было что-то придумать, раз ты мне не помогаешь. Ты не могла бы, пожалуйста, слезть с этой лестницы?

– Нет.

Со вздохом она ставит ногу на опору стремянки и берется рукой за одну из перекладин, все еще глядя в сторону выхода, за которым скрылся Леонардо.

– Слушай, Элена, в этом мужчине есть что-то феноменальное. Если ты это не признаешь – столкну тебя с лестницы.

Я принимаю безразличный вид.

– Дай мне вон ту губку, чтоб хоть какая-то польза от тебя была.

Гайя молча выполняет это, потом оглядывается вокруг, чтобы изучить обстановку, прежде у нее просто не было на это времени.

– А он вон там живет? – спрашивает, указывая на коридор, ведущий в левое крыло.

– Да.

– А ты видела его комнату?

– Нет, а что?

– Поверить не могу... Тебе что, совсем не интересно?

– Не то чтобы мне неинтересно... – Содрогаюсь от ужаса при одной только мысли о том, что она задумывает.

– А мне вот любопытно! – и она уходит, не дождавшись меня.

– Гайя, немедленно вернись сюда! – кричу ей вслед, но это абсолютно бесполезно. Придется мне слезть с лестницы. Бегу за ней. – Что тебе в голову стукнуло? Прекрати сейчас же! – Я догоняю ее и хватаю за рукав, но она сильнее и с уверенностью увлекает меня за собой.

– Да ладно тебе, только одним глазком взглянем! – настаивает она возбужденным тоном.

Мы уже прошли весь коридор и поднимаемся по лестнице, ведущей на верхний этаж, где находится спальня Леонардо. Не имея возможности остановиться, я вынуждена идти за ней, в надежде помешать ей что-нибудь натворить или, еще хуже, оставить следы своего пребывания.

– Слушай, у меня из-за тебя будут неприятности, я же здесь работаю! – пытаюсь давить на жалость, совсем забыв, что тема моей работы ее мало волнует.

Дверь комнаты открыта. Сама спальня огромна, как я ее себе и представляла, похожа на номер люкс высококлассного отеля. Кровать в центре разобрана, перекрученные шелковые простыни свисают с одного конца. Повсюду – красные с золотом обои, которые отражаются бесчисленное множество раз в огромных зеркалах, расположенных по бокам от балдахина. Уютная и элегантная обстановка с ноткой фривольности. Брандолини, конечно же, не случайно поселил его здесь.

– Вот это стиль! – восклицает Гайя.

– Вот это бардак! – эхом отзываюсь я. Везде полный беспорядок. Похоже, Леонардо не очень-то беспокоится об уборке. На кресле из красного бархата десяток рубашек набросаны одна на другую, а на

персидском ковре валяются две пары льняных брюк.

– Это нормально, что он такой несобранный, – говорит Гайя с умным видом, – он же артист!

– Вообще-то он повар, – отрезаю я, – и, думаю, все эти рассказы про гениев и беспорядок – полная чушь или просто предлог.

– Может быть, но в его случае это правда, – упорствует она. – Да ладно тебе! По нему с первого взгляда видно, какой он эксцентричный тип, творческая личность.

– Да ты что?! Ну значит, ты уже все о нем поняла!

– Некоторые вещи очевидны!

На тумбочке возвышается открытая бутылка «Moët & Chandon», а рядом – серебряный поднос, на котором стоят два бокала, один из них – со следами помады.

Гайя кидает на меня вопросительный взгляд, и я подтверждаю ее догадку.

– Сегодня утром с ним была женщина, и было сразу видно, что они провели ночь вместе.

Возможно, я нашла способ немного охладить ее пыл, поэтому добавляю с издевкой:

– К слову, она красивая, богатая и потрясающая. Практически недостижимая. Даже для тебя, моя дорогая, так что теперь можем идти.

– Ммм, игра становится все интересней... – Глаза Гайи загораются любопытством. Похоже, я добилась противоположного эффекта. – Может быть, это не его девушка. Иначе они жили бы вместе, разве нет? – продолжает она, цепляясь за свои догадки. – Для такого мужчины абсолютно нормально иметь любовницу.

На будущее надо бы запомнить, что, пытаясь ее обескуражить, я только подливаю масла в огонь.

Вместо того чтобы выйти из комнаты, Гайя направляется к шкафу и распахивает его. На минуту мой взгляд задерживается на пепельнице, стоящей посреди инкрустированного столика, и я замечаю в ней остатки травки. Ничего не говорю, чтобы не разжигать у Гайи еще больший интерес.

– Он фанат мятого льна! – объявляет она, высунувшись из-за одной из створок шкафа. Потом подходит к креслу, заваленному одеждой, и проводит рукой по вещам, которые надевал Леонардо, с мечтательным видом.

– Он элегантен и с хорошим вкусом. Поверь мне, это редкость в мужчинах.

– Гайя, хватит, ты меня достала! – И, отказавшись от попыток воздействовать на нее с помощью психологических уловок, говорю: – Пойдем отсюда, пожалуйста!

Подхожу к Гае, чтобы взять ее под руку. И мои ноздри начинает приятно пощипывать насыщенный аромат, похожий на амбру. Я чувствую его очень ясно: это запах Леонардо, вся его одежда пропитана им. Вдруг я ощущаю такое смятение, как будто бы он сам здесь в этот момент. Тяну Гаю за рукав.

– Ну, перестань... Еще только минутку... – протестует она, стараясь освободиться.

Внезапно звук снаружи парализует нас. Слышен скрип закрываемой двери. О господи, Леонардо уже вернулся!

– Вот видишь?! – рычу в панике.

Мы выбегаем из комнаты, слетаем по лестнице. Достигнув холла – с одышкой и бьющимся сердцем, – замечаем с долей сожаления, что это не Леонардо, а всего лишь смотритель дворца.

Я прихожу в себя и здороваюсь с ним, словно ничего не произошло:

– Добрый день, Франко!

– Добрый день, синьорина. Я зашел проверить. Все в порядке?

– Да. Спасибо, все хорошо, – мой голос срывается из-за недавней пробежки. – Я просто показывала палаццо подруге, которая зашла меня про-ведать.

– Здравствуйте, – говорит Гайя, взмахивая рукой в знак приветствия. Франко окидывает нас одобрительным взглядом, тем самым, которым он, я уверена, смотрит на приличных девушек.

– Хорошо, тогда я пойду, – заключает он, приближаясь к выходу, – если вам что-нибудь нужно...

– Спасибо, Франко, мне ничего не нужно. До завтра!

– До свидания!

После того как дверь закрывается, мы с Гаей смотрим друг на друга. Я умираю от желания разорвать ее на кусочки, но вместо этого чувствую, как мышцы лица расплываются в улыбке. Мы начинаем хохотать, прикрывая рот руками, как в детстве, натворив что-нибудь.

Я умираю от желания разорвать ее на кусочки, но вместо этого чувствую, как мышцы лица расплываются в улыбке.

Пытаюсь быть серьезной.

– А теперь убирайся. Понятно? – приказываю ей угрожающим тоном.

И вдруг понимаю, что уже совсем поздно и мне надо наверстать все то, что я не успела сделать сегодня.

– Ладно, оставлю тебя в покое, – Гайя собирается уходить, но, прежде чем выйти, поворачивается ко мне. – Зато мы повеселились! И как всегда, благодаря мне, – говорит она, подмигивая.

– Брысь отсюда! – смеюсь я.

– До встречи, подружка!

* * *

Уже почти семь, и я смиряюсь с мыслью о том, что пора идти домой, хотя этот день и не был столь продуктивным, как я планировала. Это бесполезно и невозможно – работать с таким количеством народа, который ходит туда-сюда! Практически потеряла утро, и лишь после обеда мне удалось собраться с мыслями, но я решила пока оставить гранат. Я нанесла первый слой облачения Прозерпины – хоть это у меня получилось хорошо.

Открыв ворота, ведущие в переулочек, понимаю, что напрасно не придавала значения штормовому предупреждению, объявленному вчера Морским центром. Вода поднимается с пугающей быстротой. Надо было уже давно уходить, когда прозвучала первая сирена, похожая на те, что объявляют комендантский час. Но я, как обычно, уверена, что пройдет много времени, прежде чем вода начнет подниматься. Иногда наводнения вообще не случаются. Однако я повела себя просто как идиотка. Резиновые сапоги, естественно, остались дома – с утра было солнце! Я их ношу с собой, только когда они не нужны, так же, как и зонтик.

На цыпочках в своих замшевых балетках я пытаюсь сделать несколько шагов по воде, которая уже начинает течь по улице, медленно, но неотвратимо. Это непросто, и когда я добираюсь до конца переулочка, ноги у меня уже совсем вымокли. Можно поискать два пластиковых пакета и использовать их, привязав к щиколоткам. Но, думаю, уже слишком поздно, если принять во внимание, что за какие-то пять минут вода поднялась сантиметров на тридцать.

Я нахожу спасение на еще сухом обломке стены и думаю, что мне делать дальше, хотя понимаю, что вариантов не так уж и много. Или пойду к дому, но доберусь туда полностью промокнув и одежду можно будет выбросить, или вернусь обратно в палаццо, рискуя застрять там до поздней ночи, когда прилив воды спадет.

Пока обдумываю эти два варианта, оба одинаково непривлекательных,

Леонардо, насвистывая, выходит из палатки, обутый в рыбацкие сапоги.

– Привет, Елена, ты что там делаешь? – спрашивает он, замечая меня, забравшуюся на стенку, словно кот, страдающий водобоязнью.

– Я тут пыталась вернуться домой... – отвечаю, из последних сил стараясь придать себе независимый вид. – А ты разве не должен быть в ресторане?

– Да, но я в пять вернулся, – он направляется ко мне, передвигая по ходу кубометры воды. – Ты просто настолько была погружена в работу, что даже меня не заметила, а я не хотел тебе мешать.

– Понятно.

Он дошел до меня. Отсюда, свысока, я почти одного роста с ним.

– Что будем делать? – Он изучает уровень воды. – Я подброшу тебя домой?

– А как?

– Забирайся на меня! – приказывает он, похлопывая себя по плечу. – Об остальном я позабочусь.

Предложение кажется слегка непристойным, и я смотрю на него с сомнением. Мне хотелось бы ответить: «Спасибо, не беспокойся, я уж как-нибудь сама разберусь». Но в моей ситуации в это не очень-то верится. Боюсь, придется принять предложение.

– А ты уверен? Потеряешь время из-за меня... – уточняю на всякий случай.

Он отсекает все сомнения решительным жестом руки и поворачивается ко мне спиной. Ок, согласна.

У него огромная спина, мне кажется, что я взбираюсь на гору. Под неизменной льняной рубашкой проступают мускулы. Поднимаю ногу, потом опять ставлю ее на место в сомнениях. Ох, зачем я сегодня утром надела юбку и чулки?! Чувствую себя неуклюжей, как в школе, когда учительница физкультуры заставляла меня взбираться по канату под жестокими взглядами одноклассников. Надо попробовать снова. Кладу сначала одну руку ему на плечо, потом отталкиваюсь, наваливаясь всем телом на его спину, Леонардо подхватывает мою ногу и устраивает ее вокруг своей талии. Я делаю то же самое со второй ногой.

– Готова? – спрашивает он.

– Думаю, да. – Мое тело теперь полностью прилегает к нему. – А ты? Сможешь?

Он смеется:

– Ты легкая как пушинка.

Он берется руками за мои обнаженные ноги выше колен и,

продвигаясь великанскими шагами, переходит первый мост за одно мгновение. Я чувствую, как моя грудь прижимается к мышцам его спины, и притом я обнимаю его за шею, чтобы не упасть. От него приятно пахнет тем же самым ароматом, который я уже уловила сегодня на его одежде. Но под парфюмом чувствуется другой запах, более подлинный и дикий, запах его кожи. Аромат ветра и моря.

Под парфюмом чувствуется другой запах, более подлинный и дикий, запах его кожи. Аромат ветра и моря.

– В какую сторону? – спрашивает он.

Я указываю ему дорогу, говоря в сантиметре от его уха, полупшепотом, который почему-то кажется мне двусмысленным, и он идет дальше. Идет спокойно, словно ничего не происходит, я же не перестаю спрашивать у себя, какого черта я делаю на закорках у незнакомого человека. Все это лишено смысла, но не то чтобы мне вовсе не нравилось. Я ощущаю тепло, от которого на мгновение чувствую желание остаться так навсегда, прижавшись к Леонардо. Внезапно понимаю, что мое заветное местечко касается его спины: нас разделяет лишь тонкая ткань трусиков, потому что чулки доходят только немного выше колен. Я уверена, что Гайя отдала бы все на свете, чтобы быть сейчас на моем месте.

Ой, кажется, я соскальзываю...

– Тебе точно удобно? Ты такая легкая. Я почти не чувствую твоего веса, – он сжимает мне ноги и слегка подбрасывает, устраивая меня понадежнее.

Он сильный, мышцы напряжены, горячая кровь пульсирует в венах. Его руки скользят по моим ногам с непринужденной естественностью, которая побеждает все мое смущение. Кажется, будто он уже изучил мое тело, и это приводит меня в растерянность. Я не знаю, что думать.

В переулке Толетта рабочие прокладывают мостки из деревянных брусьев, и от их многозначительных улыбочек и пошлых комментариев я чувствую себя как арабская принцесса на спине верблюда. Моя неловкость растет вместе с водой, которая безостановочно выплескивается из водосточков и заливают все вокруг, размывая стены и круша деревянные доски. К счастью, Леонардо не может видеть, как покраснели мои щеки.

В лавках спешно убирают товар с нижних полок, отовсюду доносится нецензурная брань торговцев. Наводнение ужасно: оно забирает с собой все вокруг, не делая скидок никому и ничему. Вообще-то надо признать, мне сегодня повезло.

Ну вот и пришли. Деревянный мост Академии [\[18\]](#) вырастает перед нами. Сто метров отсюда – и я уже дома. К счастью, начиная с этого места и дальше все уже покрыто мостками.

Легонько щиплю плечо Леонардо.

– Можешь остановиться, – говорю, – отсюда я могу уже сама дойти.

Леонардо останавливается.

– Ты уверена? Мне ничего не стоит пройти еще пару метров.

– Нет, спасибо, достаточно. Ты и так мне очень помог.

На минутку задумываюсь, не предложить ли ему что-нибудь выпить у меня дома, но не хочу создавать повод для двусмысленной ситуации. За нынешний день пропасть между нами и без того уже немало сократилась. И потом, моя квартира совсем не готова к приему гостей, так что решаю избежать нового повода для неловкости.

– Конец путешествия! – говорит он, ослабляя хватку на моих ногах и легонько задевая трусики.

Он, наверное, даже не заметил этого. Скорее всего, мне просто показалось. Потом сгибает колени и, взяв меня за плечи, помогает спуститься на землю.

Спрыгиваю на мостки, приводя в порядок одежду.

– Мне было приятно помочь тебе.

Я смотрю ему в глаза. Действительно, было приятно? Потому что для меня именно так и было.

– Ну пока, увидимся.

– Пока, Елена, до завтра!

Делает шаг в мутной воде, потом поворачивается, говоря:

– Знаешь, мне понравилась прогулка во время наводнения. Я всегда мечтал об этом. Никогда бы не подумал, что разделю мою мечту с тобой.

Я улыбаюсь ему в ответ. Он тоже улыбается и оставляет меня одну, в то время как Венеция позволяет волнам ласкать себя.

Глава 4

Сегодня у меня нет оправданий, нужно приниматься за гранат, хотя я чувствую себя уставшей. Всю ночь мне снились ужасные кошмары, и когда я открыла глаза утром, то обнаружила, что лежу поперек кровати, простыни перекручены, подушка валяется на полу. С трудом поднимаюсь, пульс ударами отдается в ушах, не помогли даже двадцать капель эфирного масла липы с расслабляющим эффектом. Пытаюсь заняться растяжкой, чтобы размять ноющие мышцы, но, когда понимаю, что носки ног никогда не казались мне настолько далекими, решаю отказаться от этой идеи.

Учитывая общее состояние и мрачное настроение, на работу я поехала на вапоретто – о том, чтобы идти пешком нынче утром, даже и речи быть не могло.

И вот я прислоняюсь к стене и снизу смотрю на гранат. У меня вырывается вздох. Что-то среднее между восхищением и отчаянием.

Мне хотелось бы сказать самой себе, что я полна энергии, что у меня все получится, но это было бы неправдой. И боюсь, что эта реставрация не будет тем совершенством, которого я сама от себя требую, что в конце концов мне придется удовлетвориться приблизительным результатом: возможно, цвет будет не тем, а лишь безуспешной попыткой подражания оригиналу. Я представляю, как неизвестный художник придет ночью ко мне во сне и обвинит в том, что я испортила его шедевр.

Провожу рукой по волосам, чтобы выбросить из головы эти глупые мысли, и надеваю бандану. Мне нельзя отвлекаться, необходимо закончить этот злосчастный гранат. Если не возьму себя в руки, то рискую потерять общее видение картины и испортить все остальное.

Боюсь, что эта реставрация не будет тем совершенством, которого я сама от себя требую, что в конце концов мне придется удовлетвориться приблизительным результатом.

Колокол Сан-Барнаба ^[19] только что пробил одиннадцать часов. Обычно в это время я перекусываю, как в школе, – это мой поздний завтрак, – но сейчас совсем нет аппетита. Утро началось неудачно, и, похоже, дальше будет не лучше. К тому же я потеряла глазные капли. Именно сейчас, когда они мне так нужны. «Ты, как всегда, витаешь в облаках», – сказала бы моя мама и была бы права. Смотрю на пол холла – в

надежде, что они выпали у меня из кармана, но безрезультатно. Ну что мне теперь делать?! Идти в аптеку за новым флаконом? Почему бы и нет, я и так ничего пока что не сделала.

К дьяволу капли! Массирую веки легкими движениями кончиков пальцев и взбираюсь вверх по лестнице, повторяя мою новую мантру – *Элена, ты способна это сделать!* – и вот я снова наедине с гранатом. У него вызывающий вид.

Я тебя не боюсь. Я в самом деле тебя не боюсь!

* * *

Я работаю уже час, и почти безрезультатно, когда голос за моей спиной разрушает и без того хрупкую ауру сосредоточенности, которой мне удалось окружить себя.

– Чао [\[20\]](#), Элена!

Ферранте! Только его мне не хватало...

– Леонардо... – киваю с рассеянным видом, надеясь, что у него тоже нет желания общаться. Я уже несколько дней с ним не виделась, с тех пор как он донес меня до дома на плечах. С того дня он, вопреки моему желанию, часто оказывался героем моих тайных и неуместных фантазий, которые я обычно подавляю на корню.

Я слежу за ним краем глаза: в руке у него мешок из коричневой бумаги, из тех, что используют на рынке.

Он смотрит на рисунок, почесывая подбородок, потом направляется к дивану и бросает на него мешок, который приземляется с глухим звуком на бархат обивки. Повернувшись ко мне спиной, он снимает кожаную куртку и остается в белой футболке с коротким рукавом. У него темная обветренная кожа, рельефные мышцы рук с заметными на поверхности венами. Этот мужчина очень красив. Спорить бесполезно. Гайя была права.

– Можешь сойти на минуту? – спрашивает он меня.

Я поворачиваюсь к нему, удивленно подняв брови, и отрицательно качаю головой.

– Да ладно, – продолжает он решительным тоном. – Я хочу провести эксперимент.

– Какой еще эксперимент?

– Ты слезь сначала, потом объясню.

Загадочная улыбка проскальзывает по его губам.

Не представляю, что у него на уме. Его взгляд не внушает мне

доверия, но в то же время в его предложении есть что-то манящее. Мое смущение возрастает. Я чувствую, как лицо заливается краской, и единственная возможность преодолеть смущение – это выполнить его просьбу без дальнейших колебаний. Поэтому я оставляю палитру и кисти на последней ступени стремянки и медленно спускаюсь.

Ну вот. Я стою перед ним. Леонардо изучает меня пронизывающим взглядом.

– Хорошо, – он глубоко вздыхает, – теперь закрой глаза.

– Что? – я нервно сглатываю. – Могу я узнать, какие у тебя намерения?

– Это просто опыт, – подбадривает он меня соблазняющим тоном, – но если сработает, ты потом будешь мне благодарна.

Я замечаю, как мои руки начинают дрожать. Так не пойдет! Этот мужчина приходит сюда, отрывает меня от работы, отдает мне приказы, а я даже не в состоянии дать ему отпор. В нем есть что-то завораживающее, что-то, что я не в силах контролировать и уж тем более оттолкнуть.

В нем есть что-то завораживающее, что-то, что я не в силах контролировать и уж тем более оттолкнуть.

Вдыхаю поглубже, потом еще раз, опускаю руки вдоль тела и наконец закрываю глаза. Я доверяю ему, думаю, у меня просто нет другого выбора.

– Поклянись, что не откроешь глаза до тех пор, пока я тебе этого не скажу.

Киваю в знак согласия, но при этом чувствую себя неловко.

– Елена, доверься мне, – успокаивающе говорит он, его голос звучит уже мягче.

Я слышу, как он куда-то идет, отдаляясь от меня. Потом слышится звук мнущейся, разворачиваемой бумаги. Похоже, он что-то ищет в мешке. Пытаюсь подсмотреть сквозь полузакрытые веки, но спина Леонардо закрывает мне весь обзор, так что приходится снова закрыть глаза. Начинаю соображать про себя, что, наверное, пора испугаться – в конце концов, я абсолютно не знаю этого мужчину... Нет, если вдуматься, то вряд ли мне стоит чего-то бояться. Более того, мне становится смешно.

– Я смотрю, тебе начинает нравиться. Это хорошо! Так даже лучше, – комментирует он.

Он приближается ко мне и останавливается в нескольких сантиметрах от моего лица – по крайней мере так мне кажется – я даже улавливаю его дыхание.

– А сейчас не думай ни о чем. Попробуй просто прочувствовать! –

авторитетно повелевает он.

Сухой звук доносится до моего левого уха. Я не могу его распознать, сначала он был грубым, потом мягким. Похоже, что-то сломалось, разломилось пополам с треском.

– Что это? – спрашиваю с удивлением.

– Попробуй угадать. В этом суть игры.

Я чувствую, как он улыбается, его дыхание обдает мне лицо, он придвигается все ближе.

– Почувствуй запах.

Он подносит загадочный объект к моему лицу, и я вдыхаю. Странный запах пронизывает меня, доходит до горла. Пахнет мхом, землей... чем-то живым.

– Это фрукт? – говорю наугад.

Леонардо не отвечает. Он нежно берет мои руки и поворачивает их ладонями вверх. Теплая дрожь пробегает по моей спине, теряясь в расселине между ягодицами.

– Дотронься до него, – шепчет и кладет мне на руки два полушария.

Я слегка сгибаю пальцы, чтобы лучше почувствовать. Снаружи он гладкий и в то же время морщинистый, а внутри я на ощупь узнаю плотное сплетение зернышек, обтянутых легкой пленкой.

Кажется, я поняла!

– Это гранат?

– Сейчас узнаешь! – Леонардо высвобождает его из моих рук. – Открой рот, попробуй!

Я колеблюсь в замешательстве: мне совсем не нравится, что я не могу видеть то, что собираюсь есть. Но потом послушно повинуюсь. Несколько прохладных зернышек соскальзывают мне на язык. У них кисловатый, чуть щиплющий привкус, на зубах чувствуется плотная и сладкая мякоть с твердой сердцевинкой.

– Вот это и есть настоящий гранат. Ты знаешь, что самые сладкие выращивают в Испании? – говорит он, держа плод в руках. – Я думаю, что тебе необходимо начать с этого, чтобы прийти вот к тому, – и он указывает на фреску.

Я тоже смотрю на него, еще ощущая во рту кашу из семян. Деталь, которая до недавнего времени была просто фрагментом определенной формы и цвета, внезапно стала чем-то живым. Теперь, когда я ощущаю гранат во рту, в ноздрях, в желудке, мне кажется, что я в первый раз вижу его на фреске по-настоящему и наконец-то могу постичь его тайную сущность. Не нахожу слов, я совершенно потеряна. Ищу помощи во

взгляде Леонардо, он улыбается мне.

Теперь, когда я ощущаю гранат во рту, в ноздрях, в желудке, мне кажется, что я в первый раз вижу его на фреске по-настоящему и наконец-то могу постичь его тайную сущность.

– Иногда глаз недостаточно, чтобы видеть всю картину полностью, тебе не кажется?

Киваю в нерешительности:

– Вроде я поняла, что ты хочешь сказать...

– Ну значит, тебе стоит сразу же приняться за работу. Не буду тебя больше беспокоить, – и поворачивается, чтобы уйти.

После нескольких шагов в направлении коридора он внезапно возвращается обратно, словно забыв что-то – наверное, пакет с гранатами или куртку. Но нет. Он останавливается рядом, роется в кармане джинсов и достает мою бутылочку с глазными каплями.

– Я нашел это вчера в своей комнате, – объясняет он, передавая капли мне. – И подумал, что тебе это может понадобиться.

Окаменев, забираю бутылочку, сейчас мне хотелось бы провалиться сквозь пол и больше никогда не появляться.

– Спасибо, я ее все утро искала, – отвечаю, как ни в чем не бывало, пытаюсь замаскировать волну стыда, поднимающуюся внутри меня. – Даже и не знаю, как она оказалась у тебя в комнате, – продолжаю я, а щеки предательски пылают краской. Опять! Мне бы хотелось найти подходящее алиби, но у меня никогда не получается лгать. Эта дура Гайя... А я еще большая дура, потому что тогда, несколько дней назад, последовала за ней! Он теперь будет думать, что я проныра или, еще хуже, – маньячка.

Леонардо обращает на меня понимающий взгляд, словно читая мои мысли. Он с веселым видом пожимает плечами и одаривает меня дружеской улыбкой, как бы говоря «расслабься, ничего не стряслось». Потом, без лишних слов, просто уходит, оставляя меня, застывшую, в центре холла. А я разрываюсь: стоит ли мне просто забыть об этом или убежать сию же минуту туда, где никто меня не знает.

* * *

Когда я покидаю палаццо, уже темно. Вдоль переулка горят фонари, и прохладный октябрьский ветерок заставляет меня поднять воротник плаща.

Я поправляю волосы, и вдруг знакомый голос почти шепотом называет меня по имени.

– Псссс... Биби! – голос Филиппо.

Он сидит на парапете колодца в самом центре площади. Перехватив мой взгляд, соскальзывает вниз и приземляется на брусчатку, отряхивая тренч дымчатого цвета.

– Эта фреска не хотела тебя отпускать, – он кладет в карман телефон и приближается ко мне.

– Поработала на славу, – отвечаю, но решаю не рассказывать ничего об эксперименте с Леонардо. – А ты что здесь делаешь?

– Я пришел попрощаться, – отвечает он, поправляя ремень сумки с ноутбуком на плече. – Я не позвонил, потому что знаю, что ты не отвечаешь во время работы.

– Ну, тебе бы я ответила, – улыбаюсь и хлопаю его по плечу.

Мы идем в направлении площади Сан-Барнаба. Я рада, что Филиппо со мной, он обладает потрясающей способностью успокаивать меня, с ним я чувствую себя комфортно.

– Мне нужно кое-что тебе сказать, – он почесывает затылок, как бы подыскивая подходящие слова. Его глаза моментально становятся грустными.

– Что случилось?

– Завтра я возвращаюсь обратно в Рим. Чтобы остаться там, – говорит он залпом.

– Ой, ничего себе...

Я не знаю, как реагировать на эту новость. Может, для него это хорошо и не стоит демонстрировать ту нотку сожаления, которая зародилась у меня внутри.

– Ты мне ничего раньше об этом не говорил...

– Я узнал об этом два часа назад, – он разводит руками в знак смирения, – решение начальника. Он надумал отправить меня в головной офис в Риме, потому что, по его мнению, я самый квалифицированный.

– Это звучит как повышение.

– Ну, как сказал Дзонта, кидая документы на мой стол со своим обычным надутым видом: «Отнесись к этому как к продвижению в карьере». – Филиппо засовывает руки поглубже в карманы и неподвижно смотрит на неопределенную точку на горизонте. – Повышение зарплаты и, само собой, все расходы на проживание – за счет компании. Думаю, это одно из тех предложений, от которых трудно отказаться... – говорит он, имитируя голос Марлона Брандо в «Крестном отце».

– А ты доволен? – задаю вопрос в лоб.

– Да, доволен, конечно, – отвечает он, – просто все произошло так неожиданно, я только обустроился в Венеции, и опять уезжать... – Он смотрит на меня, и на минуту я надеюсь, что он скажет: «А еще я не хочу с тобой расставаться!», но сразу же приказываю себе не помышлять об этом. Это его шанс построить карьеру, цель, ради которой он так старался, мне следует радоваться за него и отставить свой эгоизм.

– А ты надолго там должен будешь остаться? – спрашиваю, стараясь говорить не плаксивым тоном.

– Пока не знаю, но, как бы то ни было, речь идет о многих месяцах, да и начальный период будет бешеным, – он вздыхает, словно подготавливая меня к признанию, – наше архитектурское бюро добилось партнерства в реализации здания, спроектированного Ренцо Пьяно [\[21\]](#).

– Ничего себе, Фил. Поздравляю! А почему ты сразу не сказал?

Потрясающая новость. И я легонько целую его в щеку.

– Это шанс всей твоей жизни, – говорю я.

Филиппо скупно улыбается. Его скромность обезоруживает меня, и это одна из тех черт, которые мне в нем нравятся. Конечно, он гордится тем, чего достиг, но никогда не кичится этим. Он из тех, кто не теряет чувства реальности, даже если его попросят перепроектировать эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке.

– Послушай, мне надо на ужин с коллегами из дизайн-студии, они специально все организовали, чтобы попрощаться со мной перед отъездом.

По его взгляду понимаю, что ему не очень-то туда хочется и он идет просто из вежливости. Жалко, я-то надеялась, что хотя бы этот вечер мы проведем вместе. И я чувствую, что он думает о том же.

– А мы? Мы же не прощаемся вот так, правда? – протестую я.

– Мне очень жаль, Биби, – говорит он с сокрушенным видом, опуская взгляд. – Завтра мне надо будет собирать вещи перед отъездом, так что вряд ли у меня еще будет время.

– Как же так, Фил! – восклицаю я.

Он приподнимает мой подбородок и ободряюще улыбается.

– Я буду тебя ждать, ты обязательно должна приехать навестить меня в Риме.

– Конечно, приеду, – отвечаю с гримасой сожаления.

– Дай мне только время, чтобы обжиться, и организуем выходные. Договорились?

– Да, – но меня это все равно не утешает.

– Знаешь, я рад, что тебе грустно, – он убирает с моего лба прядь

волос. – Я чувствую то же самое, просто не показываю этого. Мне пора убежать. А то меня линчуют... или хуже – я приду, а там уже все напились.

– Мне тебя будет очень не хватать.

– И мне!

Мы крепко сжимаем друг друга в объятиях, словно хотим таким образом оставить на своих телах следы друг друга. Потом обмениваемся поцелуями в щеку и останавливаемся на мгновение в нерешительности. Возможно, нам обоим хотелось бы, чтобы этот поцелуй был другим, но сразу же отводим глаза и возвращаемся в образ старинных друзей.

– Я пойду, еще увидимся.

– Счастливого пути, Фил. И удачи!

Еще одно быстрое объятие, и мы расстаемся, расходясь в разные концы площади. Поворачиваемся снова, машем друг другу руками и уходим по разбегающимся в разные стороны улицам.

* * *

По пути домой на меня наваливается тяжелое чувство грусти. Это так несправедливо, что Филиппо уезжает именно сейчас: мы только недавно опять нашли друг друга и начали понимать многое о наших отношениях. Звучит глупо, но я лишь сейчас осознала, насколько важным для меня было его присутствие в последние два месяца.

Я одинока уже больше года (в том смысле, что в моей жизни нет мужчины), но меня это никогда особенно не тяготило. За это время я поняла, что на самом деле более независимая и самостоятельная, чем думала о себе прежде. А потом появился Филиппо, и я почувствовала, что он мне ближе, чем кто-либо другой. И я начала всерьез сомневаться, что состояние одиночества является таким уж естественным для меня.

Мгновение спустя у меня перед глазами появился образ Валерио, моего бывшего молодого человека: наши отношения зародились в беспечный университетский период и закончились при первом же столкновении со взрослой жизнью. Думая о нем, я не могу не спросить себя, любила ли его действительно или меня притягивала лишь неорганизованная серьезность наших отношений. После выпуска я начала тяготиться нестабильностью своей работы, меня переполняли тревога о будущем и неудовлетворенность, а Валерио в этот тяжелый период должен был бы стать одной из опор моей жизни. Я так хотела в это верить, что просто не замечала, насколько он слабее меня. Не понимала, что в периоды,

когда и я слаба и нуждаюсь в поддержке, наш союз с Валерио не может превратиться в единую силу. Было очень больно расставаться с ним, но теперь я понимаю, что это пошло на благо для нас обоих. Отношения с Валерио были просто моим убежищем от перипетий настоящей жизни. Проблема в том, что такое мнимое убежище иногда кажется очень похожим на любовь. Я уверена, что наше расставание стало знаком моего вступления во взрослый мир. И горжусь тем, что это было моим решением.

Отношения с Валерио были просто моим убежищем от перипетий настоящей жизни. Проблема в том, что такое мнимое убежище иногда кажется очень похожим на любовь.

Я дошла до дома. Хватит думать о прошлом, его уже не вернешь, и теперь наступил момент открыться тому новому, что ждет меня впереди. Если бы я смогла проводить больше времени с Филиппо, возможно, наша дружба (хотя теперь мне сложно так называть наши отношения) могла бы перерасти в нечто большее. Кто знает, может, еще не все потеряно, и мы найдем способ видеться? Одно ясно: мне будет не хватать наших прогулок, наших споров об увиденных фильмах, совместных с Филиппо ужинов и совместного смеха. Я буду скучать по нему, бесполезно это отрицать.

После ужина переодеваюсь в домашнюю одежду и заваливаюсь на диван с пультом. Когда я уже почти засыпаю под документальный фильм о животных саванны, раздается звонок в дверь. Смотрю на часы – около полуночи, кто бы это мог быть в такой час? Со страхом смотрю в глазок и вижу перед собой блондинистую голову и зеленые глаза Филиппо.

– Привет! – говорю, открывая дверь в растерянности.

– Я проходил мимо и решил зайти проверить, не спишь ли ты еще, – отвечает он с блуждающей улыбкой.

– Да, я смотрела телевизор, – отхожу, приглашая его войти.

Филиппо входит и идет в комнату, я за ним. Он странно себя ведет, весь напряженный, неловкий. Указываю ему на диван и сажусь рядом. Его лицо такое смертельно бледное, что я начинаю волноваться.

– Что-то случилось? – спрашиваю с осторожностью.

– Да нет, просто хотел поговорить с тобой, прежде чем...

– Фил, ты ведь не передумал? Ты решил не ехать? – забегаю я вперед.

– Нет, я не об этом.

– А в чем тогда дело?

– Дело в тебе, Елена.

Во мне. Ок, теперь все встало на свои места: Филиппо решил

признаться в своих чувствах и хочет сделать это прежде, чем переедет в другой город. А ведь я совсем к этому не готова, на мне худшие вещи из моего гардероба, и я даже не почистила зубы.

– Я не хочу уезжать, не сказав тебе, насколько ты важна для меня, – продолжает он.

– Слушай, я знаю, как хорошо ты ко мне относишься, – мне не приходит в голову ничего лучшего. И я пытаюсь смягчить эту напряженную ситуацию улыбкой, взъерошивая ему волосы. Слабо надеюсь, что он на этом остановится и не будет продолжать.

– Нет, не знаешь, – он останавливает мою руку и касается ладони глубоким, чувственным поцелуем. Тепло его губ пронизывает мою руку и доходит напрямую до сердца. Потом, не говоря лишних слов, он наклоняется и целует меня в губы – легко, неуверенно, как бы спрашивая разрешения.

Он касается ладони глубоким, чувственным поцелуем. Тепло его губ пронизывает мою руку и доходит напрямую до сердца.

Я не отклоняюсь, наоборот, придвигаюсь поближе. Даю тебе разрешение, Фил. Его губы смелеют, и язык медленно движется в поисках моего. Руки очень нежно поддерживают меня за голову и захватывают все мои мысли, заключая их в пространстве, которого между нами стало так мало. Закрываю глаза и задерживаю дыхание, теперь мы целуемся по-настоящему. Затем Филиппо отстраняется и смотрит на меня.

– Биби, я столько раз хотел это сделать. Но не был уверен, что ты тоже этого хочешь.

– Я только и ждала этого момента.

Мы целуемся снова и снова, ненасытно и не осмеливаясь сказать что-либо. Потом, с осторожностью, Филиппо помогает мне лечь на диван и устраивается рядом. Продолжая целовать, просовывает руку под толстовку и кончиками пальцев дотрагивается до груди. Это касание вызывает во мне дрожь. Он смотрит на меня, не веря своим глазам, так, словно я самая драгоценная вещь на свете. Мне тоже не верится, что после стольких сомнений и неудачных попыток наконец-то мы здесь, в обнимку, взволнованные, и у нас есть всего одна ночь, чтобы наверстать упущенное время.

После стольких сомнений и неудачных попыток наконец-то мы здесь, в обнимку, взволнованные, и у нас есть всего одна ночь,

чтобы наверстать упущенное время.

– Я всегда тебя хотел, с самого первого дня знакомства, – шепчет он мне на ухо и заново принимается целовать, с еще большей страстью. Его руки скользят по моей коже, ласкают грудь, останавливаясь ненадолго на небольшой родинке в форме сердечка, которая находится слева. Потом Филиппо оказывается надо мной и одним движением стягивает с меня толстовку и футболку. Под ними ничего нет, и я чувствую себя немного смущенной, оказавшись наполовину обнаженной, отвожу взгляд и пытаюсь найти выключатель, чтобы скрыться в темноте.

Я наблюдаю за тем, как его силуэт склоняется надо мной, чувствую, как его губы находят возбужденные соски и медленно посасывают их, словно сахар. Я таю под ним, проводя руками по волосам, наслаждаясь этими минутами сладкого забвения.

Он ищет молнию на моих джинсах и тянет ее вниз, не переставая меня целовать. Сжимаю мышцы живота, пока его рука пробирается в моих трусиках и ищет клитор. Это потрясающее, почти забытое чувство. Филиппо останавливается на мгновение, только чтобы сорвать с меня джинсы вместе с нижним бельем. Я тоже снимаю с него футболку, а от джинсов Филиппо освобождается самостоятельно. Теперь мы оба обнажены. В полумраке я различаю его стройную, с развитой мускулатурой грудь и его эрегированный член, направленный на меня. «Я собираюсь заняться любовью с Филиппо, – твержу я про себя, – это происходит *сейчас, здесь, у меня дома*», но мне пока сложно поверить в это. Мысли движутся медленнее, чем наши тела.

Он тем временем опять принимается ласкать мой клитор, пыльники проталкиваются между половыми губами и поднимаются вверх, заполняя пустоту. Я немного отстраняюсь, застигнутая врасплох.

– Все в порядке? – спрашивает Филиппо.

– Да, – успокаиваю его я.

Я почти год этим не занималась и очень взволнована. Филиппо ждет, пока я буду готова, потом ложится на меня и, придерживая свой орган одной рукой, медленно входит в меня, постепенно, не спеша. Войдя полностью, глубоко вздыхает и начинает двигаться в равномерном ритме. Я обнимаю его за шею и целую в губы, подстраивая бедра под его движения. Позволяю ему укачивать меня в своем ритме и полностью отдаюсь этому ощущению. Я уже и забыла, насколько это может быть прекрасно и всеобъемлюще.

Взаимопроникновение наших гениталий высвобождает дивную дрожь

желания, которая становится все сильнее. Она нарастает до тех пор, пока Филиппо не начинает двигаться с большей силой, и я лгну к нему с неистовством, вскрикивая. Чувствую, как оргазм расплывается по телу жидкой сладковатой волной. Вздрагиваю в его руках, теряю полностью контроль и ощущение времени и пространства. Кажется странным, что все это мне подарил Филиппо. И я так счастлива, как не была уже давно.

Филиппо наклоняется, чтобы поцеловать меня, и продолжает двигаться в поисках собственного удовольствия. Вот он тоже дошел до оргазма, я чувствую внутри себя его пульсирующий член, и Филиппо падает на меня со стоном облегчения.

Мы целуемся и в изнеможении обнимаем друг друга. В этот момент нет места словам и мыслям. Никто из нас не думает о том, что будет завтра. Мы занимались любовью, и это было прекрасно.

В этот момент нет места словам и мыслям. Никто из нас не думает о том, что будет завтра. Мы занимались любовью, и это было прекрасно.

– Елена, – говорит Филиппо, взяв мое лицо руками, – я хочу провести эту ночь с тобой.

– Да, – отвечаю шепотом.

Держась за руки, мы поднимаемся с дивана на расслабленных ногах. Я за руку довожу его до кровати, и мы забираемся под одеяло. Сон накрывает нас в объятиях друг друга.

* * *

Открываю глаза – комната пронизана голубоватым светом. Вчера я не закрыла ставни, поэтому из окна пробивается слабый отблеск рассвета. Поворачиваюсь в сторону Филиппо, но он уже на ногах, одевается. Он улыбается мне: «Спи, еще рано. Мне надо домой, собирать чемодан».

Я не послушалась его и усаживаюсь спиной к изголовью. Мы смотрим друг на друга и осознаем, что прощаться сейчас будет еще сложнее. Филиппо садится рядом и приглаживает мне волосы, наверняка они все растрепанные. Боже, и его последним воспоминанием обо мне будет мой ужасный вид утром спросонок?

– Не хочу видеть тебя грустной, Биби.

– Фил, а ты не боишься, что мы все только усложнили? Мы поступили

правильно, но в самый неподходящий момент.

– Может быть, но я ни о чем не сожалею. Я хотел тебя, и хочу сейчас.

– Ну и что мы будем дальше делать?

– Нам не обязательно решать что-то сию минуту, впереди много времени. Биби, не думай, что мы прощаемся...

– Да нет, конечно, – отвечаю, хотя совсем в этом не уверена, – просто серьезные решения меня всегда нервируют, ты же знаешь!

– Я знаю, но спешить нам некуда, когда мы снова увидимся – начнем с того момента, где закончили сегодня.

– То есть отложим все до лучших времен?

– Да, пока я буду жить в Риме, а ты в Венеции.

– Наверное, это лучший вариант.

– Это единственный способ не сойти с ума, Биби.

Мы прижимаемся друг к другу и целуемся в последний раз, потом он поднимается. Я тоже собираюсь встать, чтобы проводить его, но он меня останавливает и накрывает одеялом.

– Оставайся здесь, в тепле.

И последний поцелуй в лоб, прежде чем скрыться за дверью комнаты. Я накрываюсь одеялом с головой. Я хочу просто заснуть и забыть обо всем, но мысли уже роятся в голове.

Ночь, проведенная с Филиппо, была нежной и волнующей. Я задумываюсь о том, смогу ли на самом деле влюбиться в него, между нами всегда были особые отношения, но достаточно ли этого? Мне обязательно нужно это понять, я не могу позволить себе ошибиться и вернуться к тому, с чего начинала, – только не с Филиппо. Я стараюсь мыслить трезво, чтобы осознать – не принимаю ли я обычную привязанность за что-то большее. Конечно, нам будет сложно находиться на расстоянии друг от друга, но, возможно, это хорошее испытание для наших чувств.

Ночь, проведенная с Филиппо, была нежной и волнующей. Я задумываюсь о том, смогу ли на самом деле влюбиться в него, между нами всегда были особые отношения, но достаточно ли этого?

Я беспокойно ворочаюсь в кровати, поджариваясь на медленном огне ненужных терзаний – всего одна ночь секса и я уже потеряла голову? – и в конце концов встаю и иду на кухню заварить чай.

На столе, под вазой с фруктами лежит белый лист бумаги. Это рисунок – карандашный набросок женщины. Мой портрет. Поворачиваю лист и

читаю подпись внизу, четким аккуратным почерком.

Какая ты красивая!

Ты так хорошо спала сегодня ночью.

И ниже подпись: Филиппо.

Я падаю на стул, опустив руки. Откидываю голову назад и глубоко вздыхаю. Это нечестно, Фил. Разве я могу мыслить трезво, когда ты так себя ведешь?

Глава 5

Филиппо уехал три дня назад и позвонил мне сразу же по приезде в Рим. А позавчера мы виделись в скайпе.

– Биби, я не хочу тебя потерять. Не сейчас, – сказал он в заключение разговора.

Нужно стараться общаться чаще, хотя мы оба понимаем, что электронных писем и телефонных звонков недостаточно, чтобы заставить нас забыть о расстоянии между нами.

Я не сплю уже три ночи. Днем мне удается сосредоточиться на работе, а вот вечером, перед тем как заснуть, на меня находят сомнения и раздумья. Иногда мне даже кажется, что я чувствую запах Филиппо, который остался с нашей единственной ночи. Чем все это закончится? У нас есть какое-то будущее, хотя бы право надеяться на него после долгого периода намеренного одиночества? Или это была просто одна ночь, когда мы позволили увлечь себя эмоциям, нахлынувшим при расставании? Что мы действительно чувствуем друг к другу? А самое главное – что чувствую я?

Как нарочно, две соседские кошки, любимицы синьоры Клелии, тоже взялись мешать мне спать сегодня ночью. Эта старая дева держит их взаперти весь год, в своей двухкомнатной квартире на тридцать квадратных метров, но в период течки они сходят с ума, и синьора выпускает их на улицу. Их мучительные мяуканья становятся настоящим испытанием для моей нервной системы и моей любви к животным.

В четыре часа утра я больше не могла это переносить и с черными кругами под глазами выглянула в окно – смирившаяся свидетельница ночного шоу, происходящего внизу на площади. Вокруг кошек Клелии пять или шесть бродячих котов затеяли жестокую борьбу за право овладения ими. Кутерьма выгнутых спин, шипения, торчащей шерсти, а еще когти, зубы и пронзительное мяуканье. Не выдержав, кошки отдались своему желанию, хотя в этой животной оргии я так и не смогла понять, с кем именно. Завтра утром Клелия истерично будет звать их по всем соседним дворам, а через пару недель кошки вернутся домой, исхудавшие, исцарапанные, но счастливые. Везет же им!

У нас есть какое-то будущее, хотя бы право надеяться на него после долгого периода намеренного одиночества? Или это была просто одна ночь, когда мы позволили увлечь себя

эмоциям?

На работе, полусонная, я по-прежнему погружена в свои мысли. Трель айфона резко возвращает меня к действительности. Кладу кисть на защитное полотно и скорее читаю, даже не сняв латексные перчатки: я уже догадываюсь, кто это может быть. Так и есть – Филиппо прислал ММС. Закачиваю фотографию: это он, вблизи, с еще заспанными глазами и доверчивой улыбкой на фоне современного здания, вернее, пока что стройки.

Привет, Биби. Я уже весь в делах. А ты?
Скучаю

Рассматриваю фотографию с легкой грустью, мне тоже его не хватает. Мысль поехать к нему посещает меня все чаще, и надо признать, что размышления о новых знакомствах, которые он может завести в столице, заставляют меня ревновать. Наверное, наступил момент броситься с головой в водоворот событий, чтобы и на мою долю выпало эротическое приключение.

Вытерев экран телефона об рукав комбинезона, пишу ответ:

Я, как обычно, прикована к моей фреске, но, по крайней мере, у меня получается...

Тоже скучаю. Целую

Потом фотографирую себя на фоне фрески и прикладываю фото к сообщению. Несмотря на бессонные ночи и мои терзания, реставрация идет хорошо. Может, потому, что со временем я стала чувствовать себя увереннее, а может быть, сработал эксперимент Леонардо (надо отдать и ему должное). Да и вообще, если постоянно пытаешься что-то сделать, в конце концов это получается. Каким-то чудом гранат сегодня наконец-то приобрел нужный оттенок – тот самый, которого я так долго добивалась.

Наверное, наступил момент броситься с головой в водоворот событий, чтобы и на мою долю выпало эротическое приключение.

– Я смотрю, мы тут расслабляемся... – слышу за спиной знакомый голос. Поворачиваюсь и вижу в дверях Гайю, модная сумка свисает с

одного плеча, идет ко мне уверенным шагом на своих высоченных каблуках.

Этого не может быть! Несмотря на все уговоры и угрозы, она опять за свое! Я рассказала ей о постыдном завершении нашей выходки и попросила больше не показываться в этих краях, а она опять здесь, как ни в чем не бывало, с бесстыдным выражением лица человека, которому нечего бояться.

Хватаю кисть, замазанную темперой, и навожу на нее.

– Изыди, Сатана! – приказываю. Потом до меня доходит: а как она сюда зашла? – Как ты вообще здесь оказалась? Ворота не были закрыты?

– Я договорилась со зрителем внизу, – Гайя подмигивает. Ничего не поделаешь, даже Франко не устоял перед ее кокетством.

– Немедленно выйди отсюда! Я работаю, у меня куча дел, и я не хочу неприятностей! – говорю на одном дыхании, размахивая кистью в направлении ее шелковой рубашки.

Гайя поднимает руки и выдает одну из тех улыбок, которыми надеется завоевать мир.

– Эле, да ладно тебе! Столько проблем из-за каких-то глазных капель?

– Из-за каких-то капель?! Из-за глупостей, которые ты заставляешь меня делать! – Кладу на место кисть и тут же понимаю, что это было ошибкой, в ее глазах это выглядит как капитуляция. Она тут же подходит поближе с заискивающим видом.

– А мне не кажется, что все так ужасно.

Я сосредоточиваюсь на чистке инструментов, чтобы вернуть себе профессиональный авторитет. Гайя наклоняется в поисках моего взгляда. Похоже, моя нетерпимость ее веселит.

– А я подумала, если Леонардо не рассердился, значит, в глубине души наше внимание ему нравится, разве нет? – продолжает она.

Делаю вид, что обдумываю сказанное.

– Или он просто считает, что мы две такие дуры, на которых нет смысла сердиться, – заключаю я.

– Ты недооценивать самовлюбленность мужчин, – отвечает она мне со знающим видом, – всем нравится быть объектом внимания.

– Это похоже на фразу из пособия для маньяков-преследователей.

Леонардо появляется именно в этот момент, как божество, сошедшее с небес в греческой трагедии. Только на нем нынче рваные джинсы и черная кожаная куртка. У Гайи загораются глаза, у меня начинают пылать щеки.

Леонардо появляется именно в этот момент, как божество,

сошедшее с небес в греческой трагедии. Только на нем нынче рваные джинсы и черная кожаная куртка.

– Добрый день! – приветствует он нас. Похоже, он не заметил нашу реакцию – довольно своеобразную у обеих.

– Добрый! – отвечаем хором.

Леонардо бросает взгляд на фреску и заговорщически улыбается мне:

– Это похоже на гранат...

– Мда, – киваю. – После долгих попыток...

Стараюсь не вдаваться в детали. Нужно избегать упоминания о нашем «эксперименте», чтобы спастись от любопытства Гайи. Я принимаюсь энергично оттирать краску с одной из емкостей, изображая занятость.

Леонардо обращается к Гайе:

– Ты часто приходишь навестить Элену?

– Ну, вообще-то я просто проходила мимо...

«Это она тебя часто приходит навещать», – думаю про себя, яростно сдирая сухую краску.

Несмотря на мою отстраненность, разговор между двумя голубками продолжается. Похоже, Леонардо нравится присутствие Гайи, без сомнения, он уже понял ее интересы здесь. Наверное, Гайя все-таки права: мир полон самовлюбленных красавчиков, которые только и ждут, чтобы их обожали.

Ни с того ни с сего он оборачивается в мою сторону.

– Совсем забыл сказать вам самое главное, – он проводит рукой по волосам, – вы обе приглашены на открытие ресторана.

Я прекращаю оттирать краску и вникаю в их разговор.

– Да ты что! И когда же? – спрашивает Гайя в предвкушении, стараясь придать своему голосу как можно более небрежный тон.

– Ровно через неделю, в следующую среду.

Ну конечно, только этого мне и не хватало. Открываю рот, чтобы сказать: «В следующую среду? Ой, как жаль, но у нас уже есть планы», но Гайя меня опережает:

– Спасибо, обязательно придем! Правда, Елена? – Даже не глядя на меня, она рывком достает из сумочки свой блэкберри. – Сразу же запишу себе в календарь, – Гайя обновляет расписание летающими движениями пальцев и потом пользуется моментом, чтобы спросить его номер телефона: «На случай, если произойдет что-нибудь непредвиденное», – объясняет она с хитрой улыбочкой.

Видеть ее в действии – настоящий спектакль. Я настолько им

заворожена, что даже забываю рассердиться на нее. Гайя – недостижимый для меня идеал в том, что касается техники соблазнения, на втором месте после нее – кошки Клелии.

Видеть ее в действии – настоящий спектакль. Гайя – недостижимый для меня идеал в том, что касается техники соблазнения.

Леонардо, словно поняв мою нерешительность, кидает на меня ободряющий взгляд:

– Жду вас обеих, понятно?

Я киваю, однако особенно в это не верю, но он серьезно смотрит на меня.

– Елена, я вижу, насколько ты поглощена своей работой. То же самое всегда происходит со мной. Поэтому я бы очень хотел, чтобы ты увидела меня в действии, – говорит он.

Похоже, для него это правда важно, не поверить ему трудно. Я удивлена, поэтому пытаюсь найти оправдание.

– Ну не обещаю, столько дел сейчас... – неуверенно говорю я.

Леонардо обращается к Гайе, хотя смотрит по-прежнему на меня.

– Гайя, я надеюсь на тебя. Найди, пожалуйста, способ затащить ее. Увидимся в среду, девушки.

После этого Леонардо уходит, оставив нас обеих в диаметрально противоположном состоянии: Гайя – в восторге, а я – в растерянности и тревоге.

– Ты почему согласилась? – огрызаюсь я, заново вспомнив все поводы, чтобы разозлиться на нее.

– Потому что не было никакого смысла отказываться! – вот так просто и напрямую, как только она умеет.

– Чтоб ты знала: я не пойду, – скрещиваю руки на груди. – Непозволительно пойти на этот ужин после того, что мы натворили недавно.

– Ой, ну ты опять об этом? – фыркает Гайя. – Да ладно тебе, Эле! Наверное, Леонардо уже давно забыл. Проведем прекрасный вечер, хорошо поедим, может быть, познакомимся с кем-нибудь интересным...

– Да ни за что, даже если будешь умолять меня на арамейском!

– Слушай, если ты не пойдешь, то и я не смогу пойти.

– Я умираю от сожаления.

– И ты позволишь мне упустить такой шанс? Хороша подруга! Я бы

для тебя все сделала.

– Даже не думай шантажировать меня.

Никак не могу понять, какие такие таинственные помехи в ее ушах превращают мое однозначное «нет» в «возможно, да».

Гайя кидает взгляд на часы с циферблатом, усыпанным камнями Сваровски.

– Слушай, мне надо идти. Ты пока подумай, потом мы это обсудим, – говорит она.

Никак не могу понять, какие такие таинственные помехи в ее ушах превращают мое однозначное «нет» в «возможно, да».

– Ок, главное, чтобы ты ушла уже отсюда, – я выпроваживаю ее. Для меня разговор на этом закончен.

– Ты что, правда сказала «Ок»? Я правильно расслышала? Да, ты сказала «Ок»! – Гайя тыкает в меня ногтем, покрашенным красным лаком.

– Нет, я имела в виду...

Она не дает мне ответить:

– Все, ты уже это сказала, ты в долгу передо мной, и точка. Я тебе позвоню! – Она посылает мне воздушный поцелуй и убегает на своих полосатых, под зебру, каблуках по античному полу.

Все, решено: я ненавижу ее!

Глава 6

— В красном тебе лучше, — говорит Гайя, выталкивая меня вперед перед зеркалом в зале. — Смотри, ты выглядишь потрясающе.

Я поднимаюсь на носочки и поворачиваюсь, но мое отражение заставляет меня сморщить нос. Я не уверена. Этим вечером будет так долго ожидаемое — по крайней мере Гайей — открытие ресторана Брандолини, именно поэтому я слоняюсь по дому полуголая, безнадежно пытаюсь найти что-нибудь приличное из одежды. Гайя ходит за мной уже два часа, оставляя меня без сил. Опасаясь, что я передумаю в последний момент, она нагрянула ко мне домой одетая, покрашенная и причесанная на высшем уровне, притащив с собой чемодан и два огромных пакета с платьями и аксессуарами. И теперь она собирается навязать мне образ, который она для меня выбрала.

— Гайя, оно слишком короткое, — протестую, указывая на свои бедра. — У меня такое ощущение, что на мне ничего не надето. И этот красный цвет чересчур бросается в глаза.

Гайя трясет головой и поднимает глаза к небу:

— Ты безнадежна. В моде ты совсем ничего не понимаешь...

— Ну давай попробуем то черное, от Гуччи, — говорю ей, готовясь к очередному противостоянию с зеркалом.

Гайя кошачьим шагом крадется на своих босоножках аквамаринного цвета в тон мини-платью из шелка, направляясь в другую комнату за моим нарядом.

— Держи, — фыркает она, швыряя мне платье. — Одевай что хочешь. Если тебе нравится быть незаметной...

Пока она подкрашивается в туалете, я снимаю красное платье и, отойдя подальше от зеркала, чтобы избежать зрелища своего бледного и совсем не упругого тела, быстро натягиваю на себя черное. Издалека оглядываю отражение в полный рост, потом подхожу поближе, поворачиваюсь — это оно! Мне больше нравится, хотя, думаю, ни одно платье не сидит на мне как следует.

— А здесь декольте очень глубокое, — протестую громко, чтобы Гайя меня услышала, и поправляю лиф на груди.

— А вот и нет! — отвечает она, появившись на пороге ванной. — Тебе очень идет. Красное от Прада смотрелось лучше, но и это Гуччи тоже очень даже ничего...

Кладу руки на бедра и втягиваю живот – надо признать: мой рацион питания на базе пиццы и замороженных субпродуктов совсем не помогает сохранить фигуру.

– Интересно, где ты их взяла? Эти вещи стоят безумно дорого.

– Очень просто, я их арендовала на одном интернет-сайте, – подмигивает она.

Кидаю последний взгляд на безжалостное зеркало и пытаюсь убедить сама себя: это платье мне идет, я неплохо выгляжу... ну, скажем, презентабельно.

– А лифчик? Здесь нужен без бретелек, – смотрю на Гайю с надеждой, что она найдет решение.

– Ты за кого меня принимаешь? За дилетантку? – Подруга достает из какого-то пакета пуш-ап с черным кружевом и машет им у меня перед глазами. Я надеваю его, и словно по волшебству моя грудь становится на размер больше. Осматриваюсь с сомнением – не очень ли вульгарно: кружево лифчика на виду?

– Держи, – Гайя накидывает мне на шею белый шелковый шарфик, – только не надо полностью все закрывать, чуть-чуть прикрой.

Улыбаюсь. Если она понимает своих клиенток так, как понимает меня, то это самый дьявольский консультант по шопингу в мире!

Если она понимает своих клиенток так, как понимает меня, то это самый дьявольский консультант по шопингу в мире!

– Теперь переходим к обуви, – продолжает, роясь в одном из двух пакетов. И мои ноги начинают ныть от одной только мысли о выходной обуви.

– Пачотти из черного атласа, шпилька двенадцать сантиметров, – объявляет подруга, показывая мне пару капканов в форме босоножек, – возражения не принимаются.

– Ну да, конечно, – я истерично хихикаю, – потом мне нужна будет инвалидная коляска, чтобы передвигаться.

– Да ладно тебе, Эле, за один вечер не умрешь!

Я тяжело вздыхаю.

– Хорошо, но я их надену за секунду перед выходом, чтобы избежать лишних мучений...

– Делай что хочешь, но тогда у тебя не будет возможности к ним привыкнуть. Тебе же хуже! – и извлекает тем временем из чемодана пугающий набор специалиста по макияжу.

– А теперь, дорогая, макияж и укладочка, – говорит она с торжествующей улыбкой.

Смотрю на нее с подозрением.

– Ты только не горячись... – говорю.

Вообще я редко крашусь, может быть, потому, что так этому и не научилась. И когда я пытаюсь накраситься, мне всегда кажется, что получилось еще хуже. Вообще-то странно, потому что правила макияжа – те же, что и в реставрационной работе: сначала нужно хорошо очистить, потом подготовить фон, потом накладывается цвет и под конец – финальная отделка. Просто одно дело делать это на стене и совсем другое – на своем лице.

Гайя начинает с корректирующего крема под глазами. Потом берет устойчивый тональный крем и наносит его маленькой латексной губкой. Ей я доверяю, она – эксперт в этой области и добьется хорошего результата.

Гайя изучает мое лицо, взяв меня пальцами за подбородок.

– У тебя есть щипцы для подкручивания ресниц? – спрашивает она.

– А ты как думаешь?

– Ну, я же не спрашиваю, есть ли у тебя вибратор!

– В этом ты у нас эксперт...

– Между прочим, у меня есть и то и другое! – заявляет с гордостью. – Что будем делать с волосами? – продолжает она, припудривая мне скулы румянами.

– Пробор сбоку и все.

Я совсем не хочу, чтобы меня мучили шпильками и заколками, от которых потом будет болеть голова.

– Ммм... Но я все равно попробую сделать тебе укладку волнами, чтобы каре выглядело помягче. Сегодня вечером ты должна выглядеть как кинозвезда.

Похоже, шансов на спасение нет.

* * *

После двух с половиной часов марафета мы наконец-то готовы к выходу. Гайя уже спустилась вниз покурить. Набрасываю легкий тренч, подхватываю шелковую шаль, серебристый клатч, беру босоножки в руку. Выключаю свет, закрываю дверь на ключ и сбегая по лестнице.

Видя меня выходящей из двери, Гайя раздавливает окурок платформой туфли. Я надеваю орудия пытки на ноги, и мы отправляемся в путь. Помогите

мне бог!

* * *

В девять с половиной вечера мы – на площади Сан-Паоло; у входа в ресторан уже выстроилась очередь. Вечеринка эксклюзивная: вход только по приглашениям. Для Гайи это хороший знак, в ее понимании эксклюзив означает, что внутри заведения – только избранные. Что же касается меня – не знаю, я здесь не эксперт. Моя единственная установка на вечер – не споткнуться и не упасть при этом на кого-нибудь.

Дойдя до арки входа, показываем приглашения вышибале в черном смокинге. Он похож на агента секретной службы: бритая наголо голова и микрофон в ухе. Парень вскользь оглядывает наши приглашения и смещает красную ленту, перекрывающую проход.

– Прошу вас, – говорит, приглашая нас войти.

– Спасибо, – отвечаем хором. Гайя подмигивает мне в возбуждении, она уже чувствует себя в своей стихии.

Сразу же за входом расстилается красная ковровая дорожка, освещаемая свечами и факелами. Внезапно меня ослепляет вспышка фотографа. Я надеюсь только на то, что не попала в кадр, потому что в этот момент как раз неуклюже пыталась поправить мои локоны кинозвезды. Проклинаю Гайю за то, что уложила мне волосы волнами и щедро sprysнула сверху лаком – пальцы безнадежно застревают в них.

Две модели, затянутые в безукоризненные черные платья, отмечают наши имена в списке гостей и желают нам приятного вечера.

Обстановка внутри заведения теплая и чарующая, в аристократическом венецианском стиле с арабскими мотивами. Ресторан расположен на двух уровнях, нижний ограничен стеклянными дверьми, выходящими в сад внутреннего дворика. Нас встречает приглушенная ненавязчивая музыка на заднем плане.

Официанты разносят в толпе подносы, полные бокалов с шампанским. Я беру один, чтобы слегка пригубить, и спустя несколько минут отдаю его Гайе, которая уже залпом выпила свой.

Выйдя в сад, замираем в восхищении. Это место – настоящий праздник для глаз: все украшено факелами и подвешенными в воздухе бумажными фонариками, которые создают неповторимо волшебную атмосферу. Окидываю взглядом толпу – взору предстает настоящее торжество шифона, шелка, кружев и тафты. Магию вечера нарушают

только бесконечные вспышки фотографов. Здесь присутствует даже небольшая телевизионная группа: журналистка с микрофоном в руке и оператором, который следует за ней по пятам, подходит к гостям, собирая восторженные комментарии о вечере. Она подходит и ко мне, объясняя, что репортаж выйдет в эфир на известном телеканале, но я вежливо отказываюсь – при одной только мысли об интервью становлюсь багровой.

Гайя уже напилась, здоровается с незнакомцами, распространяя налево и направо соблазнительные улыбки.

– Ты что, их знаешь? – спрашиваю.

– Немного, – отвечает она, – кого-то я уже видела, и вообще всегда полезно привлечь к себе внимание.

Она качает головой и смотрит на меня, словно говоря: «Всему-то тебя нужно учить».

Приходится признать, что мне действительно есть чему у нее поучиться, если я хочу расширить круг своих знакомств. Я оглядываюсь, изучая обстановку. Что у меня общего со всеми этими людьми? Сказать, что я чувствую себя абсолютно не в своей тарелке, – это ничего не сказать. Двое мужчин поблизости отвечают на мой взгляд улыбкой. Чего это они улыбаются? Может, я растрепанная или у меня осталась зубная паста на губах?.. Прячусь за официантом, делая вид, что не замечаю их. Внезапно вспоминаю, что не вполне одета, и прикрываю плечи шелковой шалью. Гайя тем временем куда-то опять пропала.

Возвращаюсь внутрь, чтобы найти ее, и замечаю издали Якопо Брандолини – хоть одно знакомое лицо! Никогда еще я не была так счастлива видеть его. Граф разговаривает с какими-то людьми, но уже узнал меня и машет в знак приветствия рукой.

Я пытаюсь подойти поближе, как вдруг шквал аплодисментов поднимается вокруг. Все гости, находящиеся в саду, спешат войти в помещение, а затем дружно поворачиваются в направлении подиума в центре зала. Там элегантный мужчина в смокинге объявляет о начале представления: «Дамы и господа, это большая честь для меня представить вам человека, который превратил приготовление пищи в искусство, спектакль для глаз и для вкуса, – шеф-повара Леонардо Ферранте».

Выключают свет, и атмосфера накаляется ожиданием. Воздух наполняют звуки скрипки, и голубоватый свет появляется над подмостками, где возникает прекрасная женщина в красном платье. В восхитительно тонких пальцах, затянутых черными кружевными перчатками, она держит электрическую скрипку из прозрачного стекла, которая загорается изнутри голубым огнем каждый раз, когда она касается

ее смычком. Узнаю это платье и женщину. Может, это не так, но я почти уверена, что именно ее я видела выходящей вместе с Леонардо из палаццо. Дива на моторной лодке. Точно, это она! Теперь я абсолютно уверена.

– Эле, ты ее видела? – Гайя как по волшебству появляется рядом со мной. – Она очень знаменитая.

– Да?

– Это Арина Новикова, русская скрипачка, она выступала на Арена ди Верона [\[22\]](#) в прошлую субботу.

– А еще она – та самая загадочная женщина, которая провела ночь с Леонардо! – отвечаю, представляя себе ее удивление.

– Да ладно!

– Да, красавица на моторной лодке – это она!

– Правда?

– Да, я уверена.

– Черт!

Похоже, Гайе это нравится. Идея соперничества с этим божественным созданием абсолютно ее не беспокоит, даже, наоборот, возбуждает. Она рождена для борьбы.

Идея соперничества с этим божественным созданием абсолютно ее не беспокоит, даже, наоборот, возбуждает. Она рождена для борьбы.

Девушка на сцене начинает играть первые щемящие ноты неповторимой «*Зимы*» из «*Времен года*» Вивальди. В отличие от Гайи, глядя на нее, только и думаю о том, что она в сто раз красивее и талантливей меня.

Но в этот момент все внимание зрителей обращается в центр зала – на новое представление. Леонардо занимает свое место под грохот аплодисментов. На нем черный пиджак с китайским воротником, обшитым белой каймой, и с белыми пуговицами. На лбу – скрученная белая повязка из шелка, которая поддерживает его густые волосы, делая его похожим на восточного воина. Это по-настоящему захватывающее зрелище.

Желтый проектор освещает его сзади, а с двух сторон от сцены зажигаются два огненных фонтана. Представление начинается под аккомпанемент крещендо Вивальди. Гайя показывает мне знаками, что нужно подойти поближе, и, проталкиваясь сквозь толпу, нам удастся продвинуться на несколько метров, теперь мы находимся почти что перед Леонардо.

Леонардо берет нож и начинает нарезать на порции рыбу-меч, крепко опершись о мраморную столешницу одной рукой. Мне знакома эта уверенность жестов. Воспоминания сразу же возвращаются к тому моменту, когда он нес меня на своей спине, подхватив за бедра. Под возрастающий ритм музыки Леонардо посыпает ломти рыбы чем-то похожим на маковые зерна (по крайней мере, так кажется с того места, где мы стоим). Зернышки неосяземо соскальзывают с его пальцев, чтобы осесть на розовой плоти рыбы, покрывая ее миниатюрными крапинками. Потом он мелко нарезает красный перец, превращая его в радужную пыль, а затем быстро, точными механическими жестами шинкует в жюльенфенхель, цукини и сельдерей.

Ясно без слов – он мастер. Поворачиваюсь на минуту в сторону Гайи, она тоже завороченно смотрит на него, не отрываясь, с полуоткрытым ртом и выражением безграничного удивления.

Леонардо размещает порции рыбы в корзиночки из теста бризе, украшая их смесью овощей и крошками оранжевой кожуры. Он полностью сосредоточен, уверен в своих движениях, челюсти сжаты, на висках вздутые вены. Он лепит и преобразует пищу руками художника. Это настоящее искусство: из его рук выходят шедевры, достойные восхищения и, без сомнения, прекрасные на вкус. Леонардо соблазняет своей кухней и прекрасно осознает это, он использует свой талант, чтобы завораживать чувства и мысли окружающих. На мгновение встречаюсь взглядом с его черными глазами, и мне кажется, что он одаривает меня неуловимой улыбкой. Возможно, мне просто привиделось, но дрожь удовольствия щекочет мне затылок.

Музыка достигла последней стадии крещендо. Леонардо располагает на доске крупные сырые креветки и тоненькие кусочки филе сельди. Он обрабатывает плоть рыбы, словно в его руках находится какая-то пластичная субстанция, формируя в конце концов маленькие, поделенные надвое сферы. В завершение посыпает свои произведения цветами померанца, перцем и семенами кунжута, а затем раскладывает на трех элегантных сервировочных подносах. При последних звуках скрипки Леонардо обращается к зрителям с легкой улыбкой. Сразу же раздаются аплодисменты, громкие и продолжительные: он завоевал нас. Всех без исключения!

По окончании представления гости расходятся по саду, где уже накрыт фуршет. Я присоединяюсь к Гайе, и мы вливаемся в толпу в поисках вкусностей в виде малюсеньких закусок всех форм и расцветок. Взору открывается разнообразие экстравагантных, поразительных кушаний в миниатюре, которые можно взять пальцами и съесть за один раз. Я неизбежно думаю о том, сколько времени понадобилось на их приготовление и как быстро они будут съедены. По сути, только это и отличает их от настоящих произведений искусства: они – тоже плод креативного мышления и умелой работы рук, но не созданы, чтобы существовать вечно.

– Леонардо был просто великолепен! – заявляет Гайя, вонзая зубы в филе лосося, гарнированного ракушками.

– Немыслимо. Хорошо, что ты меня сюда затащила, – отвечаю я, до сих пор находясь под впечатлением от представления.

Рассмотрев закуски, я быстро понимаю, что, несмотря на их соблазнительный вид, они противоречат моим вегетарианским убеждениям. Морские медведки, фаршированные маринованным лососем, устрицы, гарнированные желатином из шампанского под имбирным соусом, тарталетки с паштетом из голубиных грудок. Все очень красиво и, наверно, вкусно, но не для меня. Мне остается попробовать две единственные вегетарианские закуски: корзинку из пармиджано с каштанами и радикио и стебли сельдерея, фаршированные кремом из робиолы, груш и орехов. Вообще-то есть мне особенно не хочется – так всегда бывает, когда я неуютно себя чувствую. И потом, выступление Леонардо произвело на меня слишком большое впечатление.

Гайя берет меня под руку и спрашивает: «Это вон тот тип Брандолини?» Я замечаю его в компании двух блондинок, которые демонстрируют весь свой арсенал распутных улыбок и кошачьих взглядов.

– А он вообще-то ничего! – замечает Гайя.

Не верю своим ушам – она что, серьезно? Да, похоже, серьезно.

– В нем есть что-то особенное, сразу видно – аристократ. Еще один мужчина, которого ты просто обязана была мне представить... от тебя дождешься!

– В нем есть что-то особенное, сразу видно – аристократ. Еще один мужчина, которого ты просто обязана была мне представить...

Я смотрю на нее в упор, пытаюсь понять, что такого она могла в нем

разглядеть, но быстро понимаю, что я, наверно, не объективна: Брандолини – мой заказчик, а поскольку я очень правильная в этих вопросах, то, видимо, не в состоянии посмотреть на него с другой точки зрения.

Внезапно за его спиной появляется Леонардо. Он снял со лба белую повязку, а вместо формы шеф-повара на нем его обычная мятая рубашка из белого льна. Якопо пожимает ему руку и от души поздравляет, похлопывая по плечу.

– Ну что, он нас заметил? – спрашивает Гайя, поворачиваясь к нему спиной прямо передо мной.

Я выглядываю из-за ее плеча, чтобы посмотреть, как Леонардо общается с графом и его гаремом.

– Да что-то не похоже.

– Может, пойдём тогда поздороваемся?

– Давай подождём, пока он освободится.

Гайя с нетерпением отпивает из бокала:

– Ты что, хочешь, чтобы эти две шушеры нам все испортили?!

– Ой, подожди, они их оставили и идут к нам, – шепчу я.

Леонардо подходит к нам раньше, чем Брандолини, здоровается сначала с Гайей – она поворачивается, изображая удивление (эта девушка действительно непостижима!), потом приближается ко мне и целует в обе щеки. Это у нас впервые, я ощущаю жесткость его рыжеватой щетины и легкое касание пальцев на бедре.

– Поздравляю, потрясающая представление! – говорю графу, пожимая его руку.

– Это все заслуга нашего великого шефа!

Брандолини с удовлетворенной улыбкой указывает на Леонардо, потом переводит внимание на Гайю, оглядывая ее с ног до головы.

Леонардо вмешивается.

– Это Гайя, наш *PR*, – говорит он, тем самым избавляя меня от необходимости новых представлений.

– Очень приятно, Якопо, – граф подает ей руку с легким поклоном.

– Мне тоже, – лучится Гайя.

– Значит, ты занимаешься связями с общественностью... – говорит Брандолини, изображая живейший интерес. Не могу понять, почему с Гаей он сразу же переходит на «ты», а ко мне до сих пор обращается на «вы».

– Да, у нас с подружкой свое агентство. Начали от нечего делать, а потом это превратилось в серьезную работу, – Гайя полностью в своей стихии.

– Я уверен, что ее услуги могли бы нам пригодиться, Якопо, – вступает Леонардо. – Расскажи ей о твоих планах по раскручиванию ресторана.

Граф не заставляет себя ждать и начинает сразу же что-то говорить Гайе, которая хоть и кажется польщенной его вниманием, но все равно продолжает кидать взгляды в сторону Леонардо. А он в это время приближается ко мне и обволакивает взглядом.

– А ты сегодня вечером просто красавица, – говорит он вкрадчивым голосом.

– Спасибо, – я пытаюсь понять, действительно ли он серьезен или говорит так просто из вежливости.

– Хотя... – он потирает подбородок, – надо признать, что рабочий комбинезон тебе больше идет.

– Ну, я бы не сказала.

– Поверь мне. Я вообще редко говорю комплименты.

Я решаюсь ему поверить: немного лести моему самолюбию не повредит. На минуту забываю даже о ноющих от боли ногах и пытаюсь приободриться, расправив плечи и выпрямляя спину.

Общение между Гаей и графом к этому времени становится все более оживленным, они смеются и обмениваются заинтересованными взглядами. Кажется, будто они уже давно знакомы. В этот момент один из официантов подходит к Брандолини и что-то шепчет ему на ухо, тот стремительно поворачивается к Леонардо и берет его под руку: «Лео, нам пора, Дзанин ждут нас, чтобы обсудить вина».

Ну вот, мое счастливое мгновение уже закончилось, я сдуваюсь, как шарик.

– Девушки, мне очень жаль, – извиняется граф, – долг зовет, но мы обязательно увидимся позже! – его многозначительный взгляд останавливается на декольте Гайи.

После их ухода Гайя забрасывает меня вопросами о Леонардо, ей хочется знать все подробности о том, что мы друг другу сказали.

– Он что, к тебе подкатывал? – спрашивает она под конец, и понятно, что ее интересует на самом деле.

– Не говори ерунду!

– Эле, да он тебя взглядом пожирал!

– Ну конечно!

– Да ладно! Я правда не обижусь. Во-первых, я не ревнивая, а во-вторых, я всегда могу утешиться с графом, – подмигивает она мне.

– Какая же ты великодушная!

– Все ради друзей! – Гайя лицемерно улыбается. – А вообще, этот Якопо действительно ничего, мне нравится.

Ну что тут скажешь...

Неужели Леонардо на самом деле может заинтересоваться такой, как я? Раз это заметила Гайя... Нет, наверно, она это сказала, желая меня подбодрить.

– Эле, у тебя помада размазалась.

– Схожу подкрашусь, пойдешь со мной?

– Нет, я лучше тебя здесь подожду, – она устраивается удобнее в одном из кресел под навесом. – У меня что-то голова кружится, похоже, я переборщила с шампанским.

– Ты уверена, что у тебя все хорошо?

– Уверена, уверена, иди, – и Гайя подталкивает меня.

– Ну ладно, ты только не уходи отсюда.

– Не волнуйся, у меня не хватит сил, – улыбается она, опуская руки на подлокотники.

* * *

Когда я возвращаюсь из туалета, Гайи, естественно, и след простыл. Я ищу ее среди толпы в саду, среди столиков, потом возвращаюсь внутрь и даже поднимаюсь наверх, все безрезультатно. Она буквально испарилась. В конце концов возвращаюсь в сад с намерением просто подождать ее. Рано или поздно должна же она здесь пройти. Через какое-то время присаживаюсь, достаю из клатча телефон и отправляю ей угрожающую эсэмэску. Потом пытаюсь дозвониться до нее, но телефон отключен. Кто знает, куда она запропастилась! И главное, с кем...

Пока я ищу ее взглядом, передо мной появляется Леонардо. Он садится рядом, продолжая вопросительно смотреть на меня.

– Ну что, тебе понравилось? – спрашивает он.

– Да, очень, – я одергиваю платье, пытаюсь заставить его выполнять свою функцию – прикрывать меня.

– Ты ела?

– Да, немного...

– Немного? – он смотрит на меня с возмущением.

– Ну-у... Просто я вегетарианка уже много лет.

– Понятно, – улыбается.

Что такого смешного в том, что я вегетарианка?! Пытаюсь сменить тему разговора.

– Ты знаешь, мне понравилось представление. Из твоих рук выходят произведения искусства, они такие красивые, что даже жалко их есть.

Он склоняет голову набок.

– А кто сказал, что красивые вещи нельзя есть? – говорит он, окидывая меня странным двусмысленным взглядом. – Чем красивее то, что я вижу, тем больше мне хочется это попробовать.

– А кто сказал, что красивые вещи нельзя есть? – говорит он, окидывая меня странным двусмысленным взглядом. – Чем красивее то, что я вижу, тем больше мне хочется это попробовать.

Почему у меня ощущение, что это он обо мне? Внезапно он берет меня за руку и поднимается.

– Пойдем. Я хочу, чтобы ты попробовала что-то особенное!

Он тащит меня за собой на несколько метров вперед, к столу, уставленному разнообразными видами рома и шоколада.

– Я их только что приготовил, – Леонардо берет с одного из подносов шоколадное пралине с вырезанными на нем ажурными узорами цветов (на первый взгляд это похоже на драгоценное украшение). Подносит к моему рту. – Давай! – убеждает он меня с убийственным взглядом.

Открываю рот и чувствую, как шоколад разламывается на зубах, высвобождая сладкий крем с апельсиновыми нотками. Удерживаю языком этот восхитительный вкус, сладостно разливающийся по всему телу.

– Он потрясающий!

Смотрю на Леонардо беззащитным взглядом. Думаю, у меня на лице сейчас выражение как после оргазма. Надеюсь только, что это не очень заметно.

– Я поместил туда кое-что, с чем ты уже хорошо знакома, – доверительно сообщает он мне с лукавой улыбкой.

Я в изумлении распахиваю глаза. Кажется, я поняла, что он имеет в виду.

– Да-да, сок граната, смешанный с апельсиновым экстрактом и цветами померанца, – он проводит пальцем по моей верхней губе, будто смахивая остатки шоколада.

Боже! Похоже, Гайя права – он подкатывает ко мне. Я внезапно вспоминаю о ней и начинаю рыться в сумочке в поисках мобильного. Леонардо наблюдает за мной со снисхождением.

– Если ты ищешь Гайю, то я видел, как она уходила с Якопо, – предупреждает он меня. – И не думаю, что она вернется, – добавляет он с довольным видом.

– Она что, оставила меня здесь одну?

– Ты не одна, а со мной, – поправляет он, нахмурившись. Если это было сказано, чтобы успокоить, то прием не сработал. Одна часть меня польщена его интересом, а другая напугана до смерти и норовит сбежать сию же минуту.

– На самом деле уже довольно поздно, – замечаю с нервной улыбкой. – Мне пора.

– Я тебя провожу.

– Не стоит, у тебя, наверное, здесь еще много дел.

– Обойдутся и без меня!

Он закрывает вопрос решительным жестом руки.

– И потом, мне просто нужно пройтись.

В его глазах загорается удовлетворение хищника, сжимающего жертву в зубах.

Я попалась.

* * *

Большую часть пути мы проходим в молчании, по запутанным улочкам, которые я знаю как свои пять пальцев и, несмотря на темноту, двигаюсь по ним с ловкостью кошки. Ужасно болят ноги, но я стараюсь не показывать этого, изо всех сил изображая уверенный шаг.

Улица пуста, с каналов поднимается густой пар, проникающий в ноздри и пробирающийся до костей. Внезапно перед нами предстает собор Фрари ^[23] – так неожиданно, словно кто-то только что выстроил его в одну минуту.

Я киваю на церковь.

– Там внутри находится мое самое любимое произведение Тициана, – говорю, желая заполнить неловкое молчание, – иногда я укрываюсь здесь и смотрю на него. Мне кажется, его творение меня вдохновляет.

– Давай зайдём, посмотрим? – предлагает Леонардо.

– Это невозможно – по ночам все закрыто.

– По-моему, это не проблема, – улавливаю в его голосе отзвук возбуждения.

За секунду Леонардо находит дверь черного хода, ведущего в ризницу, и без особых усилий открывает ее, а затем проскальзывает внутрь, увлекая меня за собой. Ну почему я никогда не могу сказать ему «нет»? Я боюсь, что сработает сигнализация или кто-нибудь нас увидит. Чувствую себя возбужденной, и вместе с тем мне очень страшно.

Из ризницы проход через боковое крыло выводит нас к центральному алтарю, над которым расположено «*Вознесение Богородицы*». Несмотря на полную темноту внутри, подсветка над алтарной картиной осталась включенной, а заодно, наверно, и камера охраны. Прекрасно! Меня арестуют за осквернение святыни.

– Вот эта картина, – говорю, стараясь ни о чем не думать.

– Она огромная. Не ожидал, что она таких размеров.

– Да, высотой почти семь метров.

Леонардо смотрит с восхищением.

– Очень сильное впечатление, много красного.

Я киваю.

– Тициан сделал рискованный для своего времени шаг: никто до него не рисовал Возносящуюся Марию в красном облачении.

– Так вот почему она тебе так нравится?

– Не только... Дело в общем напряжении, которое пронизывает картину по вертикали, – объясняю, изображая руками направление действия на картине. – Видишь вон того, повернувшегося спиной, апостола? Такое ощущение, что он рвется в воздух, вверх к небесам.

– Так вот что ты видишь.

– Да.

Мы стоим плечом к плечу, и это прикосновение пробуждает во мне дрожь возбуждения. На мгновение встречаюсь с ним взглядом, но сразу же поворачиваюсь к шедевру Тициана, продолжая объяснять:

– Здесь есть еще одна интересная деталь. Если посмотреть внимательно, лицо Девы озарено не полностью – в знак того, что она еще не вознеслась на небеса: тень – это намек на земную сущность, которой Мадонна останется верна до самого конца восхождения.

Леонардо кивает, молча разглядывая алтарный образ, может, его и правда интересует то, что я рассказываю. Мне бы хотелось знать, что у него в голове. Видно, что он что-то обдумывает, но я не решаюсь спросить.

– А теперь пойдём, – умоляю я, – пока нас не арестовали.

* * *

Выйдя на улицу, идем дальше, причем я задаю ритм движения и направление, а Леонардо сопровождает меня без тени сомнения, как будто ему больше нечем заняться. В какой-то момент осознаю, что он отстал. Поворачиваюсь. Стоит, облокотившись на перила мостика, и наблюдает за

освещенной цветными огнями гондолой. Подхожу поближе. Только теперь я понимаю, что на самом деле он смотрит не на гондолу: его взгляд не отрывается от воды.

Этот город настолько озабочен тем, чтобы удержаться на поверхности, что никто не беспокоится о том, что происходит в его недрах.

– Тебе никогда не было интересно, что там внизу? – задает он мне вопрос.

Я тоже смотрю вниз и понимаю, что действительно никогда об этом не задумывалась.

– Этот город настолько озабочен тем, чтобы удержаться на поверхности, что никто не беспокоится о том, что происходит в его недрах, – говорю вслух.

Он молчит мгновение, которое кажется мне нескончаемым, потом поворачивается ко мне и спрашивает вкрадчивым шепотом:

– А у тебя не возникает желание узнать, что скрывает в себе каждая вещь, дойти до самой сущности?

Его глаза не отрываясь смотрят на меня темным, пронизывающим взглядом, в котором читается нечто хищное. Через минуту, вежливо улыбнувшись, он отходит от перил и продолжает идти вперед. Я следую за ним в легком недоумении. Близость этого мужчины, его манера разговаривать, его прикосновения и опьяняющий запах – все в нем заставляет меня нервничать. Мы подходим к дому, и я уже готовлюсь к моменту прощания. Он попытается меня поцеловать? Образ Филиппо проносится в моей голове и, отскакивая, как резиновый мячик, пропадает, я будто не в состоянии удержать его.

Наконец убеждаю себя, что зашла слишком далеко в своих фантазиях. Наверное, Леонардо встречается с той красавицей из моторной лодки, а сегодня вечером он просто хотел пройтись и даже не думает меня целовать. Хотя, надо признаться, эта мысль вызывает во мне сожаление.

– А скрипачка – это твоя девушка? – вырывается у меня. Я не верю, что сказала это вслух.

Леонардо усмехается.

– Нет, Елена. Я не тот тип, чтобы иметь девушку.

– Понятно.

На самом деле не понимаю совсем ничего. Что значит «не тот тип, чтобы иметь девушку»? Что ему нравится быть одному? Он не создан для

семейной жизни? Какое-то время надеюсь, что он скажет еще что-нибудь, даст мне ключ к этой загадке, но Леонардо продолжает молчать. А я стараюсь больше ничего не спрашивать. Я и так уже слишком далеко зашла.

Наконец-то мы дошли до дома.

– Спасибо, вот я и дома.

– Не за что. Провожать тебя домой становится приятной привычкой, – говорит он теплым, волнующим голосом.

– Ну, пока! – делаю шаг вперед.

Леонардо приближает рукой мое лицо и накручивает на палец прядь моих волос. Чувствую, как дыхание обрывается. Он смотрит на меня, и я осмеливаюсь ответить ему взглядом. Потом внимание переходит на его губы, я хочу ощутить их на своих. Но он опускает глаза, одаривает меня своей странной, ускользящей улыбкой и трогает за плечо.

– Пока, Елена, я провел действительно приятный вечер.

Слегка касается губами моего лба, отдаляется на несколько шагов, потом разворачивается и уходит, запустив руки в карманы пиджака. Я провожаю его взглядом, оглушенная, как после пощечины.

* * *

Взбегаю по лестнице. Врываюсь в квартиру, сбрасываю с себя платье и швыряю его на пол. Надеваю первую попавшуюся футболку и заваливаюсь в кровать, даже не смыв макияж.

Лежу, уставившись в потолок, в то время как мысли лихорадочно путаются в голове. Какая же я дура: думала, что такой мужчина, как Леонардо, может мной заинтересоваться. Ты просто наивная девочка, Елена! Не могу выбросить из головы его взгляд, его палец на губах и прикосновение руки к волосам... Все, Елена, спать! А то завтра утром не встанешь и никогда не закончишь фреску.

Беру айпод с тумбочки и надеваю наушники. Подходящий момент для тибетских мотивов – средство для самых тяжелых случаев. Обычно от них я мгновенно засыпаю.

Спокойной ночи, Елена. И прекращай думать.

Глава 7

Сегодня ночью я спала так крепко, как уже давно не случалось. Наверно, благодаря тибетским напевам, а может быть, причиной всему усталость последних дней, но вчера вечером я словно погрузилась в состояние комы и проснулась сегодня с таким ощущением, будто путешествовала во времени.

Открыв глаза, я опять стала заложницей вчерашних мыслей: образ Леонардо навалился на меня в полной своей соблазнительности и недостижимости. Собрав волю в кулак, я приказала себе не думать о нем, чтобы вернуть остатки здравомыслия.

Теперь, когда я на работе, вспоминая вчерашнее на спокойную голову (это еще как сказать), я понимаю, что опять позволила своим фантазиям завести меня слишком далеко: Леонардо был просто галантен со мной. То, что он почти соблазнил меня, сам того не желая, это уже мои проблемы. Проблемы, которые я обязана выбросить из головы. Когда он пройдет мимо, я поздороваюсь с ним как обычно, будто и не было никаких ночных прогулок и будто я не почувствовала ничего из того, что, к сожалению, не могу заставить себя забыть. Забыть даже сейчас. Нужно будет очень постараться – я же чемпионка по самоконтролю. Леонардо, конечно же, ни о чем не догадается, потому что он, в отличие от меня, ни о чем таком не думает.

«А теперь, Елена, сосредоточься на работе», – мысленно говорю я себе.

Кладу на пол инструменты и отхожу в центр холла, метра на два от фрески. Иногда мне нужно прервать работу, чтобы проверить издали общее впечатление от цвета и понять, в каком направлении работать дальше. Концентрирую взгляд на фоне, потом перевожу его на гранат, который с этого расстояния кажется выпуклым. Хорошо получился, я горжусь собой.

Делаю два маленьких шага назад и сталкиваюсь с чем-то. Не успеваю обернуться, как две сильные руки обнимают меня сзади. Леонардо! Чувствую неповторимый запах амбры, в то время как мое тело, плененное объятием, прижимается к нему.

Не говоря ни слова, он зарывается носом мне в волосы, потом чуть наклоняется и целует меня в шею. Шероховатость его щетины щекочет лицо, всплеск горячих мурашек разбегается по всей коже, в то время как тянущее ощущение внизу живота разгорается в ожидании его

прикосновения. Я ошарашена: даже не осмеливалась надеяться на это, а он меня действительно хочет. Вот он, пришел, чтобы взять меня.

Леонардо стягивает бандану с моих волос, решительным жестом отбрасывая ее на пол. Потом с силой оттягивает волосы и шепчет мне на ухо.

– Елена... – его голос полон ожидания.

Я горю и даже не нахожу сил ничего ответить, просто чувствую, как все мои самые запретные фантазии воплощаются в жизнь. Я действительно этого хочу?

– У нас проблема... – И его губы сжимают мочку моего уха.

Я хочу его...

Он проводит рукой по моей скуле, затрагивая пальцами подбородок, потом скользящим жестом добирается до молнии на комбинезоне и опускает ее до груди.

Мое дыхание учащается вместе с сердцебиением.

– Серьезная проблема... – его шепот становится все более горячим и чувственным. – Я хочу тебя...

Я горю и даже не нахожу сил ничего ответить, просто чувствую, как все мои самые запретные фантазии воплощаются в жизнь.

Рывком он поворачивает меня к себе, как безвольную куклу. Повинуясь в молчании, но при встрече с его взглядом опускаю глаза. Он берет меня за подбородок, приподнимая его, потом крепко сжимает мое лицо обеими руками и впивается в меня поцелуем. Он целует меня. *Прямо сейчас.* Этого не может быть!

Никто и никогда со мной так не обращался. От силы и безудержности этого поцелуя у меня кружится голова. Я чувствую, что полностью теряю контроль.

Не отрываясь от меня, Леонардо расстегивает молнию до конца и высвобождает меня из комбинезона, который приземляется на пол среди кистей и краски. Через минуту я и сама с опозданием понимаю, что лежу на том же полу, грязном от пыли и штукатурки, в окружении разбросанных инструментов. Это кажется сном, но все происходит на самом деле: холод каменной плитки, тепло наших тел, и я не желаю ничего другого в этот момент.

Прежде чем я могу понять, что происходит, Леонардо склоняется надо мной и руками зажимает мои запястья над головой, будто хочет помешать

любой попытке моего бегства. Случайно задевает емкость с краской, и фонтан цвета разливается по полу. Красный пурпур на плитке, его ладонях и моих бледных руках. Я чувствую, как краска разливается подо мной, мне совсем не нравится это ощущение, и я пытаюсь подняться, но он рывком укладывает меня обратно.

– Что ты пыталась сделать, Елена? – шепчет он. – Этот цвет сводит меня с ума, – проводит пальцами, замазанными краской, по моему телу, сверху вниз, оставляя кровавые следы на моем лице и белой футболке.

Это кажется сном, но все происходит на самом деле: холод каменной плитки, тепло наших тел, и я не желаю ничего другого в этот момент.

Я полностью в его власти. Ощущение прикосновения его руки взрывается у меня в сердце безумным фонтаном желания и страха. Целуясь, я в то же время не перестаю оглядывать внутренним взором себя и его, это пустое палаццо и думаю о том, что будет дальше.

В волнении отрываюсь от его губ.

– А если кто-то зайдет... – произношу тихо.

– Тс-с... Ни о чем не думай, – Леонардо оглядывает меня, прикрывая мне рот пальцем. Он настолько уверен в своих действиях, что это возбуждает меня еще больше.

Его глаза не отрываются от меня в голодном нетерпении, пока он срывает с меня футболку и джинсы, язык снова внутри меня, без стеснения. Я так хочу этого, что тоже начинаю раздевать его с необъяснимой естественностью, так мне не свойственной: медленно расстегиваю рубашку, потом ослабляю кожаный ремень. Под брюками нет нижнего белья, он полностью обнажен и возбужден, готовый войти в меня.

Леонардо наклоняется над моими бедрами, чуть раздвигая их рукой. Целует, ненасытно, скользя языком все выше по внутренней поверхности бедер, захватывая зубами трусики из черного кружева, которые одним движением его рук тоже оказываются на полу в общей куче одежды.

Хорошо, что сегодня утром я не надела мои обычные спортивные трусы из хлопка...

Его язык пробирается внутрь, в самый центр влажности, который открывается под его касаниями.

– Ты такая вкусная, как я себе и представлял... Хочу распробовать лучше...

Его язык мечется, забираясь в самые потайные уголки, и я не

сдерживаю стон удовольствия.

– Bravo, Елена, мне нравится... – его голос полон желания.

Я приподнимаю его голову, слегка потянув за волосы, пока он снимает с себя остатки одежды, брюки в одно мгновение падают на пол рядом с моим комбинезоном. Раздвигаю пошире ноги, позволяя его твердому, гладкому члену подобраться сквозь мои распухшие от желания половые губы.

Я больше не помню, кто я. Мне страшно. Но в то же время я не хочу, чтобы Леонардо остановился. Смотрю на его нахмуренный лоб, напряженные мышцы и чувствую всю мощь энергии, которую он готов высвободить во мне. Он входит в меня резким толчком, останавливается на мгновение, опускает свои глаза и ищет мои, затуманенные в забытьи.

– Елена, – шепчет, покусывая мне ухо, – я чувствую, что ты тоже этого хочешь.

Приоткрываю глаза со вздохом.

– Да, хочу, – мой голос подрагивает от возбуждения.

Он начинает двигаться внутри меня, осторожно, словно боясь что-то повредить. Двигается с опустошающей медлительностью. Потом – энергичный толчок поглубже, заполняющий меня. Сжимаю зубы в стоне. Леонардо начинает двигаться быстрее, и у меня замирает дыхание, грудь подымается и опускается в такт его движениям, а бедра прижимаются к нему в немом спазме. Он наращивает ритм, не переставая покрывать поцелуями мою шею, пробуя меня на вкус.

– Елена, я хочу, чтобы ты кончила!

Это звучит как приказ, но в нем нет нужды.

Я чувствую вес его тела, сильную хватку пальцев вокруг моих запястий, он сделал меня пленницей! Пленницей, которая и не собирается бежать.

Я задыхаюсь, кровь продолжает бешеную гонку по венам, приливая к моему лону. Мощная, непреодолимая волна желания поднимается от моих бедер, чтобы взорваться тысячей вспышек по всему телу. На какой-то бесконечно тянущийся момент каждая молекула моего тела превратилась в оргазм. Из горла вырывается крик. Я не могу удержать его, потому что сейчас в этом крике вся моя сущность, хотя я не узнаю себя. Я опустошена и удивлена своей реакцией: никогда не думала, что мне может быть настолько хорошо.

Леонардо тоже кончает с оргазмом, с почти животным стоном у моего уха. На его лице зарождающаяся улыбка. Он еще красивее в этот момент, и я – источник его удовольствия.

Я даже не знаю, сколько времени мы провели вот так, обнявшись, он еще внутри меня. Глаза к глазам. Губы к губам. Кожа вплотную к коже. И прислушиваясь к дыханию друг друга. Оно – звук жизни, звук нашей плоти, и вызывает во мне море эмоций.

– Не двигайся! – приказывает Леонардо шепотом.

Отдаляется от меня и ложится рядом на бок, потом целует, сначала в грудь, затем в лоб и, наконец, в губы. Подкладывает мне руку под голову. Обнаженные, замираем на время в этом объятии, не замечая холода плитки, пыли и разлитой по полу краски. Моя щека лежит на его груди, лицо поднимается и опускается в такт его дыханию.

Я не могу понять, что происходит. Где я, кто я? Кому я принадлежу? Елена, которая была здесь час назад, сейчас кажется мне такой отдаленной, нереальной.

Ощущение полного удовлетворения и в то же время потерянности овладевают моим сердцем, моими мыслями. Я не могу понять, что происходит. Где я, кто я? *Кому я принадлежу?* Елена, которая была здесь час назад, сейчас кажется мне такой отдаленной, нереальной.

Чувствую легкое дуновение на шее.

– Нет, не надо, – прошу я, – у меня от этого мурашки по коже, холодно! – и свертываюсь клубком.

Леонардо смеется, обнимая меня сзади, защищая меня своим теплом.

– Пойдем ко мне в комнату?

Да?.. Нет?.. Я и сама не знаю, чего хочу в этот момент. Я чересчур взволнована, чтобы вообще о чем-то думать. Потом вспоминаю, как мы занимались любовью с Филиппо. И мне кажется, что эти два события не имеют ничего общего между собой. Или просто я полностью потеряла способность трезво мыслить и мне нужно побыть одной, чтобы понять, что произошло.

– Будет лучше, если я вернусь домой, – спешу ответить. С трудом поднимаюсь, голова кружится, но мне все равно удается встать на ноги. Нахожу перемазанную футболку и надеваю ее, забыв про лифчик, затем добираюсь до трусов, забившихся между чашечкой для краски и пустой бутылкой растворителя, и надеваю их.

Похоже, Леонардо прекрасно понимает мое состояние и развлекается тем, что манипулирует моими желаниями.

Леонардо тоже встает. В полный рост, обнаженный, он выглядит еще более впечатляюще. У него широченные плечи, узкие бедра и крепкие ягодицы. Мускулы на ногах удлинённые и мощные. Его смеющиеся черные глаза с лучиками-морщинками в углах смягчают взгляд, по-прежнему полный желаний. Я с восхищением смотрю на Леонардо, онемев от этой мужественности, и пока он надевает брюки, замечаю между лопаток татуировку. Какой-то странный символ, похожий на готический знак, который я не могу распознать. Это либо якорь, либо буквы, сплетенные между собой и соединенные канатом. Что-то морское, отдающее античностью. И подобно всему, что касается Леонардо, – с налетом трагичности и тайны. Я уже поддаюсь желанию спросить у него о значении этих символов, но, когда он поворачивается ко мне, не нахожу в себе смелости.

Приблизившись ко мне, заправляя расстегнутую на груди рубашку, он касается моей руки.

– Эй, все хорошо?

– Да, – отвечаю, чуть смущенная. Вспоминаю о нашей прогулке после открытия ресторана, как он не отрываясь смотрел на меня, проводил до дома, а потом так и оставил, с горьким привкусом разочарования во рту.

– А почему ты не попытался поцеловать меня вчера вечером? – спрашиваю.

– Потому что ты ждала этого, – отвечает, притягивая меня к себе за бедра и прижимаясь. – Некоторые вещи более приятны, когда их не ждешь.

А он прав. Вчера вечером я была полна надежд, очень нервничала и, наверное, не смогла бы расслабиться до конца. Похоже, Леонардо прекрасно понимает мое состояние и развлекается тем, что манипулирует моими желаниями. Даже не знаю, что думать об этом, чувствую себя неуверенно.

Я понимаю, что мне необходимо отдалиться, спрятаться от этого пронизывающего взгляда. Высвобождаюсь из его объятий.

– Да... ну я... пойду.

Собираю остатки своей одежды и, насколько это возможно, привожу себя в порядок, выхожу в спешке, унося с собой неразрешимый ребус вопросов.

* * *

Я провела весь день в состоянии близком к трансу. Все это время я

беспорядочно двигалась по квартире, словно молекула, стараясь занять себя чем-нибудь полезным, но мысли постоянно возвращались к Леонардо. Порой ощущения, пережитые с ним несколько часов назад, заново забирали власть над телом, отдаваясь спиралями в животе и сжимая в судороге желудок.

Уже девять вечера. Я только что съела немного риса басмати, который приготовила в безуспешной попытке отвлечься. Включаю айфон (все это время он был выключен: я хотела побыть наедине со своими мыслями, без вмешательств извне). Дисплей загорается, вибрирует, потом еще и еще раз, мигая. Три эсэмэски – все от Филиппо.

Биби, как дела?

Почему не отвечаешь? Я волнуюсь...

Увидимся в скайпе вечером?

Я чувствую, как загорелось огнем лицо, живот опять свело в судороге. То небольшое количество риса, который я только что съела, наливаются свинцом. Я все это время летала в облаках, но сообщения Филиппо возвращают меня к реальности. «Извини, не могла ответить, я занималась любовью с другим» – вот что я должна написать, если быть до конца честной. Но похоже – и меня это не удивляет, – я не такая честная.

Колеблясь, сажусь на диван и включаю планшет. Филиппо уже в сети и отправил мне сообщение в скайп. Мне не очень нравятся видеозвонки, но это единственный способ видеться, а после всего случившегося сегодня не знаю, как теперь мне смотреть на него на экране.

Глубоко вздыхаю и нажимаю на зеленую кнопку, чтобы начать звонок. Он отвечает сразу же. Этот ракурс ему совсем не идет: лицо кажется совсем другим, более уставшее, небритая несколько дней щетина. У него растрепанный вид.

– Биби, ты куда пропала сегодня? – начинает он с взволнованным видом. – Ты видела мои сообщения?

Его лицо и голос, такие знакомые, обжигают мне сердце. Присутствие Филиппо, даже виртуальное, обдает меня спокойствием, возвращает к реальным фактам моей жизни, к необыкновенной уверенности.

– Да, извини. У меня телефон полностью разрядился, а зарядки не было. Я поздно вернулась.

– Ты все еще со своей фреской?

– Э-э, ну да... – сглатываю, пытаюсь задушить неловкость. (Совсем не умею врать.)

– Ну, ты же обещала не бросать все на свете ради нее, – укоряет меня он. – А вообще, я рад, что ты так стараешься. Может быть, сможешь закончить работу над ней раньше.

– Надеюсь, – мои губы расплываются в неуверенной полуулыбке.

К растерянности примешивается смущение и чувство вины. Несмотря на расстояние между нами, Филиппо все-таки меня видит, поэтому стараюсь отогнать от себя эти ощущения. Я уверяю себя, что никому не изменяла и ничего плохого не сделала. Спешу перевести разговор на другую тему.

– А ты что, бороду отращиваешь? Тебе хорошо!

На самом деле, немного растительности на лице ему идет, это делает его старше, даже сексапильней. «Ведь Филиппо очень сексапильный», – напоминаю себе.

– Ты не поверишь, но иногда по утрам мне просто не до бритья, – он проводит ладонью по щекам. – Работы по горло!

– Ренцо Пьяно заставляет тебя вкалывать? – смеюсь над его выражением лица.

– Ой, давай не будем об том. Я один раз видел его издалека во время инспекции на стройке, и больше он нас своим присутствием не осчастливил.

Наступает молчание. И в этой недолгой тишине я спрашиваю себя: какой вообще смысл в этом разговоре? Я болтаю с Филиппо, словно ничего не произошло и все по-прежнему, однако сегодня утром какая-то часть меня сильно изменилась. Задаю вопрос наугад, стараясь ни о чем не думать:

– Ну и как там, в Риме?

– Мне нравится, Биби. Но я скучаю по тебе. А вообще здесь всегда весна.

– Как я тебе завидую.

– Слушай, у тебя сегодня вечером глаза блестят, – внезапно замечает он, – ты еще красивей обычного.

Я болтаю с Филиппо, словно ничего не произошло и все по-прежнему, однако сегодня утром какая-то часть меня сильно изменилась.

Боже, мой вид выдает, что я только что занималась сексом! Стараюсь удержать волну стыда, растекающуюся по лицу.

– Спасибо...

– Знаешь, Биби, я не перестаю думать о той ночи, которую мы провели вместе, – Филиппо понижает голос, – умираю от желания спать с тобой в обнимку.

Я прикусываю губу.

– Я тоже скучаю...

А возможно, если бы ты был здесь, я бы занималась сегодня любовью с тобой, а не с Леонардо. Любовью... Сексом, скорее? Или нет... Кто знает?..

– Ты ведь уже решила, когда приедешь на выходные в Рим. Правда?

– Да, – лгу, надеясь, что он не заметит, – мне только надо получше подготовиться.

– Ну ладно, – в его глазах сожаление, – но, пожалуйста, не слишком долго.

– Что будешь делать вечером? – стараюсь отвлечь его от этой темы.

– Мне надо закончить один набросок по работе. И может быть, если на меня найдет вдохновение, я сделаю еще один набросок – тебя. Такой, какой помню тебя в ту ночь...

– Эй, я ведь и загордиться могу, – улыбаюсь, но внутри все сжимается. – Ладно, не буду тебе мешать.

– Ок, только давай не будем опять ждать неделю, чтобы увидеться. Я скучаю, и в голову лезут дурацкие мысли...

– Ок!

– Биби... – он смотрит на меня так, будто я действительно нахожусь перед ним. – Мне тебя не хватает! – и посылает поцелуй в камеру.

Я вздыхаю.

– Мне тоже.

Я больше не могу смотреть ему в глаза.

* * *

Ночь создана для размышлений, беспокойств и сожаления. Но утром под теплым душем в голове все проясняется. Лучшие идеи мне всегда приходят в эти десять минут, пока я наслаждаюсь ласковыми струями, которые смывают все раздумья. В этот момент, намыливая волосы и ощущая чувственный запах шампуня с миндальным маслом, принимаю самое простое решение: сегодня я не пойду на работу.

Не горю желанием встретиться с Леонардо. Я не знаю, что ему сказать, и самое главное – чего ждать от него. Кроме того, мы никогда не

обменивались номерами телефонов (удачное совпадение), так что он не сможет найти меня. А у меня не возникнет соблазна отправить ему сообщение. Почему-то это успокаивает меня. Вчера все было прекрасно, всепоглощающе, не могу отрицать, это было бы лицемерием. Но все произошло так быстро и неожиданно, что я до сих пор не могу в это поверить. Секс с ним просто поверг меня в пучину новых, захватывающих ощущений, которые я еще не в состоянии пережить. А вчерашний звонок Филиппо только еще больше меня запутал.

Все произошло так быстро и неожиданно, что я до сих пор не могу в это поверить. Секс с ним просто поверг меня в пучину новых, захватывающих ощущений, которые я еще не в состоянии пережить.

Вот почему сегодня утром я осталась дома и делаю вид, что никуда не спешу. Займусь уборкой (в этом всегда есть необходимость, так что уборка – не просто предлог), а потом пойду за покупками. Холодильник опять пуст. Может быть, это меня отвлечет.

Внезапно раздается звонок в дверь. Мне кажется, я знаю, кто это. Только она может держать палец на кнопке звонка непрерывно в течение десяти секунд.

Поднимаю трубку домофона, готовясь к худшему.

– Гайя?

– Ты чего так долго не отвечаешь? – Ее вопль пронизывает мои барабанные перепонки. – Я могу подняться? Или у тебя там голый мужчина в постели? Хотя для меня это вообще-то не проблема...

– Поднимайся. Дверь открыта.

И что мне теперь делать? Рассказать ей или нет?

Я еще раздумываю над этим, когда вижу Гайю, приближающуюся ко мне своей кошачьей походкой.

– А ты почему дома? Я заходила в палаццо...

– Я сегодня не пойду на работу.

– Эй, ты что, заболела? – она внимательно вглядывается мне в лицо.

Решаю, что лучше позволить ей верить в это, потому что рассказать сейчас всю правду было бы чересчур. У меня просто нет сил. Я же не обманываю ее, а просто не все рассказываю. И это успокаивает мою совесть. Совсем немного.

– Наверное, потому, что скоро месячные... Голова болит, – отвечаю и, чтобы войти в роль, ложусь на диван, прикрывая ноги пледом, украшенным

маргаритками и сердечками.

Мне подарила его мама на прошлое Рождество. (Она украсила его сама, потратив на это два с половиной месяца и немалую толику своего зрения.) Этот плед – мое пристанище в дни лени и меланхолии.

– Я утром уже проснулась с головной болью, – морщусь со страдальческим видом, а Гайя присаживается на диван в ногах.

– Бедная моя подружка... – она с сочувствием гладит меня по щеке.

Может, я переборщила со спектаклем? Похоже, я увлеклась. Пытаюсь исправиться:

– Но мне уже получше.

– Ты что-нибудь приняла?

– Да нет. Это необязательно, мне уже скоро станет лучше, так всегда.

– Сколько раз я тебе говорила – тебе нужно отвлекаться! – подруга качает головой с суровым видом. – Эта фреска сведет тебя с ума!

Дело не только во фреске...

– А вообще, я зашла, чтобы сообщить тебе последние новости! – Лицо Гайи приобретает лукавое выражение, и она подсаживается поближе, подвинув мои ноги.

– Да... – я уже все поняла. – Якопо Брандолини?

Она кивает с довольным видом.

– В вечер открытия, – весь ее вид излучает счастье, – и да, кстати, извини, что я так исчезла, но ты же меня знаешь...

Внезапно я вспоминаю, что она бросила меня посреди вечеринки, и принимаю рассерженный вид.

– Как раз хотела тебе сказать: ну ты и сволочь!

– Я знаю, но это же того стоило, – Гайя поднимает руки как бы защищаясь. – Возможно, Леонардо обиделся, но в какой-то мере это он способствовал нашей встрече.

– То есть?

– Он подошел ко мне и говорит: «Ты не хочешь попробовать десерт?», я пыталась объяснить, что жду тебя, но он настоял, потому что некоторые пирожные нужно было есть теплыми.

Слушаю рассказ Гайи с возрастающим вниманием.

– В конце концов пришлось послушаться, – продолжает она. – Я пошла к столу с десертами, и кого я там встретила? Якопо! Такое ощущение, что он меня там ждал. Мы начали разговаривать, и я обо всем забыла.

Так, значит, Леонардо все задумал заранее и специально организовал встречу Гайи с Якопо, чтобы остаться со мной наедине! Радость этого открытия вызывает у меня прилив глубокого удовлетворения.

– Ну и как он, этот Брандолини? – спрашиваю, снова переводя внимание на нее.

– Он интересный, приятный, галантный до невозможности. Он кажется совсем иным в сравнении со всеми мужчинами, с которыми я встречалась... Мне он нравится!

Боже мой, да у нее глаза в форме сердечек!

– Ну, и вы этим занимались?.. – рискую спросить я.

– Ну... – Она на секунду опускает глаза, потом ее лицо озаряет торжествующая улыбка. – Ну, конечно же! Ты за кого меня принимаешь?

Смеясь, толкаю ее в плечо.

– Он пригласил меня к себе, в палатку за мостом Риальто. Это какое-то чудо, с фресками и потолками в кессонах. У меня было ощущение, будто я в сказке, знаешь, как Золушка на балу. Я даже оробела поначалу, а со мной это редко бывает...

Я слушаю, замороженная ее манерой приукрашивать рассказы. По крайней мере, ей удалось отвлечь меня.

– Ну и?

– Ну и он меня завоевал. Я не смогла отказать, – вздыхает, – честно говоря, у меня и *не было намерения* ему отказывать!

– Как он себя показал?

– Отлично.

По ее лицу понимаю, что Брандолини, наверное, и правда неплох.

– Это был не просто секс на одну ночь, он был нежным, беспокоился о том, чтобы мне было хорошо, – говорит она с мечтательным видом.

Я в этот момент вспоминаю ласки Леонардо, и эти воспоминания электрическим разрядом отзываются у меня в животе.

– Ты дашь ему следующий шанс, вы еще увидите?

– Разумеется, Эле! Он уже пригласил меня на ужин завтра вечером. – Гайя просто светится счастьем, и я искренне рада за нее. И торжественно объявляю:

– Ну ладно, раз это того стоило, тогда прощаю, что ты меня кинула.

– Однако хватит обо мне! А ты что делала потом? Ты ведь ничего от меня не скрываешь?

– Да ничего. Я просто вернулась домой.

Почему я вру своей лучшей подруге? Может, сказать ей? Очень хочется поделиться, но мне еще нужно самой собраться с мыслями. И я опасаюсь пока говорить об этом с кем-то, даже с Гайей (хотя она мне как сестра). Боюсь запутать все еще больше. Прикусываю губу, чтобы не проговориться о Леонардо. Но решаю сказать ей полуправду.

– Слушай, мне тоже надо тебе кое-что открыть.

Гайя резко выпрямляется, такое ощущение, что у нее внезапно выросли антенны на голове.

– Ну-ка, ну-ка, слушаю тебя внимательно, – она придвигается поближе.

– Это имеет отношение к Филиппо.

Гайя внимательно оглядывает меня, она уже и так поняла, что я собираюсь рассказать ей.

– Ну... мы сделали это!

– Аллилуйя! – восклицает она, хлопая в ладоши.

– Подожди, не забегай вперед. Все случилось так быстро, за день до его отъезда. Мы пока ничего друг другу не обещали, и вообще не знаю, чем это все закончится...

Она начинает прыгать по дивану.

– Какая разница, как это закончится, главное, что хоть с чего-то началось! – Потом она замолкает и с сомнением оглядывает меня. – А ты вообще рада?

– Да, просто не хочу спешить... С Филом у нас может быть что-то действительно серьезное. Я бы не хотела разрушать нашу дружбу просто так. И пока он в Риме, нет смысла начинать какие-то отношения, с этим мы оба согласны.

– Эле, ты чересчур много думаешь. Как обычно. Сразу видно, что вы созданы друг для друга, я всегда это говорила.

С Филом у нас может быть что-то действительно серьезное.
Я бы не хотела разрушать нашу дружбу просто так.

Выдавливаю из себя улыбку. Я и так понимаю, что Филиппо, возможно, тот самый единственный, с кем можно строить серьезные отношения. Надо лишь этого захотеть. Кажется, я и хотела этого, пока Леонардо не перевернул с ног на голову все мои планы и желания. А сейчас я сама не знаю, чего хочу. И Гайя даже и близко не может себе все это представить.

– А вы видитесь?

– Ага, как раз вчера по скайпу общались.

– Да и вообще, Эле, Рим же не по другую сторону океана. Я вот поехала за Белотти даже во Фламандию, – говорит она с уверенным видом. (Ради этого велосипедиста Гайя решалась на абсолютно немислимые поездки, и я по-прежнему не могу понять, какое место в ее жизни он

занимает.) – Я думаю, ты должна ехать. Устрой ему сюрприз! – продолжает подзадоривать она.

– Я подумую.

– А вот и нет! Много раздумывать как раз и не нужно, – она шутя стучит мне по голове. – Да выключи ты ее, хотя бы на время! Из-за этого все твои проблемы.

Улыбаюсь. По правде говоря, если до этого я притворялась, то теперь голова у меня болит на самом деле. Я уже настолько запуталась, что хочу просто лечь спать и ни о чем не думать.

Если до этого я притворялась, то теперь голова у меня болит на самом деле. Я уже настолько запуталась, что хочу просто лечь спать и ни о чем не думать.

Гайя поднимается с дивана с сумкой наперевес, готовая к выходу. Я чувствую некоторое облегчение.

– Ну, я пошла. Звони, если что-нибудь понадобится.

– Не волнуйся, у меня все в порядке.

– Да ты бы так утверждала, даже валяясь на полу в агонии.

Пожалуйста, только не надо сейчас вспоминать про пол: я не могу не думать о Леонардо, о красном цвете повсюду, на полу, на моем теле...

– Пока. И обязательно позвони, чтобы рассказать про ужин с графом.

– Обязательно, как только, так сразу! – и она, по своему обыкновению, душит меня в объятиях.

* * *

После ухода Гайи решаю пройтись в направлении музея Пегги Гуггенхайм [\[24\]](#). Уже около двух часов. Обычно в это время на улице мало кого можно встретить. Туристы толпятся в ресторанах, а венецианцы из Дорсодуро [\[25\]](#) не пропускают привычного послеполуденного сна. Мне хочется почувствовать ласку теплых лучей октябрьского солнца, сегодня они замечательного желто-красного оттенка. Дохожу быстрым шагом до Пунта-делла-Догана и на обратном пути останавливаюсь на площади Барбаро – это одно из самых моих любимых мест в Венеции, маленькая площадь, далекая от обычных туристических маршрутов. Иногда, если не могу собраться с мыслями, я прихожу сюда, и почему-то здесь всегда происходит нечто волшебное.

Присаживаюсь на последнюю ступеньку каменного мостика, куда солнце выплеснуло все свое тепло, и прислоняюсь спиной к кирпичной стенке, проросшей травой. Отсюда все выглядит мягче, чем в действительности, солнечные лучи просвечивают сквозь голые ветви двух деревьев тысячей маленьких звездочек. В центре площади – клумба, полная роз: это кажется невозможным, но они цветут всегда, даже зимой.

Бесполезно отрицать (или еще хуже – пытаться подавить это в себе): сердце и мысли сплелись в один запутанный клубок. Не знаю, с чего начать.

Скорее, это не мысли, а воспоминания о Леонардо, размытые образы проносятся в моей памяти: его таинственные глаза с лучиками в уголках, сильные руки, обнаженное, доминирующее надо мной тело. И эта его татуировка. Внезапно на меня находит предчувствие: я понимаю, что Леонардо способен доставить мне боль, что ценой за участие в этой игре может стать мое проклятие.

И, несмотря ни на что, я хочу его. Это – единственная вещь среди моря сомнений, в которой я уверена.

А Филиппо? Ему какая роль отведена во всем этом? К нему у меня тоже сильные чувства, но абсолютно другие: чувства между нами кажутся более знакомыми, это скорее интеллектуальная привязанность. Секс с ним был нежным и пристойным, как между двумя старыми друзьями, которые ценят друг друга.

То, что я почувствовала с Леонардо, никогда со мной прежде не случалось: схватка чувственности, управляемая только желанием наших тел. Наверное, поэтому я и не могу перестать думать об этом.

Перевожу взгляд с роз на воду канала, медленно текущую подо мной. У нее совсем непривлекательный мутный цвет, но почему-то меня это не затрагивает так, как раньше. Идея увидеться с Леонардо тоже больше не внушает мне страха.

И, несмотря ни на что, я хочу его. Это – единственная вещь среди моря сомнений, в которой я уверена.

Глава 8

Сегодня – великий день. Я увижу Леонардо и объяснюсь с ним, скажу ему, кто я и чего хочу от него. Я никогда не проявляла инициативу с мужчиной, даже не представляю, как это делается. И не умею, как Гайя, объяснять свои желания. Но на сей раз все иначе, и теперь я должна попробовать. Уверена, что желание быть с Леонардо заставит меня проявить больше усилий, чем обычно.

Выхожу из душа и останавливаюсь перед зеркалом. Протираю его от пара и смотрю на себя. Это я. Округлый овал лица, темные, слегка покрасневшие после душа глаза, с мокрого каре капает вода на плечи. И все же что-то изменилось. Со вчерашнего дня в моей жизни появились новые желания, нечто вроде нового шумного поселенца, который мешает старым жильцам.

Попробую сделать вид, что это обычное утро. Буду вести себя как всегда. Нужно убедить себя, что я просто иду на работу, хотя прекрасно понимаю, что на самом деле иду к нему.

Освобождаюсь от лишних мыслей и собираюсь выйти. Высушиваю волосы, надеваю джинсы, сверху – тонкий шерстяной свитер, набрасываю тренч на плечи и доезжаю на вапоретто до Ка'Реццонико, покупаю «Републику» в газетном ларьке под навесом, дохожу до палаццо и поднимаюсь по лестнице. Каждый этап в этой привычной рутине – шаг навстречу Леонардо.

Но когда я добираюсь до палаццо, его там нет.

Пробую позвать его – никакого ответа. Поначалу решаю подождать его в холле, надеясь, что он появится внезапно из ванной, с полотенцем, обернутым вокруг бедер, но все напрасно. Тогда спрашиваю о нем у Франко в саду, но он тоже говорит, что не видел Леонардо. Наверное, сегодня утром он рано ушел. Это единственно возможная гипотеза, которая у меня возникает.

В результате я оказываюсь на площади Сан-Паоло перед рестораном Брандолини, не решаясь войти. Сердце подсказывает, что войти стоит, а ум говорит «нет» – борясь со жгучим желанием, которое обуревает меня уже давно: *хочу увидеть его.*

Дверь открыта, она словно приглашает меня войти. И я именно так и делаю.

– Немедленно внесите сюда эти шесть ящиков, они должны быть здесь

через минуту. Осторожней, черт вас побери! Это вино из Сассикайя [\[26\]](#), оно стоит как автомобиль, о котором вы мечтаете и которого у вас никогда не будет! Это вообще последний раз, когда мы что-то у вас заказываем...

Голос принадлежит Леонардо. И тон совсем не приветливый. Я не могу понять, откуда он доносится: внутри ресторана в этот час нет никого, кроме официантов. Один из них заметил меня и приближается с выражением вежливого отказа на лице. «Мы закрыты, пожалуйста, зайдите позже», – уже готов сказать он. Но я опережаю его:

– Добрый день. Я ищу Леонардо.

Взгляд, которым он меня окидывает, несмотря на холодный профессионализм, выдает любопытство. Повторяю сама себе: «Хочу просто увидеть его и... поговорить». По дороге сюда я приготовила целую речь.

– Мне кажется, он там, – отвечает официант, указывая на внутренний дворик.

– Спасибо, – бормочу и удаляюсь в направлении веранды, выходящей в сад.

Леонардо не сразу меня замечает. Он один. Бедные грузчики, похоже, уже закончили свою работу и испарились. Он говорит с кем-то по мобильному телефону, и, если судить по нахмуренному выражению лица, это не очень приятный разговор. Внезапно он прекращает говорить. Но на его лице остается задумчивое, озабоченное выражение. Взгляд устремлен в пол на что-то неопределенное. Я впервые вижу его таким нахмуренным, и мне невдомек, что может настолько его заботить. И, наверное, я не решилась бы его спросить об этом, потому что, как только Леонардо замечает меня, его лицо озаряется обычной улыбкой. Он здоровается как ни в чем не бывало, словно мое присутствие здесь абсолютно нормально.

– Ты куда пропала? – спрашивает, приближаясь на несколько шагов. – Я бы тебе позвонил, если бы у меня был твой номер телефона...

– Да, мы не удосужились обменяться телефонами, – говорю, глядя себе по ноги. Мне сложно выдержать магнетизм его взгляда.

– Ну так давай сделаем это!

Он по-прежнему держит телефон в руке. В этот момент у меня возникает ощущение, что я не помню свой номер. Потом нечеловеческим усилием вызываю его в памяти и диктую ему в разбивку, будто сложное слово.

Леонардо записывает и перезванивает мне. Хорошо, что я убрала звонок в виде утинового кряканья.

– Ты не ответила на мой вопрос, – продолжает он, изучая меня, –

почему тебя не было вчера?

А вот и зацепка, чтобы начать мою речь. Провожу рукой по волосам и прочищаю горло, я го-това.

– Мне нужно было побыть одной. Знаешь, то, что случилось между нами, глубоко потрясло меня! – выдаю на одном дыхании, но, похоже, на Леонардо это совсем не производит впечатления. Странная улыбка пробегает по его губам, что-то похожее на садистское веселье зажигается в его глазах. – Поэтому я хотела поговорить с тобой... – Но тут нас прерывают.

Официант, с которым я разговаривала до этого, проходит мимо. Леонардо кивает ему, и тот отвечает. Он же на работе, наверное, я отвлекаю его.

– Если ты занят, то мы можем увидеться в другом месте, – забегаю вперед.

Он осматривается.

– Я буду занят еще полчаса здесь. Мне нужно кое-что закончить, – потом он бросает взгляд на телефон и на мгновение замирает, будто вспомнив о чем-то. – Ты не могла бы подождать меня у того собора Фрари? Я подойду туда к одиннадцати.

– Хорошо, – отвечаю, хотя его предложение удивляет меня. Никто прежде не предлагал мне встретиться у церкви, тем более у собора Фрари. – А почему именно там? – рискую спросить.

– Потому что место красивое.

* * *

Я сижу уже минут пятнадцать на неудобной деревянной скамейке в третьем ряду, в роскошной центральной части собора Фрари. В воздухе дым свечей смешивается с запахом ладана. Снаружи начался сильный ветер, поэтому я решила войти внутрь. Надеюсь, что никто меня не заметит: сижу здесь собранная и сдержанная, поглядывая иногда на входные ворота. Мысль о том, что Леонардо вот-вот появится, наполняет меня возбуждением и нервозностью. Решила, что, не увидев меня снаружи, он поймет, что я зашла внутрь. В любом случае теперь у меня есть его номер, так что всегда смогу позвонить.

Я оглядываюсь вокруг – нынче ощущаю себя здесь незваной гостьей на чужой вечеринке. Некоторые посетители погружены в молитву среди рядов скамей, другие просто обходят собор в сдержанном молчании,

большинство из них останавливаются перед великолепием «*Вознесения Богородицы*» Тициана. В солнечном свете картина еще прекрасней. Лучи солнца, просвечивая сквозь витражи, рисуют невиданные отблески на полотне, поэтому цвета выглядят особенно живыми.

– Так, значит, секс со мной перевернул всю твою сущность, – раздается шепот у меня над ухом. Леонардо уже появился и сидит рядом со мной. Я рывком поворачиваюсь, чувствуя пульсацию крови в венах. Он в упор смотрит на меня, ожидая, что я продолжу с того самого места, где остановилась.

– Да, это так, – подтверждаю. Потом глубоко вздыхаю. – Возможно, потому, что это произошло неожиданно. Обычно я не так легко отдаюсь, но ты... – Колеблюсь, поскольку приготовленная речь внезапно кажется мне бессмысленной и не к месту. – Ну, вот видишь, я даже не знаю, как объяснить тебе...

– У тебя уже кто-то есть, ты это мне хотела сказать, правда? – Его прямолинейность и откровенность заставляют меня выплеснуть все наружу как есть, без приукрашивания.

– Нет, это не совсем то, – качаю головой. – Еще несколько дней назад я думала, что хочу другого человека, но теперь я в этом уже не так уверена.

Образ Филиппо встает у меня перед глазами, и сейчас он, как и моя заготовленная речь, кажется принадлежащим прошлому. Осознав это, ощущаю укол в сердце.

Еще несколько дней назад я думала, что хочу другого человека.

– Ну так в чем тогда дело, Елена? – подбадривает Леонардо.

– Дело в том, что мне очень понравилось, возможно, даже чересчур. Я пыталась убедить себя в том, что это было лишь минутной слабостью, одной из немногих глупостей, которые я делала, и что мы не имеем друг к другу никакого отношения. В общем, мне бы следовало просто закончить с этим. Но я продолжаю о тебе думать... И хочу, чтобы это произошло снова...

Сказав это, я в буквальном смысле сгораю от стыда.

Леонардо никак не отреагировал. По крайней мере, по его виду ничего не скажешь, и от этого мое смущение возрастает. Невыносимо долгие мгновения его глаза скользят по «*Вознесению Богородицы*». Мне не хватает воздуха, я жду его ответа, как подсудимый в ожидании окончательного приговора.

Потом, ни слова не говоря, он берет меня за руку и подводит к картине. Рядом с нами стоят другие люди, поэтому Леонардо становится у меня за спиной и тихо нашептывает мне на ухо.

– Знаешь, почему я попросил тебя встретиться здесь, Элена?

Я качаю головой, ощущая себя полностью потерянной.

– Потому что эта картина завладела моим сердцем, после того как ты рассказала мне о ней. Я очень долго думал об этом после той ночи.

Поднимаю глаза на Тициана.

– Мне кажется, я понимаю, почему она тебе так нравится: ты хочешь быть похожей на Деву Марию, – продолжает Леонардо, обвевая мне волосы своим дыханием. – Ты стремишься быть там, наверху – в своем особом мире, далеко от всего, что может навредить тебе. В глубине души ты веришь, что в этом твой удел.

Я смотрю на фигуру Мадонны, такую далекую, умиротворенную, неколебимую. И понимаю, что он прав, – я хотела бы быть похожей на нее.

Я смотрю на фигуру Мадонны, такую далекую, умиротворенную, неколебимую. И понимаю, что он прав, – я хотела бы быть похожей на нее.

Леонардо нависает надо мной, чувствую жар его тела, и это очень возбуждающее ощущение... Здесь, в этом святом месте, среди людей, которые почти не замечают нас. Он продолжает шептать мне на ухо, как демон-искуситель.

– А теперь посмотри на апостола. Той ночью ты сказала мне, что он призывает Деву, и кажется, будто он возносит ее к небу.

– Да, так и есть, – хорошо, что хоть знания по истории искусства не покинули меня вместе со всем остальным, в чем я была уверена.

– А если ты ошибаешься? – Он с силой сжимает меня за плечи. – Возможно, на самом деле он призывает Деву остаться на земле и вернуться обратно к ее *телесной* сущности.

Я никогда об этом не думала. Рассматриваю картину с абсолютно другой точки зрения и понимаю, что, несмотря на абсурдность, его гипотеза тоже может быть ключом к интерпретации. Пока не могу понять, к чему Леонардо ведет. Я только что сказала ему, что хотела бы опять заняться любовью с ним (не знаю, где я только нашла смелость), а он отвечает мне, предлагая новое толкование «*Вознесения Богородицы*». Я совсем запуталась и боюсь, что мои ослабевшие коленки долго не выдержат.

– Почему ты мне все это рассказываешь? – спрашиваю дрожащим голосом, больше не в силах терпеть.

Он обхватывает меня за бедра и рывком поворачивает к себе, завладевая моим взглядом.

– Потому что я хочу быть тем, кто вернет тебя на землю, Элена.

Он настолько близок, что наши лица соприкасаются. Я оглядываюсь по сторонам, надеясь, что никто нас не заметил. Но он не обращает внимания на окружающих и продолжает обжигать меня своей речью:

– Я тоже тебя хочу, снова, тысячу раз. Но все должно быть по-моему. Я желаю знать, что скрывается за этой твоей маской, такой неземной, такой рациональной... Я желаю узнать настоящую Элену. Хочу перевернуть всю твою жизнь.

Невольно сглатываю. *Перевернуть мою жизнь.* И глядя на него, понимаю, что он на это способен. По спине пробегают мурашки.

– Когда я впервые увидел тебя, такую сосредоточенную на той фреске, твоя застенчивость и невинный вид околдовали меня. Это было непреодолимое влечение. Ничего не могу с собой поделать, я не успокоюсь, пока не разрушу этот твой образ.

Его слова вызывают ощущение пожара в моей груди, словно туда влили горячее.

– Но ты должна позволить мне сделать это, позволить мне научить тебя... разным способам получения удовольствия, – его голос превращается в чувственную смесь шепота и сладкого стона.

Это похоже на соглашение, на некий дьявольский кон-тракт, который полностью изменит мое существование.

Я стою, онемев. Не думаю, что вполне поняла, что он действительно мне предлагает. Могу только догадываться. Это похоже на соглашение, на некий дьявольский контракт, который полностью изменит мое существование. И я не уверена, что хочу его заключить. Но в то же время каждая частица моего тела жаждет этого – как иногда притягивает что-то опасное и неизвестное.

Леонардо чувствует мою неуверенность и, взяв меня за руку, тянет за собой через боковой ход к выходу из церкви. Мы выходим в закрытый, глухой переулок. Он прижимает меня к обшарпанной стене ризницы и приподнимает мое лицо за подбородок.

– Элена, ты поняла, о чем я тебе говорю?

– Я не уверена... – бормочу в ответ.

– Если ты ищешь романтической любви, то я не тот, кто тебе нужен. Если думаешь просто о приключении на стороне, чтобы отвлечься от ежедневной рутины, то опять ошибаешься, Елена. Я предлагаю тебе *путешествие*– опыт, который навсегда изменит твою жизнь.

Тяжело дышу, стараясь высвободиться из его крепких объятий. Хотя вовсе не хочу отдалиться от него в этот момент.

– Я займусь тобой. Покажу тебе, что твое тело не создано для запретов и табу, и научу использовать все чувства, абсолютно все, для единственного результата – получения удовольствия. Но ты должна полностью довериться мне и сделать *всё*, о чем я тебя попрошу. – Тут он останавливается, вглядывается в мое лицо. – *Всё!* Даже если мои просьбы покажутся тебе бессмысленными или неправильными.

– Я займусь тобой. Покажу тебе, что твое тело не создано для запретов и табу, и научу использовать все чувства, абсолютно все, для единственного результата – получения удовольствия.

Его голос звучит не как приказ, нет... Он соблазнителен, дьявольски непреодолим. Если бы он приглашал меня потанцевать или выпить бокал вина вместе, думаю, он говорил бы тем же самым тоном.

– Мне нужно подумать, – умоляю я. – ...Не знаю, что ответить... Не сейчас...

– Нет. Ты должна сделать свой выбор здесь, сейчас, – он неумолим. – Это первый барьер, который тебе надо преодолеть. Всё или ничего.

Задерживаю дыхание, прикрываю глаза и подготавливаюсь, словно к прыжку со скалы. Да. Прыжок в пустоту, вот что я делаю – та самая я, которая даже не умеет плавать, которая всегда принимает решения, лишь тщательно обдумав их, и никогда не повинуется минутным порывам. В этот момент я совершаю самый опрометчивый поступок в своей жизни. И возможно, именно поэтому – самый верный.

– Хорошо, – говорю с комом в горле.

– Согласна? – переспрашивает он.

– Да, согласна, – открываю глаза.

Я возвращаюсь в настоящее, в его объятия, и пока что – живая-невредимая. Леонардо улыбается мне и с жадностью целует, проталкиваясь языком к моему пересохшему от эмоций небу. Отрывается на минуту, чтобы заглянуть мне в глаза, словно хочет убедиться, что я действительно здесь, потом с еще большей жадностью начинает целовать, покусывая мне губы.

Его рука похотливо пробирается внутрь моих джинсов, с уверенностью забираясь туда, где ей не позволено быть, вызывая водоворот чувственного удовольствия.

– Я хочу, чтобы сегодня во время работы ты думала обо мне, занимаясь тем, чем я сейчас занимаюсь с тобой, до тех пор, пока не достигнешь оргазма, – шепчет он, продолжая ласкать меня.

– Нет, прошу тебя... – протестую. – Я не уверена, что это хорошая идея. Не могу, меня это слишком смущает.

Леонардо прерывает меня, закрывая рот рукой и пронизывая меня убийственным взглядом.

– Именно поэтому ты и должна сделать это. Я принимаю решение, а ты должна доверять мне, не подвергая сомнению мои решения. Ты помнишь, что согласилась на это?

Моя воля внезапно сошла на нет.

– Хорошо, я попробую.

– Молодец, Елена, вот так мне нравится...

Он не перестает трогать меня между ног, лаская второй рукой мой сосок. Отвожу полный желаний взгляд, уже полностью влажная и возбужденная, но вряд ли я получу то же удовольствие, делая это сама. Я никогда не трогала себя там.

Мое желание растет, я хочу, чтобы он дошел до конца. Но Леонардо внезапно останавливается, оставляя меня оглушенной и неудовлетворенной. Садистская ухмылка на его лице говорит мне, что это преднамеренно.

– Мне пора, увидимся вечером, когда я вернусь домой, – он упирается обеими руками в стену и приближает лицо к моему. – Помни, Елена, с этого момента ты принадлежишь мне.

Еще один поцелуй, и Леонардо поворачивается, чтобы уйти.

– Леонардо! – останавливаю я его, хватая за руку. – Скажи мне, для чего ты делаешь все это?

Он склоняет голову, белоснежная дьявольская улыбка раздвигает губы.

– Потому что я хочу этого. И потому что с ума по тебе схожу.

Он замечает мое недоумение и вздыхает, как бы подыскивая слова.

– Послушай, Елена, все, что я делаю или решаю не делать, – это чистый гедонизм. Для меня не существует других причин или мотивов. Я не верю в мораль и силу идей. Я прожил достаточно, чтобы понять, что боль так или иначе настигает нас, даже если мы не совершили ничего, чтобы ее вызвать. И раз уж этого нельзя избежать (и учитывая, что абсолютного счастья не существует), остается только одно – стремиться к

удовольствию. Поэтому я ищу его с упорством, которое ты еще познаешь.

У меня нет слов. В его чертах я лишь теперь замечаю твердость человека, которому в жизни пришлось побороться, а также скрытые следы страдания, неизгладимые, как татуировка у него на спине. Но в его гордом взгляде и улыбке (она будто бросает вызов всему миру) я читаю волю к жизни и смелость человека, который никогда не сдается.

Ты – настоящая тайна, Леонардо, неразрешимая для меня загадка. Но как бы то ни было, я согласна, с сегодняшнего дня я – твоя.

Ты – настоящая тайна, Леонардо, неразрешимая для меня загадка. Но как бы то ни было, я согласна, с сегодняшнего дня я – твоя.

* * *

Весь день я не могу думать ни о чем другом. Несколько раз отвлекаюсь от фрески и скрываюсь в ванной, чтобы выполнить повеление Леонардо, но это просто кошмар. Я чувствую себя грязной и... виноватой, хотя и не знаю перед кем.

Стараясь не смотреть на себя в зеркало, опускаю молнию комбинезона до ширинки джинсов... Это уже третья попытка. Закрываю глаза и думаю о Леонардо, о его полных страсти поцелуях, его обнаженном теле надо мной, потом застенчиво просовываю руку в трусы, скользя по холмику Венеры. Моя вульва, словно полностью отрицая эти прикосновения, остается сухой и безжизненной, не отвечая на мои неуверенные движения, будто отвергает их. Открываю глаза и со вздохом сажусь на край ванной, опуская руки на колени. Я понимаю, насколько мало знаю свое тело, полное комплексов и запретов. Может быть, потому, что я никогда не пыталась достичь удовольствия самостоятельно, всегда позволяла другим делать это за меня – тем немногим мужчинам, с которыми я была. И если быть искренней, то теперь, после Леонардо, тем более не уверена, что это именно то, к чему следует стремиться.

Пытаюсь снова сосредоточиться, но, как только запускаю руку внутрь, звонок мобильного грубо прерывает меня. Смотрю на телефон и вижу на экране имя «Филиппо». Только не это! Фил, почему ты звонишь мне именно в этот момент? Ты чувствуешь что-то на расстоянии? Мне сейчас и так непросто... Внезапно я ощущаю себя нелепой.

Все, хватит! Надоело. Я совсем не такая, какой представляет меня Леонардо, вот и все. И, возможно, я не способна самостоятельно высвободить свою чувственность.

* * *

Я уже сняла комбинезон и, разочарованная, собираюсь домой. Первый этап моего эротического эксперимента обернулся неудачей.

Из малодушия собираюсь сбежать до возвращения Леонардо, но очистка инструментов занимает времени больше обычного, поэтому он появляется прежде, чем я успеваю исчезнуть. Внезапно я ощущаю себя в его объятиях и не могу отрицать, что чуть-чуть на это надеялась.

– Привет, Элена. Ничего не хочешь мне рассказать? – спрашивает он шепотом.

Я предпочла бы солгать – сказать, что у меня все получилось и что огонь пылает в каждой частице моего тела, но не могу. И потом, я уверена, что мое лицо говорит само за себя.

– Я попыталась...

– Ты попыталась. – Он оглядывает меня с серьезным видом.

– Но... – дыхание останавливается, я боюсь его реакции, – у меня не то чтобы получилось...

– Пойдем. Поднимемся наверх, в мою комнату, – похоже, он не рассердился.

Похоже, он ожидал этого, что еще больше задевает меня. В нерешительности позволяю взять себя за руку и следую за ним. Не представляю, что у него на уме, но чувствую себя защищенной, когда он так меня обнимает.

Я узнаю эту комнату. Здесь царит все тот же хаос, как в тот день, когда мы с Гайей проникли сюда. Кровать расстелена. Не хватает шампанского и сигарет с травкой, но в воздухе ощущается тот же запах сладострастия и аромат амбры, пропитавший простыни и стены. Леонардо толкает меня на кровать, сам остается в ногах. Передо мной.

– Раздевайся! – приказывает. – Хочу посмотреть, на что ты способна!

Я сажусь на край постели, зарыв руки в простыни. Струйка холодного пота стекает по спине. Передо мной зеркало – тревожный зритель. А мысль о том, что та скрипачка с сексуальным телом была здесь, заставляет меня чувствовать себя еще хуже, хотя я пока не начала ничего делать.

– Давай, Элена, – подбадривает Леонардо, беря меня руками за

голову, – раздевайся, ты не совершаешь ничего плохого.

Мне всегда было непросто раздеться перед мужчиной, в такие моменты я никогда не чувствовала себя уверенной. Я постоянно ощущаю неловкость, которая заставляет меня выключать свет уже на стадии начальных ласк. Другими словами, показать себя перед кем-то другим – для меня совсем непростое дело, вызывающее нервозность.

Медленно поднимаюсь на ноги. Теперь я перед ним. Дрожащими руками снимаю футболку и остаюсь в лифчике. Но суровый взгляд Леонардо дает мне понять, что его тоже нужно снять. Расстегиваю крючок сзади, и Леонардо помогает мне снять лямки с плеч.

– Твоя грудь сводит меня с ума, она такая... мягкая и полная, – он с нежностью гладит меня. Потом целует меня сзади, под затылком. Это место настолько чувствительно, что при одном только касании его языка у меня подгибаются коленки. – А теперь сама!

Моя рука безвольно соскальзывает в ложбинку между грудей, начиная тихо ласкать одну из них, сжимая пальцами сосок.

– Вот так, Елена... Теперь удели немного внимания и второй! – указывает он, снова целуя меня в шею.

Пытаюсь расслабиться и делаю то, что он просит. Его слова и жесты вроде бы придают мне смелости и уверенности в общении с моим телом.

– Молодец...

Его глаза блестят от желания. Он берет мою руку и кладет на низ живота.

– А теперь медленно опусти ее вниз, внутрь, – тихо говорит он.

Я чувствую себя еще более голой и незащищенной, чем когда была под ним. Во всем этом есть что-то невозможно эротичное и запрещенное. Внутри все сжимается от волнения, но я знаю, что не могу сейчас остановиться. Не хочу останавливаться.

Рукой высвобождаю пространство в ширинке джинсов и начинаю водить пальцами взад-вперед, как будто перебирая струны гитары. Уверена, что ему нравится смотреть на меня, я же чувствую себя безоружной, полностью во власти этих глаз, словно желающих проглотить меня.

– Ты знаешь лучше, чем кто бы то ни было, как доставить себе удовольствие, – успокаивает он меня, – научись познавать себя...

И вдруг он набрасывается на меня, щекоча рукой через джинсы. Я чувствую его. Он кладет кончики пальцев по сторонам внешней части больших губ и сжимает их, двигая всей этой щепотью вниз-вверх. Этот глубокий массаж разжигает мою страсть.

Леонардо снимает рубашку и рывком освобождает меня от брюк и

нижнего белья. Потом садится на край кровати, притягивая меня за собой, спиной к его обнаженной груди. Наклоняется вперед, и моя шея покрывается мурашками от касаний его мягких губ. Его дыхание доходит до моих сосков, которые сразу же твердеют. Моя нагота отражается в зеркале, решительно и беспощадно, как пощечина. Это зрелище невыносимо для меня, и я отворачиваю голову. Леонардо берет меня за подбородок и заставляет повернуться к моему отражению.

– Ты должна любить свое тело, должна гордиться им. Потому что оно дарит тебе удовольствие. И дарит его мне.

– Посмотри, какая ты красивая, Елена. Ты должна любить свое тело, должна гордиться им. Потому что оно дарит тебе удовольствие. И дарит его мне.

Попробую, но это сложно. Вид моей обнаженной телесности, выставленных напоказ гениталий, моей похотливой позы вызывают во мне не гордость, а только стыд. Леонардо берет мою руку и кладет ее на мое интимное место, влажное и горячее.

– Продолжай ласкать себя, – шепчет мне на ухо, – не останавливайся.

Повинуюсь, закрыв глаза, чтобы победить смущение. Потихоньку чувствую, как вульва влажнеет, в то время как Леонардо накрывает мои груди руками, смазанными массажным маслом. Восхитительный запах розы ласкает мою кожу. Его пальцы легко скользят по ней, прихватывая тугие соски, а потом сжимают их, сдавливая грудь, будто желая придать форму тесту. Только с Леонардо я чувствую все эти неопишуемые оттенки удовольствия.

– На кончиках пальцев, вот где ты должна быть сейчас. Всем своим существом, – берет меня за запястье и указывает путь моей руке, которая устремляется в путешествие, горя желанием познакомиться поближе, но все еще с неуверенностью. – А теперь попробуй использовать мои пальцы, если тебе так больше нравится... – шепчет, убирая одну руку с груди, – я хочу, чтобы ты продолжала... еще немного.

Мягко беру его за руку и позволяю его пальцам проскользнуть внутрь, сдавливая клитор.

Леонардо высвобождается из моих рук и начинает нежно ласкать внутреннюю поверхность бедра. Он не заходит дальше до тех пор, пока я не раздвигаю полностью ноги и не выгибаю спину в нетерпении. Тогда он перебирается кончиками пальцев в направлении внешних губ, щекоча их легкими движениями и нажатиями. Заходит с одной стороны, поводит

пальцами снизу вверх, рисуя полукруг, и потом проделывает то же самое с другой стороны. Волна возбуждения разливается по всему моему телу.

Я начинаю двигаться в такт движениям его руки, тогда он легонько сжимает мне клитор, а потом спускается ниже, пока мое открывшееся лоно не приглашает его проникнуть внутрь.

– А теперь открой глаза, Элена, – произносит Леонардо мне на ухо. – Я хочу, чтобы ты смотрела на меня.

Веки приподнимаются, как занавес. Передо мной – вид моего тела, плененного им. Наши взгляды пересекаются. Леонардо медленно вводит в меня средний палец и начинает прорисовывать им множество маленьких окружностей, потихоньку раздвигая мою плоть. Я сдаюсь, полностью побежденная. И это неопровержимый знак, что он может двигаться дальше (если только в таком знаке была надобность). Он вводит палец поглубже, теперь палец целиком во мне. Леонардо останавливается, потом поигрывает им, но я теперь хочу большего, и он сразу же понимает это. Дождается, пока я расслаблюсь, и вводит еще один палец, одаривая меня божественным ощущением наполненности. Отражение моего лица в зеркале пронизано удовольствием, мускулы напряжены в спазме, будто после электрического разряда. Я с трудом узнаю себя: впервые наблюдаю за собой в момент оргазма. Леонардо улыбается мне в зеркале, будто улавливает мои мысли. Когда я начинаю тяжело дышать, сгибает пальцы, упираясь в основание клитора, делая такие движения, как подманивают пальцами в жесте «иди сюда». То же читается в его глазах. Теперь мы оба смотрим, как я получаю удовольствие.

– Да, Леонардо... – постанываю я. Голова кружится, чувства оставляют меня, полностью потерянные в водовороте эротических ощущений. – Еще, сильнее! – умоляю его.

Вцепляюсь в его плечи позади меня, в то время как он наращивает ритм изнутри и легонько треплет другой рукой холмик Венеры.

– Тебе нравится *вот так*?

– Да, мне нравится... – начинаю стонать. Мое тело – сплошной сгусток желаний. – Еще, не останавливайся, прошу тебя!

Он продолжает свою волнующую игру. Эта сладкая мука доводит меня до изнеможения, опустошает. Он полностью контролирует мои чувства. Мое тело извивается, содрогается без остановки. Я на вершине возбуждения, не могу удержаться от стонов. Еще и еще раз. Потом хриплый вскрик, и падаю в изнеможении под движениями его рук, изгибая спину, ощущая, как миллион мельчайших осколков взрывается внутри меня.

Леонардо крепко обнимает меня, прижимая к себе и покрывая шею

торопливыми поцелуями.

– Умница, – шепчет он, прижавшись к моему рту, – вот что значит почувствовать оргазм.

* * *

Я лежу поперек кровати, удовлетворенная и изнуренная. Он довольно смотрит на меня, а я прикрываюсь простыней. Леонардо улыбается.

– Тебя так беспокоит, когда на тебя смотрят?

– Ага... – слабо киваю.

Я знаю, что это глупо, потому что пять минут назад я была обнаженной в его руках. Но сейчас я чувствую необходимость защитить мою наготу, спрятать ее под этой простыней.

– Значит, это станет следующим табу, от которого мы тебя освободим. Потому что мне очень нравится смотреть на тебя.

Его голос нежен, он лежит рядом со мной, рубашка распахнута на груди, голова покоится на сгибе локтя.

Ускользящая мысль проносится в моей голове: я в самом начале безумного путешествия – безумного, но восхитительно возбуждающего. Мне хочется попробовать вкус запретного, хоть я и побаиваюсь. Не знаю, к чему это приведет, но уверена, что хочу дойти до конца пути.

Смотрю на Леонардо. Выражение его лица постоянно меняется. Как ни странно, его черты каждый раз кажутся мне незнакомыми, будто я заново вижу их с иной стороны. Кто этот мужчина на самом деле? Что привело его ко мне? Я почти уверена, что никогда не найду ответов на эти вопросы. Но меня снедает любопытство, не дающее мне покоя. И я теряю контроль над своими словами... Просто прекрасно!

Ускользящая мысль проносится в моей голове: я в самом начале безумно-го путешествия – безумного, но восхитительно возбуждающего.

– У тебя было много женщин? – спрашиваю без околичностей. Он уже говорил мне, что не создан для серьезных отношений. И его полное понимание моего тела и моих ощущений тоже выдает большой опыт в данной области.

Похоже, мой вопрос не удивляет Леонардо.

– Да, много, – спокойно отвечает он, глубоко вздыхает и растягивается

на спине, руки за головой. – Я не специалист по отношениям и чувствам. Я тебе уже говорил это.

И похоже, что эти мысли заставляют его нахмуриться, затем он резко поворачивается ко мне и серьезно вглядывается мне в лицо.

– Элена, ты не единственная, если ты это имела в виду. Не жди, что я буду тебе верен.

У меня возникает желание залезть под простыню и спрятаться, чувствую себя инфантильной дурочкой. Он будто прочитал мои мысли и смотрит на меня с легким изумлением.

– Я думал, это и так понятно...

– Да, разумеется, понятно, – спешу ответить с улыбкой.

В действительности я чувствую себя обманутой. И нечеловеческим усилием заставляю себя не думать об этом. «Не жди от меня романтической любви», – он сразу дал мне это понять, надо просто привыкнуть к этой мысли.

– Вообще мне пора идти, – добавляю я, поднимаясь с кровати и заворачиваясь в простыню.

Я быстро одеваюсь, и Леонардо провожает меня до двери. В этот момент я чувствую себя невозвратно покорной его воле, исходящей от него силе.

Он останавливается на пороге и заправляет мне прядь волос за ухо.

– Все в порядке? – спрашивает.

– Да, – отвечаю, хотя, если честно, абсолютно в том не уверена.

– Тогда до завтра?

Я еще не успеваю ответить ему, как его рот с жадностью набрасывается на мои губы. С силой он берет мое лицо в свои руки, и поцелуй становится все более страстным. Потом он отодвигается и смотрит так, словно хочет изучить меня получше.

– Я думаю организовать для тебя что-то особенное, – шепчет таинственно, – не задерживайся!

– Конечно, – отвечаю с ошеломленным видом.

Не могу дождаться, когда наступит завтра.

Глава 9

Вокруг меня – темнота и тишина.

Он оставил меня здесь, обнаженной, привязанной к стулу, глаза закрыты повязкой из черного шелка. Я ощущаю себя маленькой и ничтожной в центре этой огромной комнаты парадного бального зала – самого большого из всех помещений палаццо.

* * *

Сегодня утром, направляясь к Леонардо, я не знала, чего мне ожидать. Мысленно я готовилась к тысяче различных вариантов, но догадывалась, что в любом случае ему удастся меня удивить.

И у него это получилось, как всегда.

Он открыл мне дверь, появившись на пороге с тем самым решительным выражением на лице, которое не оставляет выбора. Ни о чем не спрашивая, притянул меня к себе для поцелуя, потом взял мою руку и повел по лестнице и коридору до этого зала. Остановившись в центре, начал раздевать меня. Мое сердце молотком стучало в грудной клетке, я думала, что сейчас мы займемся любовью, желала этого всей своей сущностью. Мне хотелось, чтобы он обнял меня, прикрывая собственным телом мою наготу, которая заставляет меня чувствовать себя такой несуразной и взволнованной.

Вместо этого он произносит: «Повернись». Я повинуюсь. Он завязывает мне глаза, прежде чем я начинаю что-то понимать, затягивая на моем затылке узел черного платка, который был у него в кармане брюк.

– Сегодня, Элена, нам не нужно твое зрение. Я научу тебя видеть по-другому.

Он усаживает меня на стул, привязывает запястья к подлокотникам... непонятно чем (это вполне могут быть декоративные кисти от великолепных парчовых штор этого зала), потом щиколотки привязывает к ножкам стула.

– Что ты задумал? – спрашиваю надломленным голосом.

– Тс-с... сейчас не время для вопросов, – отвечает он шелестящим голосом. А потом накрывает меня грубой тканью, из тех, что используют художники, чтобы накрывать свои картины, будто я – его произведение. На

виду остаются только лицо и грудь.

Он накрывает меня грубой тканью, из тех, что используют художники, чтобы накрывать свои картины, будто я – его произведение.

Леонардо гладит меня по щеке, а потом я слышу, как он уходит.

* * *

Я здесь уже больше часа. По крайней мере, мне кажется, что прошел как минимум час, потому что я слышала колокола Сан-Барнабы.

Поначалу мои мысли вышли из-под контроля, и я чувствовала себя потерянной. Была в панике, полностью сбита с толку. Мне казалось, что это просто бессмысленная пытка. Сто раз я прокляла себя за то, что позволила себе попасть в эту ситуацию и заключила это дьявольское соглашение. Моим единственным желанием было освободиться и сбежать.

Потом пришло понимание.

Запах этой комнаты постепенно проник в меня, неуловимый и настойчивый: старинное дерево, пыль, влажность. Бархат обивки начал щекотать мне спину, из окон донеслось дуновение легкого ветерка – мелкая дрожь пронизала мою спину, кончики сосков напряглись и затвердели. В тишине постепенно стали различимы другие звуки: голоса с Гранд-канала, далекое бормотание вапоретто, капля, упавшая неизвестно где, мое дыхание (оно стало чуть ли не оглушающим).

Леонардо завязал мне глаза, потому что мое зрение всепоглощающе, оно жадно изучает все вокруг, не оставляя шанса остальным органам чувств. Мои глаза каждый день подвергаются бесконечным стимулам: работа, хобби, город, в котором я живу. Вот уже 29 лет я поглощаю, как наркотик, красоту Венеции, пожираю взглядом мрамор, фрески, гранит и краски. Я осваиваю мир только с помощью глаз. А теперь они покрыты темнотой, усыплены, приглушены. Мне хватало только одного этого способа познания вещей, я была счастлива и действовала наверняка. До встречи с ним.

Вот уже 29 лет я поглощаю, как наркотик, красоту Венеции, пожираю взглядом мрамор, фрески, гранит и краски. Я осваиваю мир только с помощью глаз.

Солнечный луч пробивается сквозь ставни и награждает теплом правую руку, которая уже немного окоченела. Я не вижу его, но чувствую. Я начинаю понемногу познавать мир *без помощи зрения*, постепенно проявляется настоящая Елена – та самая, которую Леонардо хочет высвободить.

Теперь запястья и щиколотки начинают побаливать. Кровь с трудом доходит до конечностей.

Слеза скатывается из-под повязки и достигает губ – горячая и соленая, – и в этот момент я слышу легкий шорох. Чувствую чье-то присутствие в комнате.

– Леонардо, это ты? – начинаю вертеться на стуле.

Слышу его приближающиеся шаги. Как долго он был здесь? Как давно наблюдает за мной? Теперь он стоит передо мной, я чувствую его – до меня доходит тепло его тела и тот самый неповторимый запах амбры.

– Леонардо, освободи меня... прошу тебя...

Он не отвечает. Приподнимает угол покрывающей меня ткани и стягивает его с уничтожающей меня медлительностью. Теперь я обнажена, полностью на виду и бессильна. На мгновения, которые кажутся мне вечностью, чувствую, как его глаза осматривают каждый уголок моего тела. Это бесстыдный, колющий взгляд, который вызывает разряды у меня под кожей. Он ранит и в то же время возбуждает меня.

Его голос звучит совсем рядом:

– Я смотрю на тебя, Елена, повсюду.

Я хочу ответить ему, что мне нравится, когда на меня так смотрят, что я не знала этого, а теперь поняла, но лишь сглатываю комок в горле и не могу говорить.

Похоже, что он опустился на колени передо мной, руки положил на мои бедра. Чувствую его горячие, влажные губы на своих. Потом они спускаются ниже по шее. Ощущаю его щетину на щеках, груди, животе. Она касается меня, щекочет, колетса и терзает. Сережка в его ухе царапает мое плечо. Потом его губы вновь накрывают мои, язык с силой продвигается вперед, раздвигая проход между зубов и врываясь в мой рот.

Бурная волна сотрясает низ моего живота и стекает вниз, вязкая и всепоглощающая. Я хочу почувствовать все его тело, обнять его руками за плечи, но пока что я в состоянии только сжимать и разжимать их в бессилии.

– Расслабься, Елена, – Леонардо обдувает мне лицо, – сегодня только я могу пользоваться руками.

Хотя и не могу себя видеть, но уверена, что мой взгляд затуманен,

полон желаний. На его лице проблескивает та самая загадочная, жесткая улыбка. Пальцами он легко пробегается по моему лицу, останавливаясь на подбородке. Потом берется за волосы, освобождая отдельные пряди из-под повязки. Его язык в моем ухе, кровь бурлит в венах.

– Хотя ты и не можешь видеть меня, – его голос – чистый бархат, он звучит вокруг меня, внутри меня. – Я знаю, что ты можешь чувствовать меня. – Леонардо прячется в ямке моей шеи, вдыхает мой запах. – Ты должна просто доверять своим чувствам, Елена.

– Я знаю, что ты можешь чувствовать меня. Ты должна просто доверять своим чувствам, Елена.

Потом что-то прохладное, живое задевает меня, спускается в изнеможении вдоль шеи до горла, потом до груди, останавливаясь на сосках. Это что-то неожиданное, мокрое, его руки управляют им. Он проводит этим вдоль моих бедер, между ног, затем снова вверх, и опять опускает мне на губы.

– Оближи, – приказывает он дьявольским голосом, – медленно...

Складываю губы трубочкой и делаю то, что он мне велел. Я никогда не пробовала апельсин таким образом. Его кислый вкус греха смешивается с моим.

Леонардо пьет его сок с моих губ, следуя за сладким следом до низа живота. Чувствую, как его руки не позволяют моим ногам закрыться в инстинктивном порыве, я хочу отодвинуться, чтобы избежать этой сладкой муки, но не могу.

Средним пальцем он пробирается между малых половых губ, а указательным и большим отделяет их от больших губ. Погружает средний палец внутрь меня, потом подносит его к моему рту и заставляет сосать. Я изнемогаю от желания.

Он развязывает узел на одной щиколотке. Я приподнимаю ногу к его бедру, чтобы открыться навстречу тому, что будет дальше, но Леонардо внезапно отодвигается.

Чувствую каплю холодной жидкости, упавшую на мое колено и стекающую вниз по ноге. Потом та же самая густая капля на губах, размазанная пальцем Леонардо. Вкус алкоголя и лакрицы.

– Ты же знаешь, что я не пью, – шепчу с трудом.

– Не думаю, что это убьет тебя, – шепчет он в ответ хриплым от желания голосом.

Дает мне выпить еще, прямо из бутылки. Сильный, жесткий вкус, к

которому я не привычна. Я отодвигаюсь с гримасой, отдельные капли жидкости стекают по подбородку и шее. Леонардо смеется и собирает их губами, провоцируя меня.

– Елена, – произносит с присвистом мне на ухо, – ты не безгрешный ангел. Думай только об удовольствии в этот момент, – и говоря это, он запускает руку мне между ног, заставляя меня вздрогнуть. Он тоже отпивает, потом притягивает меня за затылок и передает мне напиток. Ликер, как убийца, спускается в горло. Он приятный и вместе с тем горький. Сначала освежает, постепенно становясь огнем.

– Тебе нравится, правда? Я знаю...

Проникает в меня языком, поворачивая им вместе с моим. Потом берет мою голову и опускает ее куда-то вниз. У меня в глазах выются белые мухи. Все вокруг крутится. Я чувствую себя ошеломленной.

– Оближи меня, – его приказ нежен и полон обещания.

Я в нерешительности – что-то среднее между обычным страхом и желанием этого момента. Касаюсь кончиком языка, легко, словно чего-то опасного. Пробую на вкус его непреодолимое желание. Он твердый, с натянутой кожей, растет, пульсируя.

Всего несколько секунд. Потом он кладет мне ладонь на лоб, отдаляя мое лицо от своего нетерпеливого органа, решительным жестом освобождая мою вторую ногу.

Его пальцы быстро пробегают по моим ногам, нажимая и массируя, стараясь вернуть их к жизни. Мои руки, без предупреждения, падают с подлокотников кресла, Леонардо развязал все путы, я свободна. Свободна трогать его, свободна делать все, что хочу. Поднимаю руку к повязке на глазах, но он останавливает меня.

– Нет, она останется! – это приказ. Он затягивает узел, чтобы крепче держался на затылке.

– Пожалуйста... – молю я.

– Нет, Елена, не стоит, – шепчет, покрывая влажными, горячими поцелуями мои глаза под повязкой.

Потом, взяв меня за бедра, приподнимает и берет на руки. Прижимает к стене, все сильнее. Чувствую, как его ладони утопают в моих ягодицах. Его член проскальзывает в меня и завоевывает себе дорогу уверенными толчками, не торопясь.

Чувствую его дыхание в ухо.

– Ты еще не знаешь себя, но сумеешь познать, не отдавая себе отчета в этом, – его голос вибрирует от желания.

Мое дыхание выравнивается в такт его дыханию. И желание, как

огонь, разжигает наши потные тела.

Под конец он опускает меня на пол, на ту самую ткань, которая покрывала меня ранее, и ложится сверху, глубоко утопая во мне. Я позволяю проникнуть в себя, на этот раз проникновение глубже. Вырываются стоны, все более затрудненные. Вздохи. Объятия. Царапины. И потом снова вздохи, легкое головокружение. Действительность отходит на второй план, распадается на мелкие осколки под толчками его плоти, его желаний. Леонардо ищет удовольствие внутри меня и находит его. Оргазм наступает неожиданно, и я сжимаю мышцы, чтобы сдержать его, но он взрывается, мощный и неотвратимый, захватывая меня полностью – от кончиков пальцев ног до макушки головы. Я вцепляюсь ногтями в его спину, падая в этот водоворот. Слышу свои стоны. Я полностью потеряла контроль, сама не своя, я уже не та Елена, которую я всегда знала, а просто бессильная наблюдательница самой себя.

Леонардо выходит из моего лона, орошая собой мою грудь, потом падает бессильно рядом со мной, тяжело дыша.

Кусок масла – вот чем я чувствую себя в этот момент. Вязкая опустошенность приковывает меня к полу. У меня нет никакого желания двигаться. Дрожь все еще пронизывает мою спину.

Его рука мягким движением смахивает повязку с глаз. Медленно моргаю в смутном послеполуденном свете. Вначале почти ничего не вижу, но постепенно зрачки привыкают и расширяются. Эта комната сейчас кажется мне не такой, как обычно: словно она мне снится, словно я и не была здесь никогда. Окна с выходом на Гранд-канал, люстры из муранского стекла, бархат стульев, статуи двух арапов по углам камина – ничто не выглядит таким, как раньше. Запах пыли смешивается с ароматом секса.

Мой взгляд встречается со взглядом Леонардо, он улыбается мне с видом человека, который долго искал и наконец нашел то, что ищет.

– Ну вот, – говорит успокаивающим, мягким голосом, вытирая мою грудь краем ткани, – теперь ты еще красивее.

У меня нет сил разговаривать. Я улыбаюсь, проводя рукой по его волосам, а он опускается, наполняя мой пупок нежным поцелуем.

– Ну что, это было так ужасно – ничего не видеть и позволить посмотреть на себя? – спрашивает он, прикладывая губами к моему плечу.

– Это было потрясающе, – произношу еле слышным голосом. Я боюсь нарушить это очарование.

– Вся твоя необходимость в контроле, Елена, – это просто иллюзия. Только полностью отдаваясь своей сущности, ты становишься той, какая ты

есть на самом деле. – Он гладит мой лоб, потом поправляет прядь волос. – То, что мы сделали сегодня, было лишь началом, – он улыбается, потом похлопывает меня по плечу. – Теперь повернись, я сделаю тебе массаж.

– Вся твоя необходимость в контроле, Елена, – это просто иллюзия. Только полностью отдаваясь своей сущности, ты становишься той, какая ты есть на самом деле.

Повинуюсь. Тело все еще ноет. Он встает на колени надо мной, его руки движутся свободно по моей обнаженной спине. Чувствую, как мышцы оживают.

Я не представляю, который сейчас час, я больше не считала звон колоколов. Понимаю только, что мне пора домой. Я знаю, что, проходя по этим узким, наполненным людьми переулкам, я буду чувствовать запах Леонардо. Он не оставит меня до двери дома, пока я буду подниматься по лестнице легким шагом, возносимая мыслями и чувствами. Этот запах останется со мной до конца дня, и ничто не смоет его.

– Елена, ты где? – Он щиплет меня за плечо, как бы пытаюсь выдернуть из водоворота мыслей, в который я окунулась.

– Я здесь, но скоро мне нужно уходить.

Скоро... Останусь еще чуть-чуть. Потому что сейчас мне хорошо там, где я есть, в этом квадрате света, затопляющем пол, мое нагое тело – он и ничего больше.

Глава 10

Я не вижу Леонардо уже несколько дней. Внезапно он пропал, не сообщив ничего и не позвонив. И я слоняюсь без дела со странным чувством, будто мне что-то ампутировали. Со дня заключения нашего договора, если это можно так назвать, прошло не много времени, но Леонардо уже стал для меня чем-то необходимым. У меня появилась настоящая зависимость, которой я никогда прежде не ощущала. Я жду нашей следующей встречи, словно мы не виделись несколько месяцев: я принадлежу ему и хочу принадлежать еще больше. Никто раньше не вызывал у меня таких глубоких, невероятных чувств.

В палатку его нет. Я заглянула в комнату Леонардо (веду себя как маньячка, мне это совсем не свойственно), там обычный беспорядок, смятая постель и, как всегда, разбросанные по ковру рубашки. Я попыталась позвонить ему на мобильный, но меня встретил холодный голос автоответчика, посоветовавший перезвонить позже. Я так и сделала, но снова никто не ответил. Леонардо исчез в никуда, и его молчание переполняет меня вопросами.

И основной из этих вопросов: а если он уже устал от меня? Мне в голову приходят самые абсурдные мысли. Иногда я представляю его на больничной койке, под капельницей, а потом, через минуту, – в шикарном номере отеля, получающим удовольствие в объятиях другой. Возможно, он бросил меня ради фигуристой скрипачки: это наиболее вероятная гипотеза.

Работа не помогает мне отвлечься: рука дрожит, глазам не удается сконцентрироваться, а в мыслях рождается тысяча догадок. Иногда я спрашиваю себя – смогу ли я когда-нибудь снова быть такой счастливой, как была там, соприкасаясь с его обнаженной кожей? Но более всего меня беспокоит мысль: думает ли Леонардо в эти дни обо мне так, как я думаю о нем. Это как наваждение.

* * *

Я возвращаюсь на вапоретто с острова Сан-Серволо [\[27\]](#). Чтобы не сойти с ума от разных мыслей, я поехала посмотреть на выставку знаменитого норвежского фоторепортера. Не знаю, стоило ли это делать? Конечно, иранские пейзажи зачаровывают глаз... Но будучи там,

передвигаясь в одиночестве по заполненным людьми залам, я не могла не думать о Филиппо. Обычно на выставки я ходила с ним, и это было потрясающее ощущение: делиться мнением обо всем и понимать друг друга с полуслова. Иногда Филиппо часами стоял, облокотившись на стену, с записной книжкой и ручкой в руках, копируя авторские ремарки, делая наброски, записывая замечания. Порой я теряла терпение и, отобрав у него любимую записную книжку, вытаскивала Филиппо наружу. При этом мы смеялись как сумасшедшие.

Но если бы Филиппо был здесь сейчас, все бы очень усложнилось.

Легкий туман находит на воды Лагуны, и день в молчании тонет за горизонтом. Я люблю закат с вапоретто, и мне кажется, что я двигаюсь по нему вместе с солнцем. В этот час в воздухе Венеции всегда разлита странная ностальгия.

Схожу на остановке Сан-Закария, сталкиваясь с людьми на причале. На пристани вапоретто обычно все люди и их мысли кажутся особенно близкими, стекающимися в одной точке.

Я люблю закат с вапо-ретто, и мне кажется, что я двигаюсь по нему вместе с солнцем. В этот час в воздухе Венеции всегда разлита странная ностальгия.

Я решила заехать проведать моих родителей, заодно воспользуюсь возможностью съесть хоть один нормальный ужин за всю неделю. Несколько дней у меня не было аппетита, теперь начинаю чувствовать голод, но пока я не в том настроении, чтобы выдержать поход в супермаркет. Если сейчас зайду в магазин, то рискую набить тележку шоколадным печеньем, а потом буду раскаиваться – после того, как оплачу печенье и съем целую упаковку по дороге домой.

Иду быстрым шагом под сводами кафе «Флориан» [\[28\]](#), вдали от толпы, оставляя площадь Сан-Марко туристам и их фотографиям. Бросая вызов холодному ветру, который режет лицо, дохожу до площади Санта-Мария-дель-Джиглио и нажимаю звонок с надписью «Семья Вольпе». Отвечает мама, и по голосу слышно, как она счастлива. Она не ожидала моего визита.

Поднимаюсь по лестнице, и меня обволакивает запах свежее испеченного штруделя. Моя мама замечательно готовит. (Если бы она иногда не кормила меня, вполне возможно, что в эти годы строгого вегетарианского режима я бы умерла от голода.)

Снимаю куртку и, отломив кусочек штруделя, плюхаюсь на диван.

Включаю радио. (Здесь позволительно только это: никакого телевизора до девяти вечера! В доме Вольпе это правило всегда строго выполнялось. Вот почему я выросла без мультиков, под музыку альбомов Мины ^[29]и Баттисти ^[30].)

Мама накрывает полотенцем тесто для ньокки ^[31]с тыквой (еще одно ее фирменное блюдо) и из кухни идет ко мне, начиная закидывать вопросами об открытии ресторана Брандолини. Я не видела ее с тех пор и была уверена, что она подробно расспросит меня о событии месяца. Рассказываю ей все в общих чертах, естественно, не упоминая Леонардо, но маме этого мало. Она хочет знать все о том, кто там был и кого не было, требуя мельчайших де-талей.

– Я прочитала в газете, что там был знаменитый шеф-повар, – настойчиво теревит она меня.

– Ну да, мама, это тот тип, который живет в палаццо, где я реставрирую фреску, – я стараюсь быть невозмутимой, но уже чувствую, как щеки загораются огнем. Если бы она знала, чем занимается ее девочка с этим знаменитым поваром... Поправляю шарф, который не сняла, чтобы прикрыть недвусмысленный знак, который Леонардо оставил мне на шее.

– Ну и какой он? – продолжает она своим инквизиторским тоном.

– Да я всего пару раз с ним столкнулась, – опускаю взгляд на ковер, – похоже, он неплохо готовит.

– А что там подавали?

– Много всяких маленьких закусок, суперутонченные вещи. Но все это не идет ни в какое сравнение с тем, что готовишь мне ты, мама, – успокаиваю ее с хитрой улыбкой.

Ликуя, она поправляет волосы, которые красит уже более двадцати лет все тем же оттенком медного каштана. Каждый раз, когда кто-то хвалит ее готовку, мама впадает в экстаз.

– А ты разве шарф не снимешь?

Ну вот, так и знала. От ее взгляда ничего не скроется.

– Да мне просто шею продуло, а он согревает, – отвечаю, изображая страдающее выражение лица.

– Дорогая, надо лучше одеваться при такой влажности!

– Возможно, в этом виновата фреска. Я слишком долго находилась в неудобном положении на стремянке (я не могу даже обсуждать эту легенду про больную шею: сразу вспоминаю о том, как прижималась к Леонардо).

– Ну конечно, если ты перетрудила мышцы, понятно, почему они у тебя болят, – говорит мама с уверенностью.

Ох, мама, пожалуйста, не продолжай! Ты не знаешь (и не желала бы знать), какие именно мышцы перенапрягла твоя дочь. Пытаюсь сменить тему.

– А папа где?

– Он пошел в скобяной магазин.

– А зачем?

– Да не знаю, – мама качает головой с безутешным видом, – с тех пор, как он ушел на пенсию, занялся самоделками.

– Отлично! Попрошу его сделать мне новый стеллаж для книг, а то на моем больше нет свободного уголка.

– Он будет счастлив: похоже, ему очень нравится работать с его новыми инструментами.

В этот момент у меня в сумке звонит телефон. Смотрю на экран. Там мигает номер, начинающийся на «041» – код Венеции. Кто может мне звонить с домашнего номера, которого нет в памяти моего телефона? Наверное, это зубной врач хочет мне напомнить о записи на завтра.

– Алло, – отвечаю рассеянным тоном.

– Привет, это я! – мощный голос доносится с другого конца. *Его* голос.

Бросаю успокаивающий взгляд на маму, как бы говоря «все хорошо, звонок с работы», и ускользаю в свою старую комнатку. В висках стучит кровь.

– Леонардо...

Прислоняюсь к батарее и выглядываю из окна. На мгновение мне кажется, что время остановилось и вода в канале внизу перестала течь. Прикладываю лоб к холодному стеклу.

– Куда ты пропал? Я пыталась дозвониться до тебя много раз.

– Я знаю, – отвечает он.

– Я думала, что ты не хочешь меня видеть, – добавляю неуверенным голосом.

– Да нет, не забегай вперед... Я был на Сицилии, – продолжает он умиротворенным тоном, – у меня было срочное дело, и мне пришлось уехать, не предупредив. Вот и все.

– Мог бы и позвонить, – настаиваю я с ноткой неодобрения.

Он задерживает дыхание.

– Елена, не жди от меня звонков и вообще всей этой жениховской рутины. Я хочу быть свободным, поэтому не ищу отношений.

– Елена, не жди от меня звонков и вообще всей этой жениховской рутины. Я хочу быть свободным, поэтому не ищу

отношений.

Вот, значит, как все обстоит, намного проще, чем я себе представляла. Ведь он мог придумать любое оправдание, но вместо этого предпочел сказать мне прямо, как есть: он не проявился просто потому, что не хотел. И я должна согласиться с этим или уйти.

– Я в ресторане, – продолжает он. – Вернулся час назад, и ты первая, кому я звоню.

– И что ты хочешь мне сказать? – сухо спрашиваю, моя гордость уязвлена.

– Приходи сюда, я жду тебя в полночь, после закрытия.

– Зачем? – переключив телефон в другую руку, вытирая потную ладонь о штанину. Начинаю волноваться.

– Затем, что я хочу тебя видеть, – мне кажется, что его забавляет моя неприветливость, – жду тебя в вечернем платье и очень голодную. Поужинаем вместе.

Он уже заранее уверен, что я соглашусь. Как обычно, мне бы хотелось ответить ему «нет». Просто чтобы показать, кто здесь командует, и отомстить за то, что он меня бросил таким образом. Но обманывать себя бесполезно: я тоже очень хочу увидеть его.

– Хорошо. Увидимся позже, – говорю я. (Черт с ней, с этой гордостью!)

– До встречи!

Звонок прерывается. Я так сильно сжимаю телефон, что пальцам больно. Я рада, что он вернулся, только этого и ждала, но чувствую себя все более неуверенной во власти его темных планов. Интересно, что там у него было за срочное дело на Сицилии, что он так сорвался? Внезапно мне хочется плакать. Я ничего не знаю о Леонардо: о его прошлом и о том, чем он занят, когда не со мной. И хотя мне знаком каждый сантиметр его тела, его внутренний мир остается для меня загадкой.

Мне нужно некоторое время, чтобы прийти в себя, перед тем как вернуться обратно к маме. Захожу в ванную, чтобы проверить, в каком состоянии мое лицо. Огонь внутри меня поднялся в голову, мокрая волна пробралась между ног. Одна только мысль о нем вызывает у меня телесную реакцию, я хочу его до сумасшествия.

Когда я возвращаюсь в большую комнату, мама, нагнувшись над мраморной столешницей кухни, переворачивает вилкой ньокки: ее мастерство каждый раз оставляет меня без слов.

– Кто звонил? – спрашивает, продолжая отрезать кусочки теста.

Задумываюсь на минутку и уже готова врать.

– Это Гайя.

– Как у нее дела? Давно ее не видела...

Готовлюсь к очередному допросу. Память возвращается к годам лица, когда я приходила домой уставшая после долгого учебного дня, а она начинала расспрашивать меня об оценках, которые получили мои школьные друзья, или о том, что обсуждалось на лекции по итальянскому. А если у меня не было настроения, мама сама заполняла минуты молчания, рассказывая мне о недугах своих подруг, какой ей попался противный служащий на почте или о том, как ей встретилась в лавке зеленщика моя учительница начальных классов. Мама с тех пор совсем не изменилась.

– У Гайи все хорошо, она всегда очень занята, – я подхожу к вешалке и беру куртку. – Мама, извини, но я не могу остаться на ужин.

– Это еще почему? Ты что, вот так и убежишь? – она неодобрительно хмурится и укоризненно смотрит на меня. – Я даже фруктовый салат приготовила, тебе обязательно нужно поесть фруктов! – Потом оглядывает меня с подозрением. – Елена, ты такая бледная. У тебя все хорошо?

Бледная? Мне только что казалось, что я горю. Черт! А вдруг она что-то поняла? Учась в лицее, я никогда не рассказывала ей, кто из парней мне нравится, иначе она бы замучила меня вопросами. И сейчас не скажу ни слова, мой рот на эту тему под замком. Мне почти тридцать лет, и я хочу, чтобы мои родители уважали меня и мой образ в их глазах оставался бы всегда чистым. Моя мама, женщина, которая нашла суть жизни в рецепте штруделя и вышитых салфетках, никогда бы не смогла понять отношений между мной и Леонардо. На самом деле я тоже их пока не понимаю.

– Да все хорошо, мам, наверное, это все из-за больной шеи.

Моя мама, женщина, которая нашла суть жизни в рецепте штруделя и вышитых салфетках, никогда бы не смогла понять отношений между мной и Леонардо.

Мама расправляет юбку и смотрит вниз. Она расстроилась. Сначала подаю ей надежду, а потом говорю, что не могу остаться на ужин. Быть единственным ребенком – это ответственно. У меня нет братьев и сестер, которые могли бы прийти на замену, когда я уйду.

– Да ладно. Не обижайся, – приближаюсь и целую ее в щеку. – Гайя настаивала, ты же знаешь, какая она. Ей нужно рассказать мне что-то важное.

– Ну и что там может быть такого важного?

Ну вот опять... Может, почувствовала, что дело не только в Гайе, и

хочет проверить, не сдамся ли я.

– Не знаю, мама, но мне показалось, что это срочно... Все, убегаю.

– Ладно, будь молодцом, – в конце концов она смиряется, но, прежде чем отпустить, дает мне коробочку с ньокки из тыквы. – Положи в холодильник, их хватит до завтра. И ешь!

* * *

Я могла бы остаться на ужин дома у родителей и пойти к Леонардо позже, но мне совсем не по душе идея о стремительном переходе от домашнего очага в объятия моего Пигмалиона. Но и о том, чтобы остаться одной дома, тоже речи быть не может – я буду изнемогать в ожидании. Поэтому я позвонила Гайе и пригласила ее поужинать вместе. Она сразу же согласилась. Когда мы виделись в последний раз, ее роман с Якопо был в полном разгаре, но думаю, что уже появились интересные новости и она горит желанием мне их рассказать.

На мне черное белье, которое я купила несколько дней назад в магазинчике в центре, чулки и кружевное платье, тоже черное, оно висело в шкафу, и я его еще ни разу не надела. Мне подарила его Гайя, уже не помню в связи с чем, я всегда считала это платье чересчур коротким и декольтированным.

Сегодня вечером я одеваюсь с мыслью о том, что потом меня разденет Леонардо, и это заставляет меня осмелеть.

Мы встречаемся с Гаей в «Алле Окке» – пиццерии в районе Заттере. На входе стоит очередь, поэтому предлагаю пойти в ресторан неподалеку. Я не хотела бы опаздывать на встречу с Леонардо, но Гайя настаивает: она умирает от желания поесть пиццы и клянется, что закатит истерику, если в ближайшее время ситуация не изменится. Это, конечно же, меня успокаивает. Я наблюдаю за ней: сегодня вечером она выглядит еще более сияющей, черты лица разглажены, волосы – в безупречной прическе, на мочках ушей – пара броских сережек из жемчуга и платины.

– У меня что-то с лицом? – спрашивает она, похлопывая себя по щекам.

– Я просто рассматривала твои серьги, очень красивые...

– Правда? Мне их подарил Якопо, – говорит, ослепительно улыбаясь.

– Похоже, Брандолини никогда не ошибается, а?

Гайя улыбается. Сразу видно, что она не могла дождаться, когда я затрону эту тему.

– Он пригласил меня на курорт на Тосканских холмах, и мы провели потрясающие выходные. Я познакомилась с кучей людей, думала, что они снобы. А на самом деле...

Она начинает рассказывать, чтобы заполнить скуку ожидания, потом спрашивает, как прошли мои выходные.

– Отлично, – говорю, – я работала. Полностью сконцентрировалась на фреске.

– А Леонардо ты встречала после того раза? – спрашивает рассеянно она, пока нас провожают к столу на верхнем этаже. – Я его не видела с вечера открытия. Надо будет зайти как-нибудь в его ресторан.

Сердце ухает в груди: «Конечно, надо бы». Стараюсь держать себя в руках, но чуть не спотыкаюсь на лестнице.

Доходим до стола, и, когда я снимаю плащ, на лице Гайи появляется удивленное выражение.

– Наконец-то я вижу тебя в этом платье! – восклицает она и разглядывает меня с удовлетворенным видом в освещении ресторана, заставляя поворачиваться кругом. – И покрашена хорошо. Молодец, хоть иногда меня слушаешь: вся эта фигня про натуральный вид умерла в конце семидесятых, вместе с феминистками.

– Я всегда прислушиваюсь к твоим советам, – возражаю я, смеясь.

– Ну конечно, – она обмакивает сельдерей в соус. – Цепочка тоже красивая. Немного яркая, но прекрасно подходит.

Жаль, что она не знает, что скрывается под одеждой. В любом случае то, что я понравилась Гайе, усиливает мои надежды понравиться Леонардо.

К нашему столу подходит официант, чтобы принять заказ. Гайя заказывает пиццу с руколой и брезаолой ^[32], я – только салат. Леонардо просил меня прийти голодной, не хочу испортить себе аппетит.

Гайя смотрит на меня с удивлением.

– Ты что, ничего не закажешь? – говорит она. – Позволишь мне обжираться углеводами в одиночестве?

Стараюсь успокоить ее:

– Я же тебе сказала, что поужинала дома с родителями. Ты же знаешь, какие штрудели у моей мамы...

– Ах, штрудель Бетты... Ну ладно, на сегодняшний вечер тебя прощаю.

Говоря со мной, она смотрит на официанта, который все еще рядом с нами, и не могу отрицать, он действительно красавец. Он улыбается, а она улыбается в ответ. Кокетка.

– Пожалуйста, обратите внимание, пицца должна быть пропечена как

следует, – она сдвигает набок волосы.

Официант подмигивает и уходит. Гайя не спускает взгляда с его задницы, обтянутой черными узкими брюками.

– Он слишком молод для тебя, – говорю ей, не беспокоясь о том, что он на расстоянии вытянутой руки и может услышать.

– Что? – отвечает она с невинным видом. – Ой, да ладно, я совсем не флиртвала. ...Но только потому, что он гей. Понятно?

Начинаем хихикать. Несмотря на роман с Брандолини, Гайя осталась неисправимой роковой женщиной. Это я изменилась: я всегда рассказывала ей о своей личной жизни, но поведать о Леонардо мне духу не хватает. Пришлось бы объяснить ей, что у нас не просто роман, что между нами – некая сделка, эротическая игра, где только он вправе выбирать ход, а мне остается лишь подчиняться. Нет, думаю, Гайя этого не одобрила бы. Наоборот, она, возможно, испугалась бы за меня и посоветовала немедленно прекратить все это. Но я сама не хочу, чтобы это закончилось, только не сейчас...

У нас не просто роман, между нами – некая сделка, эротическая игра, где только он вправе выбирать ход, а мне остается лишь подчиняться.

– Слушай, расскажи мне о Филиппо, – говорит вдруг она, вытирая кончики губ салфеткой. – Когда вы общались в последний раз?

– Давно, по скайпу. Он очень занят по работе.

– Боже, вы были бы прекрасной парой уже потому, что вы оба трудоголики, – поднимает руки к небу, потом наклоняется ко мне с серьезным видом. – Эле, я тебе уже говорила, ты должна решиться на что-то большее с ним.

– Не знаю, – неуверенно говорю я. Филиппо в этот момент кажется мне таким далеким.

Гайя морщится:

– Ну почему ты всегда такая сдержанная? Расслабься и хотя бы раз в жизни прислушайся к своим эмоциям.

– Я же тебе говорила, меня пугает расстояние между нами, – отвечаю я.

«И это помимо того, что занимаюсь сексом с другим», – думаю про себя.

– Так поезжай навестить его! Или вы можете заняться кое-чем по скайпу, – продолжает она заигрывающим тоном.

– Да прекрати! Филиппо совсем не такой...

– Боже мой, Эле, проснись! Он же мужик... Не думаю, что он отличается от других.

– Все, прекрати! – я прячусь за салфетку. И в этот самый момент вспоминаю свое отражение в зеркале, в экстазе в объятиях Леонардо.

К счастью, приносят наш заказ. Пробую салат и понимаю, что мне будет сложно его доесть. Совсем нет аппетита, и это блюдо мне кажется абсолютно безвкусным. У меня в мыслях только запах и вкус Леонардо, что-то напоминающее амбру, море и далекие края. Задаюсь вопросом о том, что ожидает меня в продолжение вечера, во время нашей встречи, но отгоняю от себя эту мысль.

Чтобы отвлечься, стараюсь разговорить Гайю.

– И что, похоже, Якопо действительно тебе нравится. Слушай, а велосипедист на какое место перешел в твоей классификации?

Неожиданно она меняется в лице, даже не думала, что задену чувствительную струну.

– Пока что, к сожалению, мне не удалось забыть Белотти, – вздыхает Гайя, – знаю, что сейчас он на сборах с командой, но рано или поздно он мне перезвонит, вот увидишь!

Я удивлена. Даже не подозревала, что ее чувства к этому типу настолько сильны.

– Ну и что ты тогда сделаешь? В два счета расстанешься с Брандолини?

– Не знаю, возможно, я способна даже на это, чтобы быть с ним, – делает знак официанту подать счет, расписываясь воображаемой ручкой в воздухе, – а пока что держусь за Якопо.

– И правильно, – комментирую. – Между графом и велосипедистом я выбираю графа.

– Пошли выпьем чего-нибудь в «Скайлайн»? – предлагает, возвращаясь к своей обычной беззаботности.

Я выдаю заготовленную заранее реплику.

– Не могу, завтра рано вставать на работу, – говорю ей притворно сонным голосом и даже показательно зеваю.

– Я бы поспорила на мои «маноло бланик» [\[33\]](#), что ты именно это скажешь!

Хорошо. Значит, мое притворство было убедительным.

– Но пообещай мне, что как только придешь домой – включишь компьютер и позвонишь Филиппо по скайпу.

– Ладно. Если он еще не спит...

Мы прощаемся на углу моста. Обнимаю Гайю и благодарю за вечер. Прохожу несколько шагов в направлении моего дома, но, как только она пропадает из вида, сворачиваю на вторую улочку направо и бегу в направлении искушения, которому не могу больше противиться.

* * *

Вдоль Гранд-канала добираюсь до площади Сан-Паоло, лишь в некоторых из окружающих ее палаццо еще горит свет, остальные уже погрузились в полутьму.

Темнота кажется еще насыщенной благодаря тому самому легкому туману – предвестнику зимы: он сглаживает острые углы и затемняет цвета. Мне холодно, руки заледенели, но внутри меня бушует огонь. Я сняла цепочку и шарф, которому больше нет смысла оставаться у меня на шее. Теперь я хочу принадлежать Леонардо каждым сантиметром кожи.

Ресторан закрыт. Звоню Леонардо по мобильному. Не отвечает, но я сразу же вижу его тень на веранде у входа. Открывает дверь и появляется на пороге со своим обычным помятым видом – видом человека, который не слишком доверяет окружающему миру и надеется в основном на собственные силы. Он затаскивает меня внутрь, взяв за талию, и награждает глубоким поцелуем в губы.

– Добро пожаловать!

Льну к его спине, как к надежной скале. Он истомил меня, уехал, не оставив следа, но теперь он здесь, в моих объятиях, и я уже обо всем забыла.

Уверенными шагами Леонардо ведет меня среди столов в зале в свое царство – на кухню. Это место вызывает во мне легкое чувство страха, такое чистое и аскетичное, погруженное в полутьму: кто знает, какой ад здесь творится в то время, когда гости удобно расселись в зале, ожидая свой заказ. Это было бы похоже на лабораторию, если бы не накрытый на двоих край барной стойки, выхваченный снопом оранжевого света. Далее, на той же столешнице, расставлено несколько блюд, накрытых серебряными крышками. Приборы, тарелки и бокалы настолько блестящие и утонченные, что кажутся высокотехнологичными инструментами. Действительно, все это больше похоже на подготовку к эксперименту, нежели на ужин.

Это место вызывает во мне легкое чувство страха: кто знает,

какой ад здесь творится в то время, когда гости удобно расселись в зале, ожидая свой заказ.

– Вот это твое место, – Леонардо снимает с меня накидку и усаживает на стул, потом садится сам.

– Мне никогда не приходилось есть на кухне ресторана. Вообще, если подумать, то я даже никогда не бывала на кухне ресторана, – говорю, осматриваясь по сторонам с любопытством.

– Ты бы видела ее днем, полную людей, звуков, движения! Но я предпочитаю ее ночью, когда она пуста и безмолвна.

Окидывает взглядом мое платье.

– Ты очень элегантна, – замечает он с удовлетворением. Взгляд останавливается на шее. – А это что?

– Это осталось от тебя, – инстинктивно прикрываюсь рукой.

Леонардо сдвигает ее и, наклоняясь ко мне, накрывает след от засоса своими мягкими и горячими губами.

– Ты голодная? – спрашивает, предлагая мне аперитив из шампанского с клубникой.

– Немного, – отвечаю, и наши бокалы соприкасаются с легким звоном. На самом деле мой желудок сжался в судороге. Я хочу Леонардо, а не еду. Пригубливаю чуть-чуть и ставлю бокал на столешницу.

– Это ты должна выпить до дна, – укоряет он, мрачно и вместе с тем угрожающе.

– Не могу, у меня уже после второго глотка кружится голова.

– Отлично, придется отнести тебя домой на плечах еще раз.

Улыбается, но по его взгляду понимаю, что не могу отказаться. Задерживаю под языком глоток аперитива, но, как только проглатываю его, желудок скручивается в трубочку, словно сухой лист. Обжигающе, но, должна признать, вкусно.

– Не такая уж это и жертва, правда? – спрашивает он, выпивая в свою очередь.

Киваю и продолжаю отпивать шампанское. Леонардо берет из корзинки кубик льда и проводит по моей шее, потом доходит до округлости груди и проводит языком. По моему телу мгновенно пробегает дрожь, соски затвердевают, взывая к касаниям языка, зубов, которые бы томили их. Но этот момент еще не наступил, мое желание должно подождать. У Леонардо что-то другое на уме.

– Сегодня вечером, Елена, твое желание будет руководствоваться вкусом, – шепчет он. – Я хочу, чтобы ты забыла собственные вкусы и

привычки и попробовала всё, даже блюда, которые тебе не нравятся или не нравились до сегодняшнего дня, – говоря это, он поднимает серебряную крышку с блюда, полного маринованных устриц.

Так вот что у него на уме – он хочет разрушить мои табу за столом. Но на сей раз у него не выйдет.

– Пожалуйста, нет, – умоляю его с полузакрытыми глазами.

Не думаю, что смогу сделать это. В какой то момент моей жизни, еще будучи подростком, я начала воспринимать все то, что прежде жило и двигалось, как несъедобное. В общем, с тех пор для меня съесть мясо любого животного – это как умертвить собственный желудок. Возможно, я слишком сентиментальна, но для меня это действительно так.

– Я уже пробовала устрицы. И уверяю тебя, меня от них тошнит, – говорю я в надежде умиловить его.

Он качает головой, неприклонный.

– Прошлый опыт в данный момент не имеет значения. Позволь своим чувствам оценивать происходящее *здесь сейчас*.

– Прошлый опыт в данный момент не имеет значения.
Позволь своим чувствам оценивать происходящее *здесь и сейчас*.

Леонардо решительно берет одну устрицу и подносит к моим губам. Осторожно беру моллюска зубами и чувствую, как вязкая плоть растворяется между языком и небом. Он кажется еще живым. Вкус не мертвый, как я опасалась, а морской – бесстыдно женский и интригующий. Глотаю с изумлением и только теперь чувствую привкус цукатов.

– Сочетание с цукатами – это мой секрет, – он смотрит на меня, как будто понимает все, что я чувствую, а затем тоже съедает одну. – Ну вот, видишь, ты пережила это. Давай возьми еще одну.

В нерешительности беру еще одну ракушку и на этот раз подцепляю моллюска языком, словно даря распутный поцелуй. Я чувствую себя поглощенной его магнетическим взглядом, но меня это не сдерживает, а только больше возбуждает. Не переставая на меня смотреть, Леонардо берет открытую бутылку «Вальполичеллы» ^[34] и наливает в два высоких бокала.

– Теперь попробуй вот это, – говорит, протягивая один бокал мне.

Пью вязкое темное вино. Оно крепкое, ароматное, разогревает сердце и затем поднимается в голову, внося сумятицу. Пока я соскальзываю в приятное опьянение, Леонардо поднимается, чтобы взять два других блюда. Наблюдаю, как его крупное тело двигается с удивительной ловкостью,

бессмысленная улыбка появляется у меня на губах. Когда он оборачивается, пытаюсь замаскировать ее, опуская подбородок на руку.

– Ты уже опьянела... Но мне ты нравишься и такой. И не пытайся скрыть это, – упрекает он меня с видом родителя, который поймал ребенка, запустившего руку в банку с конфетами. Леонардо ставит тарелки на столешницу и изучает меня. – Ты такая красивая с покрасневшими щеками и блестящими глазами.

Инстинктивно смотрю в отражение на серебряной крышке, покрывающей блюдо, и понимаю, что он прав: мой цвет лица приобрел красноватый оттенок, особенно на скулах, а взгляд светится странным отблеском, похожим на переливы жидкости. Но меня это веселит. Я все еще смотрю на свое отражение, когда Леонардо поднимает крышку: тартар из красного мяса появляется во всей своей вызывающей монструозности. Я застываю в ужасе, потом отшатываюсь, стараясь скрыть гримасу отвращения: запах крови, смешанный со специями, заполняет мои ноздри. Смотрю на Леонардо в растерянности. Он кивает с невозмутимым видом:

– Да, Елена. Ты должна съесть это. Сырым.

Отпиваю глоток вина для храбрости, мне она понадобится, чтобы пройти это испытание. Сглатываю слюну.

– Даже и не пытайся представить, какой у него вкус, – советует мне Леонардо, – просто узнай это, и все!

Он вонзает вилку в тартар и пробует, слегка обмакивает два пальца в соус из имбиря и смазывает мне губы, вытирает, проводя языком мне по губам, через мгновение проникая в мой горячий от желания рот. Вместе с его вкусом чувствую легкий и настойчивый вкус мяса и имбиря.

Леонардо берет вилкой мясо из порции на моей тарелке и подносит к моим губам. Пытаюсь противостоять, но этот жестокий, кровавый вкус уже у меня во рту. Почти рефлекторно жую и проглатываю, но желудок протестует и сжимается в судороге. Быстро запиваю все еще одним глотком вина. Он следит за каждой моей реакцией.

– Ну же, Елена. Попробуй еще раз. Если что-то не нравится тебе в первый раз, не значит, что не понравится во второй. В удовольствии нет ничего инстинктивного или данного от рождения: надо постигать его постепенно, завоевать.

Опускаю взгляд на тарелку, сжимая кулаки. Усилием воли беру еще кусочек. Но теперь пытаюсь распробовать мясо и дышу спокойно. Не знаю, вкусное оно или нет, для меня это запретный, двусмысленный вкус нарушенного табу. Постепенно расхрабрившись, беру еще. И еще. Не могу поверить: я ем мясо после многих лет, в течение которых забыла даже его

запах. Это примитивный, животный поступок. Я совершаю его не только потому, что Леонардо попросил меня об этом, но и потому, что я именно так чувствую себя под его изголодавшимся взглядом: мясо, жертва, инстинкт. И должна признать, мне это нравится. Наш ужин друг напротив друга, глаза в глаза, с вином – это тоже занятие любовью. Как будто мы питаемся друг другом.

Мы покончили с тартаром, и Леонардо уже заправляет маслом и острым перцем салат из фенхеля, апельсинов и черных оливок. Потом мешает руками. Он домогается меня взглядом, а я, не скрываясь, жду, пока он не спеша доберется до меня. Я чувствую себя дерзкой и в то же время беззащитной, нахожусь в состоянии опустошенности и всемогущества одновременно. Это он или вино? Уже не знаю, да это и не важно. Я потеряла контроль и совсем не хочу обрести его снова: что бы ни было у него в мыслях, я хочу, чтобы он воплотил это.

Леонардо кладет мне в тарелку немного салата и, пока я пробую его, придвигается поближе. Огонь острого перца распространяется по горлу, смешиваясь с кислотой апельсина, горчинкой зеленых оливок и свежестью фенхеля.

– Приготовься, Елена, потому что следующим блюдом, которое я съем, – Леонардо дует мне в лицо, – будешь ты!

Его рука проскальзывает под юбку, проходит край чулок и достигает нижнего белья, потом пробирается под резинку и проникает в меня без колебания. Вилка падает из руки, у меня перехватывает дыхание. Между ног горит огнем перец, оставшийся на его пальцах. Стараюсь отдалиться, абсолютно ошеломленная, но Леонардо удерживает меня.

– Не пытайся убежать, это бесполезно! – приказывает он.

Потом снимает с меня трусики, которые падают вниз, раздвигает мне ноги, держа за колени, и опускается на пол передо мной. Его рот прикипает к моему естеству в голодном поцелуе. Лижет, пробует на вкус, сосет. Теперь колючесть его шершавой, с рыжиной, бороды становится единым целым с перцем. Я хватаюсь руками за барную стойку, подавленная этой сладкой пыткой. Леонардо на мгновение поднимается, словно желая посмотреть на эффект, который это оказывает на меня.

Я чувствую себя дерзкой и в то же время беззащитной, нахожусь в состоянии опустошенности и всемогущества одновременно.

– Не останавливайся, пожалуйста, – умоляю я его. Хочу, чтобы он

продолжал поглощать меня этим изысканным способом.

Его влажные красные губы на мгновение складываются в дьявольской улыбке, потом возвращаются к моему клитору, но глаза не отрываются от меня, а язык прокладывает дорогу внутрь лона. Его рот – на моей вульве, его руки – на моих бедрах, его взгляд – в моем взгляде. Это рай сладострастия, в котором я даже и не думала оказаться. Кладу в рот два пальца и начинаю сосать их, постанывая и двигаясь без остановки. Огонь разрастается все сильнее, я достигаю вершины удовольствия, с громким криком откидываю голову назад, потом обрушиваюсь на барную стойку среди приборов и тарелок.

Леонардо встает на ноги, облизывая губы. Я вижу его затуманенными глазами, когда отхожу от оргазма. Все это кажется мне одновременно чувственным и веселым. Потом наши взгляды встречаются, мы улыбаемся друг другу и начинаем хохотать. Если это чувство полноты жизни и счастья было подарено мне вином, то мне остается лишь сожалеть о годах глупого воздержания. Но не думаю, что дело только в вине. И теперь, когда Леонардо обнимает и целует меня, я понимаю это.

– Ты красавица. А когда смеешься, становишься еще красивее, – шепчет он мне.

Внутри меня все сжимается, и вот я уже начинаю мечтать, чтобы мы так и оставались вместе навсегда.

Через некоторое время он отодвигает меня от себя и берет мое лицо в ладони.

– Ужин еще не закончен, остался десерт. Хочешь?

– Да, – сейчас я ответила бы так на любой вопрос, какой бы он мне ни задал.

Он достает из холодильника бутылку и ставит ее на стол, на этикетке написано «Пикколи» [\[35\]](#).

– Мне очень нравится это вино, – говорит он, открывая бутылку, – его делают из редкого сорта винограда. Благодаря случайному генетическому дефекту только некоторые ягоды на лозе созревают до конца, и с первого взгляда эти кисти винограда кажутся негодными. Никогда не скажешь, что из них можно получить что-то стоящее. А на самом деле... попробуй, – заключает Леонардо, наливая мне чуть-чуть.

Отпиваю и чувствую щемящую сладость.

– Очень вкусно, – говорю я.

– Это вино – доказательство того, что даже в ошибках и дефектах может скрываться нечто утонченное. Достаточно иметь терпение, чтобы обнаружить это.

– Это вино – доказательство того, что даже в ошибках и дефектах может скрываться нечто утонченное. Достаточно иметь терпение, чтобы обнаружить это.

Он награждает меня нежным поцелуем, потом достает из кармана брюк шелковый платок. На мгновение решаю, что он опять сейчас завяжет мне глаза, но Леонардо спешит успокоить:

– Не волнуйся, на сей раз это не для глаз, – обращаясь ко мне проникновенным голосом, он разворачивает меня и связывает запястья за спиной. Потом выпивает глоток вина и подносит бокал к моим губам. Пью так, будто для меня это уже самая естественная вещь на свете.

Из морозильника появляется новый поднос. Лео поливает десерт вином и ставит передо мной – цилиндрик шоколадного сорбетто ^[36] во всей своей греховной красоте.

– Смелее. Попробуй его! – коварная улыбка появляется на его лице.

Я наклоняюсь вперед и начинаю лизать его сначала осторожно, потом с возрастающей жадностью. Шоколад тает под горячим языком. Леонардо обнимает меня сзади, ощущаю его твердый член на ягодицах, мускулистая грудь прижимается к моей спине, а язык легкими движениями скользит по моей шее.

Чувствую тяжесть и полное отсутствие каких-либо мыслей. «Пикколи» вернуло мне опьянение, а Леонардо – зажег желание.

Внезапно он отрывается от меня. Краем глаза вижу, как он снимает брюки и рубашку, а затем приподнимает мне платье. Под платьем ничего нет, и я вся мокрая. Когда Леонардо входит в меня, я распахиwaюсь ему навстречу. Чувствовать его внутри – опьяняющее ощущение, будто я приняла в себя всю вселенную. Его голодная плоть питается моей. Мне кажется, что я вот-вот взорвусь, и я не могу дождаться этого момента, но вместе с тем я бы хотела, чтобы это продолжалось вечно. Леонардо движется внутри меня, следуя нотам какой-то быстрой мелодии, мои бедра горят желанием следовать за ним в этом движении. Я быстро забываюсь в новом оргазме, наводнении пота, слюны и стонов.

Леонардо не дает мне опомниться, поворачивает к себе и развязывает руки.

– Ну, а теперь твоя очередь, Елена, – говорит он, кладя мою руку на свой напряженный орган и прислоняясь к барной стойке.

С нерешительностью начинаю ласкать его, сначала медленно, потом все быстрее. Становлюсь перед ним на колени и увлажняю губы и язык слюной. Его член призывает к себе. Беру его, придерживая указательным и

средним пальцами, а свободной рукой ласкаю внутреннюю часть бедер и мошонку. Облизываю его пару раз, заставляя слюну стечь до основания, затем начинаю посасывать.

Леонардо с нежностью придерживает меня за голову и начинает медленно скользить вперед-назад, в такт моим движениям. Он растет во мне, возбуждая текучесть моего желания. Я поднимаюсь по члену вверх, потом концентрируюсь на головке, расположив язык под ее нижним краем и мягко нажимая на уздечку.

– Да, Елена, вот так, – стонет он, – мне нравится, как ты это делаешь!

Смотрю на него. Его глаза и рот полуоткрыты. Леонардо близок к оргазму. Мне тоже нравится, что я могу взять этого мощного и огромного мужчину и превратить в сгусток желания. Это дает мне ощущение власти.

Продолжаю в том же ритме до тех пор, пока Леонардо не издает сильный стон, и я чувствую, что он кончает. Позволяю ему кончить мне в рот, принимая в себя его горячую струю, член продолжает пульсировать на моих губах. Когда он утихает, я с осторожностью высвобождаюсь. Леонардо берет меня за плечи, помогает подняться, обнимает за талию и смотрит на меня. Его сперма осталась на моих губах. Прежде я не пробовала ее проглотить, но на сей раз мне интересно, что я при этом почувствую. И глотаю. Она сладковатая и вязкая, но с волнующим привкусом, как и все остальные части тела Леонардо. Теперь я знаю это.

Это не я. А может быть, это и есть настоящая я, просто теперь мне нужно научиться открывать себя заново, примириться с новой Эленой, которая спала внутри меня все эти 29 лет.

Это не я. А может быть, это и есть настоящая я, просто теперь мне нужно научиться открывать себя заново, примириться с новой Эленой, которая спала внутри меня все эти 29 лет. Леонардо улыбается мне почти с удивлением, потом прислоняется ко мне лбом.

– Елена, теперь ты познала и мой вкус, – и закрывает мне рот поцелуем.

Прислоняю голову к его груди и слушаю сердцебиение. Это спокойный, равномерный звук, который я могла бы слушать часами.

* * *

Пока мы одеваемся, думаю о днях, проведенных без Леонардо. О холоде этого расставания, о невероятной страсти между нами нынче, о том, насколько естественной была наша новая встреча. С ним я всегда в растерянности: я доверила ему самую интимную и секретную часть своей жизни и все же не знаю его.

У него будто двойная душа: одна сторона солнечная и гедонистическая (и ее ему нравится показывать), а другая – загадочная и мистическая, которую он ревностно оберегает и которая остается неизменно с ним, и не всем под силу увидеть ее.

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, взгляд падает на ту самую странную татуировку между лопаток. Приближаюсь и трогаю ее пальцами. Понимаю, что его секрет скрыт именно здесь.

– Когда ты сделал ее? – осмеливаюсь спросить.

Его лицо в мгновение темнеет и становится каменным.

– Я не хочу говорить об этом, – сухо и мрачно отвечает он.

– Теперь мое желание узнать это лишь увеличивается, – замечаю.

– Я знаю. И это желание останется неудовлетворенным. – Он быстро надевает рубашку. Потом пристально смотрит на меня, стремясь прояснить ситуацию. – Некоторые вещи я хочу оставить при себе, Елена. Нам нет нужды знать друг о друге всё.

Между нами может быть только секс и ничего другого – вот что он имеет в виду. Я закрываю рот на замок, не желая показать Леонардо, что мне тяжело принять это условие.

Обстановка в кухне внезапно стала напряженной.

– Ладно, давай я провожу тебя, – говорит он, снова становясь вежливым, но сразу видно, что он просто хочет уйти отсюда.

Не теряя времени, надеваю плащ и обгоняю его на пути к выходу быстрыми шагами. Прежде чем успеваю открыть дверь, Леонардо задерживает меня рукой и притягивает к себе.

– Послушай, Елена, мне жаль, если я был резким, – обнимает меня так крепко, до боли. Сконфуженная, поднимаю взгляд и вижу на его лице выражение страдания, которое никогда не видела прежде. – Ты должна пообещать мне одну вещь.

– Какую?

– Что никогда не влюбишься в меня.

«Почему ты говоришь мне это сейчас?» – задаю себе этот вопрос в молчании. Скорее себе, чем ему, в то время как смотрю на него широко распахнутыми глазами.

– Я говорю это прежде всего ради тебя... – продолжает Леонардо,

сдавливая пальцами мои предплечья, – потому что я никогда не влюблюсь в тебя. И если однажды я пойму, что ты слишком увлечена, все закончится. Клянусь, что я не передумаю.

Сглатываю, чтобы растопить узел в горле. Свыкаюсь с ролью сильной и независимой женщины. У меня тоже есть гордость.

– Хорошо, ты был откровенным с самого начала, – говорю, надеясь выглядеть спокойной и уверенной в себе.

– Тогда пообещай мне, – он легонько встряхивает меня, не ослабляя хватку.

– Да, обещаю.

Наконец Леонардо оставляет меня, и мы вместе выходим на воздух. Растираю предплечья и иду за ним в молчании вдоль переулка. Убеждаю себя в том, что не влюблюсь, и бессильная злость скручивает мне внутренности. Я ничего не знаю о нем, он ускользающий, переменчивый, даже грубый. А я – независимая женщина, вполне способная продолжать сексуальные отношения, не усложняя их чувствами. Все это будет длиться еще какое-то время, а потом мы разойдемся каждый в своем направлении, как решили с самого начала.

Я не влюблюсь в него.

Я не влюблюсь в него!

Я повторяю это себе снова и снова, до тех пор, пока слова не теряют смысла и все это не превращается в пустую мольбу.

Глава 11

Возвращаюсь домой из кино. В «Джорджоне» шел третий фильм фестиваля произведений Торнаторе [\[37\]](#), и я пошла. Одна. Только Филиппо смог бы выдержать со мной два с половиной часа «*Баарии*» [\[38\]](#), но его здесь нет, и я все сильнее ощущаю разделяющее нас расстояние. Наши встречи в скайпе в последнее время стали еще реже – в основном по моей вине. Его физическая удаленность отражается и в моих мыслях, иногда мне даже кажется, что я начинаю забывать его лицо и голос.

В моей голове сейчас мысли только о Леонардо. Все напоминает мне о нем. Он со мной, что бы я ни делала. Я не могу освободиться от этого наваждения. Будучи в зале, позволяя увлечь себя пейзажам, выжженным солнцем, я не могла не думать о Сицилии. О земле Леонардо. Интересно, как выглядят его родители, друзья... В каком городке он родился и вырос? Я мечтаю поехать туда однажды. Возможно, вместе с ним.

Хватит. Я слишком размечталась, и это совсем не хорошо. Нельзя позволить влюбленности завладеть мною. Надо держать ситуацию под контролем, быть рациональной, разделить сердце, голову и тело. Прошло уже больше месяца с того момента, когда мы впервые занимались любовью, и я не знаю, чем это закончится, возможно – плохо для меня. Но я не собираюсь отказываться от Леонардо, хочу дойти до конца этого приключения.

Уже десять вечера. Холодно. Рождественские огоньки, освещающие дома, отражаются в каналах. До Рождества осталось 15 дней, и мне не верится в это: время пролетело совсем незаметно.

Слышу свист в переулке, потом мужской голос «*Ан веди!*» [\[39\]](#), за которым следует двусмысленная болтовня. Двое парней с сильным римским акцентом проходят мимо, практически раздевая меня глазами, улыбаются мне и продолжают болтать между собой, пропадая у меня за спиной. Нечто подобное было со мной недавно: один прохожий... он шел мимо по улице и обернулся, пересекаясь со мной взглядом. Меня это удивило, я к такому не привыкла. До встречи с Леонардо со мной такое бывало нечасто, возможно, потому, что я неосознанно избегала этого, удерживая людей на расстоянии. Теперь я уже не та, излучаю новую, сексуальную энергию. Видимо, это заметили и окружающие: мне кажется, будто они смотрят на меня по-другому. Я сама смотрю на себя в зеркало, и мне нравится образ, который я там вижу. Эти изменения определенно мне к

лицу. Образ моего обнаженного тела перестал быть запретным. Это что-то интимное и знакомое – пейзаж, в котором я живу без затруднений. И я больше не боюсь выставлять его напоказ и использовать для соблазнения: белье из черного кружева, туфли на каблуке, легкий макияж и декольтированные платья теперь не табу для меня. Леонардо позволил мне открыть в себе женственность, которую я прежде не замечала. Пытаясь всеми силами стать женщиной для него, я стала ею для себя самой и других.

Леонардо позволил мне открыть в себе женственность, которую я прежде не замечала. Пытаясь всеми силами стать женщиной для него, я стала ею для себя самой и других.

Прежде чем вернуться домой, делаю небольшое отклонение от пути, удлиняя дорогу на несколько сотен метров. Медленными шагами подхожу к заднему двору палаццо Брандолини, просто чтобы почувствовать себя ближе к нему. Отсюда мне видны комнаты Леонардо на верхнем этаже. В них горит свет. Мне хочется позвонить в дверь, но знаю, что так я нарушу наше соглашение. Я постоянно жду, что он позвонит мне и сделает неприличное предложение, но иногда это ожидание бывает слишком невыносимым, потому что мне хотелось бы видеть его всегда.

Поднимаю взгляд к окнам. Давай, Леонардо, выгляни и скажи мне, что хочешь меня. Я здесь ради тебя.

Внезапно вижу, как в окне проходит черная тень, но она принадлежит не ему. Это фигура женщины... Я понимаю это по округлости груди и длинным волосам. Обнаженная женщина... Скрипачка! Я уверена, что это она. Сердце выпрыгивает из груди, и кровь застывает в жилах. Я не придумала это – все происходит у меня перед глазами.

С комком в горле и на дрожащих ногах пробегаю переулок, который выходит на Гранд-канал, представляя себе сюрприз, который меня ожидает. Я так я и думала: на причале перед палаццо пришвартована белая моторная лодка. Та самая моторная лодка!

Чувствую себя как после пощечины. Изо всех сил сжимаю кулаки, вонзая ногти в ладони. Мне хочется плакать, но я не могу, меня душит злость, поднимающаяся внутри меня. «*Ты не единственная, Елена, не жди, что я буду тебе верен*» – слова Леонардо звучат в голове как мантра. Невыносимые. Он предупредил меня с самого начала. Но я все равно вне себя. Тот факт, что меня подготовили, не смягчает удара. Удар есть удар, и от него больно, даже если ты видел приближающийся кулак.

«Ты не единственная, Элена, не жди, что я буду тебе верен» – слова Леонардо звучат в голове как мантра.

Я бы хотела облить ее лодку бензином, а потом бросить спичку, как в фильмах. Или позвонить в дверь, чтобы прервать их идиллию и покрыть их обоих оскорблениями. Вместо этого я просто ухожу, полностью разбитая и бессильная.

* * *

Я пережила долгие дни и еще более долгие ночи с того вечера. Леонардо опять пропал, и я стараюсь не ходить на работу в те часы, когда он дома. Не знаю, что и думать. Наверное, лучше не думать совсем. Мысли о мести или, еще хуже, об отстаивании своих прав со временем сменились глубокой грустью. Несмотря ни на что, мне не хватает Леонардо, его отсутствие ранит меня больше всего. Не хочется верить, что я потеряла его, что та женщина увела его у меня. Каждую ночь засыпаю с мыслью о нем, его черные глаза заполняют мои сны. Ненавижу его, но не могу забыть.

* * *

Однажды утром, когда я уже не надеялась, он вдруг дает о себе знать. Время около полудня. Я накладываю завершающие слои на фреску. Вдруг телефон в кармане комбинезона издает трель. Новая эсэмэска.

В 17 на Мендикколи.

На тебе должны быть юбка и чулки.

Леонардо, безумно уверенный в себе, как обычно. Руки немного дрожат, когда пишу ему ответ.

Жди меня. Я буду.

А что еще я могла ему ответить? Что он мне надоел и я не хочу больше видеть его? Это неправда, да и врать себе самой бесполезно.

Поэтому сразу же решаю, что позволю ему вести игру: так или иначе

выбора у меня почти нет. Не буду закатывать сцены ревности, не буду задавать лишних вопросов, но мне надо посмотреть ему в глаза, чтобы понять: изменилось ли что-то с того дня, как мы заключили наш договор. И прежде всего – в состоянии ли я принять его условия.

* * *

Уже около пяти. Наступила почти полная темнота. Интересно, почему Леонардо решил встретиться со мной на площади Сан-Николо-деи-Мендиколи? Это один из самых забытых уголков города. Немногие знают его, но я всегда считала его заманчивым – такие места запоминаются благодаря их отдаленности от остального мира. Посещая Институт архитектуры, я часто проходила Мендиколи, идя на лекции. А в начале лета я иногда пряталась в церкви от невыносимой жары. Сидела там, читая книгу и позволяя священной музыке укачивать себя. Насколько я знаю, это единственная церковь Венеции, где запись на диске крутится безостановочно 24 часа подряд, насыщая воздух божественными нотами. Однако нынче не могу понять, почему Леонардо выбрал площадь Мендиколи. Возможно, никакого определенного мотива тут нет. Надеюсь только, что он будет пунктуален, потому что я не выдержу долго, одетая так, как сейчас: чулки с подвязками совсем не идеальная одежда для этого времени года. И хотя я закутана в пальто, достойное царицы – длиной до пят, чувствую себя обнаженной. Влажный холод поднимается по ногам, по спине бегут мурашки.

Леонардо пришел вовремя. Еще нет пяти, а он уже здесь. Он появляется на горизонте, на нем длинный черный плащ, похожий на тот, который был на Киану Ривзе в «Матрице». Увидев меня, он устремляется ко мне, обнимая и покрывая поцелуями.

– Ты с каждым днем становишься красивее... Всякий раз мне кажется, что я встречаюсь с новой женщиной, – говорит он, оглядывая меня с головы до ног.

Внимательно смотрю на него. Темные глаза все такие же: они излучают тот теплый свет, что способен растопить лед в сердце. Быть снова в его объятиях – это как вернуться домой.

– Почему мы встретились здесь? – спрашиваю, переводя взгляд на колокольню церкви, которая в этот момент бьет пять.

– Потому что мне нравится здесь. Я случайно обнаружил это место несколько дней назад, когда шел на причал Санта-Марта за товаром.

Он оглядывается, согревая мне лицо ладонями.

– Здесь красиво, кажется, что мы вдали от всего мира.

– И правда...

Мы даже мыслим одинаково. Стоит ли о чем-то беспокоиться? Накрываю его руки своими и на минуту забываю о голой женщине в окне его комнаты, грустных мыслях в последние дни и кошмарах, наполнивших ночи. Когда он целует меня, я ощущаю только одно: он еще хочет меня. И я тоже его хочу.

Замираем на углу, целуясь какое-то время, прежде чем войти в энотеку в нескольких метрах от нас. Мне не хочется пить вино, но Леонардо настаивает на том, чтобы войти. Его рука скользит по моей спине все ниже, подталкивая к барной стойке. В заведении почти никого нет, поэтому любопытные глаза владельца устремлены только на нас, пока мы усаживаемся на барные стулья. Хотя я умираю от ревности, мне нравятся нежности Леонардо, его пальцы в моих волосах, его дыхание на моем лице. Ознакомившись с меню вин, выбираем «Пино Гриджио», Леонардо платит. С бокалами в руках выскальзываем наружу и используем стенку, ограждающую канал, в качестве барной столешницы на венецианский манер.

Сейчас я довольно расслаблена, но мне достаточно чересчур настойчивого взгляда Леонардо на проходящую мимо девушку, и отзвук ревности возвращается отравой в мою кровь. Я вышла из дома с мыслью не устраивать сцен, в полной готовности сдержать обещание, но становится действительно сложно. Отпиваю глоток вина и ставлю бокал на парапет, глядя на другой берег. Мое лицо слишком серьезно, и Леонардо заметил это.

– В чем дело? – спрашивает он, покачивая головой.

– Я ее видела... – Комок злости в этот момент раскручивается, разливаясь желчью.

– Кого ты видела? – недоумевает Леонардо.

– Ой, да прекрати! Нет необходимости во лжи между нами, правда же? – поворачиваюсь к нему с горящим взглядом. – Твою любовницу я видела. В твоей спальне, несколько дней назад, – вздыхаю и отхожу на несколько шагов.

Леонардо внимательно на меня смотрит с серьезным видом, но затем на его лице снова появляется спокойное и расслабленное выражение.

– А ты, значит, начала за мной шпионить, – улыбается он. – Будь осторожна с тем, что можешь обнаружить, Елена, – и поглаживает меня по носу указательным пальцем.

Резко отталкиваю его руку.

– Хотя бы скажи мне, кто это и что она значит для тебя...

– Ее зовут Арина.

Образ этой женщины встает передо мной, и я уже чувствую себя проигравшей на ее фоне. Уверенность, которую, мне казалось, я приобрела в последнее время, пропадает в одну секунду.

– Ты продолжал видеться с ней все это время? – спрашиваю.

– Конечно, я продолжал с ней видеться, это моя подруга. Но мы были в постели всего пару раз, – продолжает он провоцирующим тоном, с бьющей по нервам безмятежностью.

Легкость, с которой я добиваюсь ответа, обезоруживает меня. Леонардо не старается ничего скрыть, потому что ничего мне не должен, – вот в чем дело.

Мои глаза становятся блестящими, их жгут злые и настойчивые слезы, которые я сдерживаю с железной решимостью. Он притягивает меня к себе, придерживая лицо рукой.

– Елена, не надо так. Хочешь знать, кто эта женщина для меня? Это приключение, путешествие, как любая другая...

– А я? Я для тебя значу то же, что и другие?

– Нет, не то же, – он смотрит мне прямо в глаза, – потому что каждое приключение отличается от другого, каждое из них уникально и прекрасно в своем роде.

– Одной меня тебе мало, – я бью прямо в цель.

– Почему ты так рассуждаешь? Не понимаю, почему ты пришла к такому заключению. Если бы у тебя были другие любовники, я был бы счастлив за тебя, я совсем не возражаю, – кажется, он слегка раздражен моей негибкостью. – Ревность – это клетка, которая дает тебе иллюзию владения другим. Но желание невозможно заключить в тюрьму, – подводит он итог, обнимая меня.

Мне хочется освободиться и избить его кулаками. Ненавижу его, эту его свободу, и одновременно завидую ей. Мне тоже хотелось бы быть настолько свободной и открытой в своих мыслях, чувствах и поступках. Но освободиться от схем, которые уже вжились в твой образ мыслей, во внутренний мир, не так-то просто.

Ревность – это клетка, которая дает тебе иллюзию владения другим. Но желание невозможно заключить в тюрьму.

Однако если бы Леонардо сейчас стал клясться мне в безграничной

верности, я бы ему не поверила. Нужно посмотреть в лицо реальности: Леонардо никогда не будет только моим, я никогда не смогу запереть его в клетке. Могу лишь надеяться, что после своих путешествий он будет возвращаться ко мне.

* * *

Идем в направлении площади Сант-Анжело. Остаюсь молчаливой и отдаленной. Леонардо обнимает меня одной рукой и ждет, когда я прекращу дуться. В какой-то момент поднимаю глаза и замечаю знакомую фигуру в нескольких метрах от нас. Это Якопо Брандолини, он идет в нашем направлении. Я быстро высвобождаюсь из рук Леонардо, как раз в тот момент, когда граф замечает нас. О боже, сейчас он спросит, что мы здесь делаем, и у нас даже нет времени придумать какой-нибудь предлог.

– Привет Якопо! – здоровается Леонардо, спокойный, как всегда.

– Ах, добрый вечер! – Его приветствие обращено к нам обоим. Вижу, как глаза Брандолини двигаются в направлении моего лица. – А вы что здесь делаете? – он переносит кожаную сумку с одного плеча на другое и обращает к нам удивленную улыбку.

Я нервно хихикаю.

– А вы? – невежливо спрашиваю в ответ. Это отчаянная попытка выиграть пару секунд. Я ужасно напряжена. Полный кошмар.

– Я иду к единственному приличному портному, который остался в этом городе. Он шьет мне рубашки.

И действительно, я не раз видела на манжетах рубашек Брандолини его вышитые инициалы «JB».

Черт, никак не могу прекратить постукивать правой ногой. Я слишком нервничаю. Успокойся, Элена. Он не видел вас в обнимку. Дыши.

– Я возвращался из Санта-Марта, ездил туда, чтобы проверить прибытие товара, – говорит Леонардо. (Он, как обычно, полностью держит ситуацию под контролем.) – И встретил Элену перед церковью...

– Церковь Сан-Николо-деи-Мендиколи... – продолжаю в порыве вдохновения, – священник подыскивает реставратора для работы.

И ты появляешься на встрече в мини-юбке, чулках с подвязками и сапогах на каблуке. Думай, Элена! Я запахиваю поплотнее пальто.

– Вы знаете, наверно, что к Рождеству я закончу в вашем палаццо... – неуверенно продолжаю я.

– Да, действительно. Фреска получилась просто замечательная, вы

прекрасно поработали, Элена, – отвечает Брандолини с видом полного удовлетворения.

– Спасибо! – собираюсь добавить что-нибудь, чтобы попрощаться, но Брандолини меня опережает:

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить? – спрашивает, указывая на бар у нас за спиной.

Я, заикаясь, бормочу нечто неразборчивое. Потом перевожу взгляд на Леонардо, моля о помощи.

– Спасибо, но мне пора в ресторан, – он выворачивается с непостижимым умением, – давай в другой раз.

Набираюсь храбрости и тоже вежливо отказываюсь:

– Я бы с удовольствием, но мне еще надо закончить с покупками рождественских подарков, – это первое, что приходит мне в голову. Леонардо постепенно превращает меня в ужасную лгунью.

– Хорошо. Увидимся в палаццо, – Брандолини прощается, пожимая нам руки. (Не могу понять, как он может спать с Гайей и быть таким формальным со мной. Он же, наверное, прекрасно понимает, что я все знаю об их отношениях.)

– До встречи! – прощаемся мы с ним в один голос.

Смотрим на него до тех пор, пока он не скрывается в ателье портного на другой стороне канала. Вздыхаю с облегчением.

– Вот так совпадение... – комментирует Леонардо.

– Венеция маленькая, – добавляю я с деланным безразличием, – думаю, ты это уже понял.

Но Леонардо опять притягивает меня к себе и чмокает в щеку. Это небольшое совместное представление неизбежно сделало нас сообщниками, и теперь он считает себя вправе устранить барьер, который я возвела между нами. Я сразу же оглядываюсь назад: нет ли Брандолини поблизости. А Леонардо смеется над моей осторожностью.

– Он ушел, расслабься... А вообще, даже если бы он нас и увидел, в этом нет ничего плохого.

– Да нет, конечно. Но я не горю желанием быть принятой за одну из твоих любовниц! – отвечаю, возвращаясь к дурному настроению, и идти вперед.

Краем глаза вижу, как Леонардо пожимает плечами и идет за мной. Его лицо выражает нечто среднее между смирением и забавой. Я на это надеялась.

Идем бок о бок еще какое-то время и доходим до Калле ^[40]-дель-Авогария. На одной из стен висит табличка «Школа танго».

Однажды мы тут были вместе с Филиппо. Это был ужасный вечер: отдавив ноги друг другу, мы поняли, что не созданы для танго.

Леонардо догоняет меня и шагает спиной вперед передо мной, какой-то необычной походкой. Как ни странно, отчасти это напоминает танго.

– Ну и сколько ты еще будешь обижаться? – спрашивает, ища мой взгляд.

– Не знаю, – отвечаю, дуясь.

– Ты ведешь себя как ребенок, ты знаешь это? – Он резко останавливается, и я с размаху ударяюсь об него. Он крепко сжимает меня – я в ловушке.

– Поцелуй меня и помиримся, – приказывает, смеясь.

Мне тоже смешно, но я сдерживаюсь.

– Нет! – На самом деле умираю от желания поцеловать его.

– Тогда я все сделаю сам!

Он целует меня, толкая языком сквозь зубы, которые я сжимаю в знак протеста. Не теряя надежды, прижимает меня к стене. Проскальзывает под свитер и находит рукой мою грудь.

– Оставь меня в покое! – говорю не очень уверенно.

– Нет!

Его пальцы пробегают по моей обнаженной коже, и я вибрирую под его касаниями, как чувствительный инструмент. Языком он касается моей шеи и поднимается вверх, рисуя круговые спирали в раковине ушей. Я таю в медленной, полной удовольствия попытке и забываю обо всем. В конце концов сдаюсь и приоткрываю рот, чтобы впустить его язык, одной рукой глажу его волосы, другая опускается на его ширинку. Он хочет меня, я чувствую это сквозь ткань брюк.

– Пойдем домой, – шепчу ему на ухо.

Он берет меня за руку и доводит до портика, который открывается с одной стороны переулка. Это нечто вроде маленькой галереи, выходящей во внутренний двор, наполненный тишиной. Леонардо движется с уверенностью, будто знает эти места. В портике – старые ворота, врезанные в стену. Леонардо прижимает меня к древесине и, схватив за ягодицы, касается низом живота, позволяя мне почувствовать его возбуждение.

– Что ты собираешься делать? – спрашиваю, уже опасаясь услышать ответ.

– То, чего хочешь и ты тоже, – отвечает, покусывая меня за шею.

– Здесь?

– А почему бы и нет?

В этот момент звонит мой мобильный. Мне удастся пошевелиться немного только для того, чтобы вытащить его из кармана пальто и проверить, кто это. В любом случае я не собираюсь отвечать. Боже, это Брандолини! Смотрю на Леонардо, не зная, что делать.

– Отвечай, – советует он мне как ни в чем не бывало.

Выполняю, в легком волнении.

– Алло, – говорю, стараясь, чтобы мой голос звучал естественно.

– Элена, добрый вечер, – голос графа, как всегда, спокоен. В это время Леонардо запускает мне руку под юбку. – Я забыл вам сказать, что, если вам нужны рекомендации для дона Марко в проекте на Мендиколи, я могу походатайствовать. Я хорошо его знаю.

Я не совсем уверена, что поняла, о чем он. Он хочет рекомендовать меня священнику? Рука Леонардо легко проводит по моим трусикам, а вторая уже сжимает мою левую грудь. Сдерживаю стон.

– Ах, спасибо, – говорю голосом, охрипшим от желания.

– Я сделаю это с удовольствием, потому что я вам доверяю.

– Это очень любезно с вашей стороны, но я бы предпочла подождать. Я еще не совсем уверена, что проект состоится. Простите, вас плохо слышно...

Притворяюсь, что нет связи (хотя прекрасно слышу Брандолини), поскольку в этот момент рука Леонардо пробралась сквозь кружево нижнего белья и прокладывает себе дорогу внутри моей влажности.

– Простите, но мне пора, – заканчиваю я наш телефонный разговор.

– Конечно, Элена, – говорит Брандолини, – до скорой встречи.

– Обязательно. До скорого!

– А ты молодец! – ухмыляется Леонардо, лаская мои губы и продолжая движение пальцев внутри меня.

Выключаю телефон, бросаю его в карман пальто, а он проводит языком по моей груди посреди выреза блузки, потом сдвигает чашечку лифчика и облизывает сосок.

– Перестань, пожалуйста. Нас кто угодно может здесь увидеть... – пытаюсь противостоять.

– Я знаю, – отрезает он, – именно поэтому мы и здесь!

И тут я понимаю, что все это на самом деле подстроено – один из его экспериментов. Леонардо привел меня сюда, чтобы подвергнуть очередному испытанию: бросить вызов моему чувству стыда.

Леонардо привел меня сюда, чтобы подвергнуть очередному испытанию: бросить вызов моему чувству стыда.

Ситуация тем временем полностью вышла из-под моего контроля. Леонардо приподнимает мне юбку, избавляет от трусиков, разрывая их руками. Теперь я полностью обнажена ниже пояса. Я ужасно боюсь, что кто-то может увидеть нас, но вместе с тем эта мысль возбуждает меня. Леонардо расстегивает молнию брюк и выволакивает свой напряженный, твердый орган. Прижимает меня в угол между воротами и мраморным порталом и поднимает мою ногу. Мы оба закрыты его черным плащом. Леонардо стоит неподвижно какое-то мгновение, будто хочет позволить мне почувствовать его желание, потом начинает медленно двигаться взад-вперед.

Я схожу с ума от вожделения. Не хочу, чтобы эта медленная агония заканчивалась, нечто особенное раскрывается внутри меня и поднимается по спине до головы. Издаю стон, не в состоянии сдержать всплеск удовольствия.

Леонардо продолжает целовать меня в губы и шею, и хотя я наполовину обнажена на ледяном ветру, его тело, вплотную к моему, источает невероятное тепло.

Внезапно слышатся приближающиеся голоса, мы замираем, Леонардо прижимает меня к стенке теснее, оставаясь внутри меня. Дышим тихо, наши лица совсем близко. Мое сердце бьется в бешеном ритме. Двое мужчин проходят по переулку, затем через галерею, даже не заметив нас. Я в ужасе смотрю на Леонардо. А он бесстыдно скалится в ответ. Как только мы слышим, что шаги удаляются, он приподнимает мою вторую ногу, практически взяв меня на руки, и начинает двигаться с нарастающей силой.

– Елена, чем это мы занимаемся? – провоцирует он меня. – А если кто-то нас увидит? Такую хорошую девочку, как ты... – дьявольски нашептывает мне на ухо.

Это все безумно, извращенно, возбуждающе. Я совсем ничего уже не соображаю, чувствую только, что мне это нравится. Сейчас мне нет дела до всего остального. Сжимаю его ногами покрепче и ухватываю прядь его волос, постанывая ему на ухо «Черт бы тебя побрал!».

Он входит в меня резким толчком. Издаю еще более громкий стон.

Новая сладкая волна поднимается внутри меня, с глубокими переходами, которые заставляют меня вздрагивать. Чувствую, как приближается оргазм. Во всей своей неотвратимости и беспорядочности. Полностью потеряв контроль, кричу громко и хрипло, и Леонардо зажимает мне рот рукой. Продолжаю кричать в его ладонь, не беспокоясь ни о чем, глаза затуманиваются, и горячая слеза вытекает из угла глаза. Леонардо кончает сразу же после меня, издавая первобытный стон,

погружаясь в меня и опустив голову мне на грудь.

Он держит меня еще какие-то мгновения верхом на себе, нежно целуя мои закрытые глаза. Наше сумбурное дыхание смешивается со звуками города, которые постепенно начинают проявляться: отдаленный звук мотора вапоретто, захлопнувшееся где-то окно, многоголосье людей на площади неподалеку. Когда я просыпаюсь от этого зачарованного сна, Леонардо осторожно выходит из меня, придерживая, и я сначала ставлю на землю одну ногу, потом вторую. Облако тепла распространилось вокруг нас, постепенно поднимается вверх, растворяясь во влажном воздухе зимы.

– Ну вот, теперь можно и домой, – говорит он, улыбаясь.

Я улыбаюсь в ответ, покачивая головой, изумленная, довольная, пораженная.

У меня нет сил, чтобы достойно ответить. Этот мужчина каждый раз обезоруживает меня. Придется возвращаться домой вот так, без ничего под юбкой, кроме запаха секса.

Одеваемся в спешке. Ему пора в ресторан, а мне домой. Я опускаю юбку и замечаю на земле разорванные трусики. Смотрю на них, не решаясь поднять.

Леонардо делает это за меня и кладет их себе в карман, потом, взяв меня под руку, выводит из двора.

– Тебе без них лучше, – говорит он, подмигивая. Потом награждает меня поцелуем, превращающимся в укус.

У меня нет сил, чтобы достойно ответить. Этот мужчина каждый раз обезоруживает меня. Придется возвращаться домой вот так, без ничего под юбкой, кроме запаха секса.

Хорошо, Леонардо. Ты опять выиграл.

Глава 12

Я проснулась несколько часов назад. Неспешно завтракаю, со мной это редко случается: я приготовила себе крепкий кофе, нарезала свежих фруктов и намазала «Нутеллой» пару тостов. Могу считать себя удовлетворенной.

Теперь я сижу напротив моего макбука ^[41], мне жизненно необходимо сейчас, чтобы кто-то подсказал, что мне делать. Смотрю из окна: деревья на площади Сан-Вио украшены красными бантиками (ночью они сверкают желтыми огоньками), а над входом в пиццерию красуется немного вульгарная комета с надписью «Аугури!» ^[42]. Время пролетело, до Рождества осталось всего пять дней. Я тоже распаковала старые украшения и поставила искусственную елку. Но в этом году появилось что-то новое: я написала на стеклянных шариках из «Икеи» строфы любовных стихотворений знаменитых поэтов. Это романтическая новогодняя елка – небольшой аванс моему связанному по рукам сердцу.

Возвращаюсь к компьютеру. У меня есть только один-единственный, но существенный мотив для того, чтобы его включить: Филиппо. Я так и не ответила на его последнее письмо. Не смогла. К сожалению, он после этого писал мне еще несколько раз, спрашивая, куда я пропала, и настойчиво приглашая в Рим. Чувствую, что предала его. Хотя он и не мой парень, и мы оба решили, что пока будет так, чувство вины сдавливает горло, когда думаю о Филиппо.

Я решила, сейчас все ему напишу. Передо мной открывается чистый лист, и я позволяю мыслям свободно течь в нужном направлении, а пальцы послушно следуют за ними.

От: Елена Вольпе
Кому: Филиппо Де Нарди
Тема: От всего сердца

Дорогой Фил,

Я решила написать тебе после долгого молчания.

Это был трудный для меня период. Я могла бы найти много предлогов, но думаю, что лгать тебе бесполезно: в действительности я пыталась набраться смелости, чтобы искренне поговорить с тобой начистоту, как ты того заслуживаешь.

Фил, я познакомилась с мужчиной, без которого не могу больше жить. Не могу объяснить это ни себе самой, ни окружающим, а мне хотелось бы понять, куда это меня приведет. Мы не вместе, между нами чисто физические отношения. Он взял меня и перевернул всю мою жизнь. Он решил нарушить все мои запреты и комплексы, чуть не на спор, играючи, и я позволила ему это сделать. С ним я научилась получать удовольствие, как никогда ранее, мои чувства проснулись и теперь отчаянно хотят этого. В каком-то смысле он освободил меня, и теперь я не могу снова стать той, какой была прежде. Это как наваждение, я думаю о нем весь день, а после каждой новой встречи желание увидеть его снова становится все сильнее.

Я не требую понимания и осознаю, что все это может казаться абсурдным.

Мне очень жаль, но, учитывая чувства между нами (вернее, то, что мы думали, что есть между нами), встреча в Риме стала бы не просто совместными выходными, а началом отношений, которых мне очень хотелось, но которые сейчас я уже не могу представить. Не могу, Фил. Правда, не могу.

Ты возненавидишь меня, я знаю. Я заслуживаю этого. Так мне и надо, и я не буду ничего делать, чтобы помешать этому. Сейчас я просто хочу прожить до конца мое приключение, куда бы оно меня ни привело.

Прости, если после этого письма я опять скроюсь в молчании.

Биби

Я написала в порыве, почти в трансе. Вот они, мои мысли, написанные, можно сказать, против моей воли, черным по белому. Я сделала это скорее даже для себя, чем для него. Теперь все ясно.

Перечитываю письмо еще дважды, потом обхожу квартиру, как бы отдаляясь от текста. Снова сажусь, палец замирает на клавиатуре. Кнопка «Отправить» никогда еще не была такой страшной. Филиппо, прочитав это письмо, будет ранен, но хотя бы узнает правду.

Внезапно сообщение в скайпе извещает меня о том, что Филиппо в сети. Через несколько секунд он пишет мне сообщение:

Биби, ты здесь? Можем созвониться?

Чувствую себя виноватой, словно кто-то поймал меня на воровстве. Отвечаю на его видеозвонок.

Судя по тому, что я вижу, он – не дома. Звонит из одного хорошо мне известного места в Риме.

– Биби, привет! Пошли выпьем чаю в «Бабингтонс»? – первое, что он говорит мне с улыбкой, которая попадает прямо в сердце. Его зеленые глаза отражают солнце. Где я возьму сил, чтобы ранить этого прекрасного принца?

– О, если бы, Фил! – усаживаюсь поудобнее, в неловкости. – Ты на площади Испании? [\[43\]](#)

– Да, сижу на ступеньках, – поворачивает монитор, и панорамный вид на Тринита-деи-Монти [\[44\]](#) появляется перед моими глазами во всей своей красе. Кажется, будто я нахожусь в фильме, режиссером которого является он. – Видишь?

– Какая красота! Площадь, как всегда, прекрасна... – В последний раз я была там именно с Филиппо, в учебном путешествии на третьем курсе университета.

– Когда ты наконец соберешься приехать?

Ну вот. Боялась, что он это спросит, и не знаю, что ответить.

– Рано или поздно... – отвечаю, скрывая муку за улыбкой.

– Ты закончила фреску?

– Да, сегодня последний день, – вздыхаю.

– Ну, так приезжай на Рождество!

– А ты разве не вернешься? – отвечаю, но это всего лишь жалкая попытка выиграть время и избежать вопроса.

– 27 декабря, к сожалению, я работаю, – он пожимает плечами, – давай, Биби, приезжай, мне тебя не хватает, не оставляй меня.

Боже, я не в состоянии выдержать его взгляд! Мне тоже тебя не хватает, Фил, но совсем не так. Слишком многое изменилось с тех пор, как ты уехал.

Боже, я не в состоянии выдержать его взгляд! Мне тоже тебя не хватает, Фил, но совсем не так. Слишком многое изменилось с тех пор, как ты уехал.

– Фил, я не могу на Рождество! – В горле комок, но я пока в состоянии контролировать ситуацию. – В рождественскую ночь у меня ужин с семьей... – пытаюсь уговорить его со страдающим видом, – для *моих* это очень важно. Ты же знаешь, какие они... Я и так их мало вижу.

– Понятно... *Рождество в семье*, – говорит с покорной улыбкой, – я единственный сволочный сын, который бойкотирует семейные сборища.

– Не говори так, ты не сволочь, – укоряю я его.

– Думаешь?

– Да.

«Единственная сволочь здесь я», – грустно думаю про себя.

Угрюмо улыбается, потом поворачивается, словно увидел кого-то или что-то.

– Мне пора. Сейчас придет ассистент Ренцо Пьяно для обсуждения проекта, – и посылает мне воздушный поцелуй.

– Ок, тогда хорошо поработать.

– Спасибо, тебе того же, – он смотрит мне прямо в глаза, как бы пытаюсь что-то прочесть в них. А может быть, просто угрызения совести заставляют меня так думать. – Услышимся на Рождество... И вообще – я от тебя не отстану, надеюсь, что скоро увидимся.

– Я тоже, – отвечаю на поцелуй, глядя, как его лицо пропадает.

Выключаю скайп, и на мониторе компьютера опять материализуется письмо, словно грозовая туча на ясном небе. Сейчас мне кажется, что написать его было полным сумасшествием. Что мне взбрело в голову? Я не могу вычеркнуть Филиппо из своей жизни. Во всяком случае, не таким образом, не через Интернет. Он этого не заслуживает.

Курсор передвигается на кнопку «Удалить», нажимаю без сожаления и без раздумий. О, если можно было бы так же легко удалить чувство вины, неуверенность и нравственные обязанности, которые своим весом давят на меня. Я могу показаться лживой и эгоистичной, но Филиппо необходим в моей жизни, мне нужно верить, что нам двоим еще есть что сказать друг другу. Может быть, однажды и наступит прощание, но не сейчас. И не таким образом.

На ум приходят слова Леонардо, когда он сказал мне, что желания невозможно заключить в клетку. Теперь я понимаю, что вне клетки находится эмоциональный хаос. И я уже в нем, и вернуться обратно невозможно.

* * *

Ранним вечером я готовлюсь на выход, укладываю волосы и тщательно одеваюсь, как перед важной встречей, и действительно так и есть. Я закончила реставрацию фрески и теперь собираюсь вернуть ключи от палаццо. Судя по щедрому вознаграждению на моем счете в банке (выше оговоренного), Брандолини остался более чем доволен работой. Это значит, что впервые после окончания университета я смогу наконец-то купить подарки к Рождеству, не волнуясь о затратах. Это очень приятно.

Прохожу через входные ворота и в спешке поднимаюсь по лестнице, направляясь в холл. Вот она фреска! Встречает меня игрой красок, наконец-то ярких и живых. Улыбаюсь и приближаюсь на несколько шагов, чтобы получше рассмотреть ее. Предаюсь мечтам о том, как неизвестный художник появляется передо мной и предлагает зернышки граната в качестве благодарности. Сколько дней проб и разочарований стоила мне эта деталь! Возможно, без помощи Леонардо мне никогда бы не удалось найти правильный оттенок. Благодаря Леонардо мой взгляд изменился, глаза научились смотреть не только на этот гранат, но и на весь мир по-другому. Эта фреска была со мной все последние месяцы моей жизни, моего превращения, и теперь мне кажется странным наше расставание. Когда я в следующий раз вернусь в это палаццо (если вернусь), то это уже будет не ради нее, а ради Леонардо.

Благодаря Леонардо мой взгляд изменился, глаза научились смотреть не только на этот гранат, но и на весь мир по-другому.

Стоило мне подумать о нем, и он, словно по волшебству, появляется в холле, заставляя мое сердце подпрыгнуть. Это происходит всякий раз, когда мы встречаемся.

– Привет, – говорю, – а я как раз о тебе думала.

– Да? И о чем же ты думала? – Он подходит поближе, глядя на фреску.

– Что если бы не реставрация, то мы бы никогда не встретились, – я поворачиваюсь, встречаясь взглядом с его черными глазами. Морщинки в углах глаз говорят мне о том, что он улыбается.

Мне хочется поцеловать его. Но, как обычно, жду, чтобы он сделал первый шаг.

– Элена, а ты молодец. Действительно, очень красиво!

– Надо отметить! – Не выдерживаю и приближаю губы к его губам, но, когда поднимаюсь на цыпочки, он отдалается, оставляя меня в недоумении.

– Отпразднуем после моего возвращения, – говорит решительным твердым тоном.

– Твоего возвращения? – смотрю на него широко распахнутыми глазами. Я должна еще пережить этот отказ. – Ты уезжаешь?

– Сегодня вечером. На Сицилию.

– А когда вернешься?

– Не знаю, решу, когда уже буду там, – его взгляд затуманен, мрачен. В этот момент я чувствую его холодность и отстраненность.

– А ресторан?

– Я оставил смену, – пожимает плечами, – мои коллеги уже могут сами справиться.

Эта новость ошеломляет меня. Еще недавно у меня в голове роились идеи (наверно, правильной называть их мечтами) об этих рождественских каникулах. Я отказала Филиппо, потому что надеялась провести время с Леонардо. А вместо этого...

– Тебе действительно нужно уезжать? – спрашиваю, пытаюсь замаскировать разочарование.

– Я хочу этого, – отвечает, решительно взирая на меня, – хотя бы раз в год, где бы я ни находился, я возвращаюсь на Сицилию.

– У тебя там близкие?

– Там мое прошлое.

Я хотела бы еще многое спросить у него, но прикусываю язык. Леонардо ненавидит вмешательство в свою частную жизнь, а тема его родины входит в сферу абсолютно интимных и неприкосновенных вещей.

– Постарайся развлекаться и без меня, – берет меня рукой за подбородок и силится улыбнуться, как бы стараясь ускользнуть от напряжения нашего разговора.

Мне хочется сказать ему, чтобы он не уезжал. Или чтобы взял меня с собой. Не могу вынести даже мысли о том, чтобы расстаться с ним надолго.

– Ты мне хотя бы позвонишь? – хватает у меня смелости спросить.

Качает отрицательно головой:

– Нет, Елена. Я предпочитаю, чтобы мы не поддерживали связь, когда я в отъезде.

– Почему?

Я задерживаю его за руку. Я знаю, что не должна настаивать, но мне необходимо объяснение.

– Потому что мне нужно отвлечься, побыть одному. Потому что моя жизнь – это не только то, что я делаю здесь, и я не хочу смешивать, – его взгляд не допускает возражений. – Я позвоню, как только вернусь, – он поглаживает меня на прощание и уходит по направлению к лестнице, не оглядываясь.

Я полностью разбита. Он ушел, без извинений и объяснений. Оставил меня здесь, с очередным комом в горле и бессильно опущенными вдоль тела руками.

Хватит. Мне надо немедленно уходить отсюда. Ищу смотрителя в саду и отдаю ему ключи.

– До свидания, Франко, счастливых праздников! – бормочу в спешке,

не теряя времени на долгие прощания.

– И вам синьорина ^[45], счастливого Рождества! – Франко по привычке делает небольшой полунаклон. – Всего вам хорошего!

Я полностью разбита. Он ушел, без извинений и объяснений. Оставил меня здесь, с очередным комом в горле и бессильно опущенными вдоль тела руками.

Поднимаю голову, последний взгляд на эти окна, потом уйду быстрыми шагами в переулок.

Прощай, фреска. Прощай, Леонардо.

* * *

Канун Рождества. Мне стоило нечеловеческих усилий пережить эти дни предпраздничной эйфории, после того как меня бросили таким образом. Ритуальное паломничество из одного магазина в другой (покупка подарков, совершенно ненужных) и вид всех этих прохожих, счастливых и озабоченных, ввели меня в глубокую меланхолию. Я, обычно обожавшая Рождество, в этом году ненавижу его всем своим существом.

Так или иначе, мне удалось пережить эти четыре дня. Хотя и знаю, что худшее впереди. Восемь вечера. Меньше чем через час я должна быть дома у родителей на традиционном ужине с родственниками. Если я переживу и это, могу считать себя почти что спасенной.

В пятнадцать минут десятого, упустив вапоретто и испортив каблуки новых сапог (поскольку прошла весь путь пешком), я наконец перед дверью дома Вольпе. С трудом звоню в дверь, увешанная пакетами.

Открывает мама, одетая в костюм вишневого цвета, на лице обеспокоенное выражение.

– Элена! Мы тебя потеряли! Только тебя и ждем.

Вдали слышен разговор родни на фоне голоса Мерайи Кэри, распеваящей все те же знакомые новогодние песни.

– Извини, мама, я опоздала на паром.

Одним движением она целует меня, снимает пальто и вешает его на вешалку. Поправляет мне волосы и... сразу же заставляет меня почувствовать себя виноватой.

– Дорогая, а эта юбка не слишком короткая? – спрашивает, бросая взгляд на мое кружевное платье. То самое, в котором я ужинала с Леонардо

на кухне его ресторана.

– Мне так не кажется, – отвечаю с невозмутимостью, – ты всегда упрекаешь, что я не ношу юбки. Вот, сегодня вечером постаралась тебе угодить.

Захожу в столовую и на минуту меня посещает мысль о побеге: передо мной за праздничным столом расположился взвод родственников, которые нетерпеливо притопывают ногами, размахивая в воздухе приборами, будто не ели неделю. Встряхиваю головой, чтобы прогнать эту мысль. «Элена, ситуация под контролем, ты в состоянии выдержать это!»

Все в сборе: бабушка, тетя, кузины; маме удалось уговорить даже дядю Бруно, который обычно путешествует по миру со своими друзьями-геями. Здравуюсь со всеми, собирая улыбки направо и налево, и в спешке занимаю свое место. Естественно, меня посадили рядом с кузиной Донателлой, практически моей ровесницей, но абсолютно далекой во всем остальном. В двадцать пять лет она вышла замуж за Умберто – венецианского близнеца Флавио Бриаторе [\[46\]](#), и через год у нее родилась маленькая Анжелика, которой уже исполнилось семь лет и которая напоминает Барби. Девочку посадили слева от меня, она приветствует меня ручкой.

– Привет, тетя!

Глажу ее по голове и улыбаюсь.

– Элена, прекрасно выглядишь, – говорит Донателла, целуя меня в обе щеки и обдавая своим тошнотворным парфюмом с ароматом желтого ириса.

– Спасибо, ты тоже.

– Ой, даже и не говори. Я поправилась на пять килограмм, – с отчаянным выражением на лице отодвигает край юбки, показывая мне часть бедра. – Смотри, все здесь!

Вот, начинается. Каждый год одно и то же. Однако в этом году я действительно не в настроении терпеть ее глупые разговоры. Надо спасаться, прежде чем мы доберемся до последних открытий в области антицеллюлитных средств.

– А что тебе принес Санта-Клаус? – спрашиваю у ее дочери, стараясь сменить тему.

– Новый мобильник, – отвечает, с гордостью демонстрируя мне последнюю модель айфона.

– Супер!

Что она будет с ним делать в ее возрасте, честно говоря, не могу понять.

– Тетя, а покажи мне свой.

Прекрати называть меня тетей, девочка. Я тебя почти не знаю.

Вытаскиваю из сумки свой телефон. Она берет его своими маленькими ручками с изумленным выражением лица:

– Так это же четвертый! Ты что, не знаешь, что уже вышел пятый? – Кажется, дитя шокировано.

Избалованная, невыносимая нахалка. На время снова становлюсь маленькой девочкой, и меня охватывает неконтролируемое желание дернуть ее за волосы.

Выдаю еще одну натянутую улыбочку и решаю игнорировать девчонку, обращаясь к закуске, только что вынесенной из кухни. Естественно, согласно традициям семьи Вольпе, на рождественский ужин едят постное. Поэтому все блюда будут рыбными. Вяленая треска, гребешки в сухарях, тарталетки с лососем.

Моя мама упивается комплиментами родни.

Как обычно на таких торжествах, чтобы не дать мне умереть с голоду, специально для меня мама приготовила вегетарианское меню. Конечно же, она не знает о моем недавнем новообращении в мясоедение, поэтому, чтобы избежать вопросов и не сводить на нет ее усилия, решаю умолчать об этом.

– Спасибо, мама, ты сокровище, – говорю, похрустывая хлебными палочками и накладывая в тарелку небольшую порцию ризотто с красным radicchio, который она приготовила с любовью для своей доченьки.

Разглядываю родственников одного за другим. Мне кажется, что я попала в группу незнакомцев: я не желаю находиться здесь, мне хочется вернуться к своей жизни (точнее, к той, какой она была последние два месяца). Каждый день без Леонардо кажется мне потерянным. Наливаю себе полный бокал просекко [\[47\]](#), возможно, это поднимет мне настроение.

Разглядываю родственников одного за другим. Мне кажется, что я попала в группу незнакомцев: я не желаю находиться здесь, мне хочется вернуться к своей жизни.

Мама смотрит на меня так, будто у меня выросла чешуя.

– Элена, ты что делаешь? – спрашивает она с ужасом.

– А что? Это теперь запрещено? – смотрю на нее с невинным видом и доливаю вина в бокал.

– С каких это пор ты пьешь вино? – она не отстает, и эта ее настойчивость меня раздражает. Маме не нравится, когда что-то ускользает

из-под ее контроля и одобрения.

– С настоящего времени, если ты не возражаешь, – сухо отвечаю я.

– Если честно, то возражаю...

– Мама, отвали! – буркаю грубо.

Мама смотрит на меня с изумлением, отец тоже. Нависает тяжелое молчание. Бабушка, страдающая глухотой, спрашивает у одного из моих кузенов, что произошло, а тетя, притворно покашливая, поправляет салфетку на коленях. Оглядываюсь с легким сожалением. Я переборщила. Обычно такой тон мне не свойствен: в родительском доме я всегда приветлива и покорна. Только теперь понимаю, что это не они стали чужими, а я изменилась.

К счастью, дядя Бруно приходит на помощь:

– Да ладно, Бетта, ты же знаешь, что вино способствует кровообращению, – говорит он, щипая ее за плечо. – И потом, за праздники надо выпить! – он поднимает бокал и чокается со мной, подмигивая.

– Ты прав, за нас! – продолжает мой отец, поднимая бокал в свою очередь. И по взгляду, который он на меня бросает, я понимаю, что прощена.

Ужин продолжается без дальнейших затруднений. Затем следует обмен поздравлениями и подарками. Я получаю подушку (вышитую мамой в комплект к одеялу, подаренному в прошлом году), шерстяную шапку, две пары носков ручной вязки и кашемировый шарф. Видимо, выгляжу мерзлячкой. Но от холода, который я чувствую сейчас, шерсть не спасет.

При первой же возможности целую в знак примирения маму, прощаюсь с родней и убегаю домой. Счастлива, что все закончилось и я могу побыть одна.

Уже почти час ночи. Колокольни Венеции радостно сообщают об окончании рождественской службы, а еще работающие гондольеры спешат доставить последних пассажиров. Иду быстрым шагом, стараясь сосредоточиться на облачке пара, образовавшемся от моего дыхания. Нет желания думать, но, прежде чем отворить дверь дома, поднимаю глаза к небу и смотрю на звезды. Кто знает, может, на них сейчас смотрит и Леонардо.

* * *

В Рождество, после обеда, иду навестить Гайю, которая живет в небольшом лофте [\[48\]](#) рядом с Садами Биеннале [\[49\]](#). Иногда под окнами ее

квартиры появляется какая-нибудь странная инсталляция. Например, творение одного художника из Бразилии: линия тотемов из белого пластика, светящихся ночью фосфоресцентными огнями. Они напоминают скорее не тотемы, а странных снеговиков (хотя вряд ли именно в этом заключалась идея художника), и у них очень рождественский вид. В качестве подарка я купила Гайе коробочку, покрытую блестками, внутри которой находятся увеличивающая объем тушь «Lapcôte» и щеточка для подкручивания ресниц «Shu Yemura». Гайя без ума от таких вещей. Так что я уверена: ей понравится.

Открыв дверь, Гайя, по традиции, душит меня в объятиях, заставляя практически столкнуться с огромным портретом Мэрилин Монро, висящим на стене.

– С Рождеством! – поздравляет она, светясь счастьем, и проходит в комнату, шаркая тапочками впереди меня. Только у себя дома она не носит каблуки.

– И тебя тоже с праздником, Гайя! – отвечаю, снимая пальто.

– Пойдем, садись на диван, – приглашает она, выключая телевизор.

Каждый раз, усаживаясь на ее дорогуший диван из белой кожи, я не могу не думать о всех тех варварских вещах, которые она выделяет на нем со своими любовниками.

Каждый раз, усаживаясь на ее дорогуший диван из белой кожи, я не могу не думать о всех тех варварских вещах, которые она выделяет на нем со своими любовниками.

– А ты, случаем, не отказалась еще от своих убеждений? Может, хочешь беллини? ^[50] – спрашивает она.

– Ок, – быстро соглашаюсь я.

– Молодец, так держать! – Гайя смотрит на меня с изумлением.

Пропадает на кухне, а когда появляется снова с подносом и бокалами, замечаю на безымянном пальце кольцо с бриллиантом.

– А это еще что? – спрашиваю сразу же.

– А это мне Якопо подарил, – хвастается, поднося кольцо к моему носу.

– Это что, обручальное кольцо? – смотрю на нее вытаращенными глазами.

– Просто кольцо...

– Гайя, не прикидывайся дурочкой! – укоряю ее.

– Хорошо, признаю, Якопо хочет, чтобы у нас все было серьезно.

– А ты – нет, – завершаю фразу за нее.

– Ну, это как-то слишком быстро, тебе не кажется?

Она смотрит на меня в ожидании одобрения. Похоже, Гайя не знает, что делать. Она не влюблена (ее влюбленность была бы чудом, принимая во внимание те редкие эпизоды, когда с ней подобное случилось), и это написано у нее на лице.

– А зачем ты тогда приняла такой особенный подарок?

– Ну а что я должна была сделать? – оправдывается. – Вернуть ему обратно? На Рождество?

– Не знаю, Гайя, но, наверное, вам все же лучше обсудить это.

– Между прочим, Якопо мне нравится, – говорит она, отпивая аперитив.

– Допустим, что так. Но тебе больше по душе тот, кто вообще не показывается...

Попала в точку.

– Смотри, – говорит она, передавая мне свой телефон с последним сообщением от Белотти.

С Рождеством, малышка! Рано или поздно я за тобой приеду.

Глаза Гайи приняли форму сердечек. В любой другой момент (в моей обычной роли серьезной и немного занудной подруги, которая возвращает к реальности и объясняет, как нужно правильно поступить) я бы, наверно, посоветовала ей быть осторожнее. Но сейчас я понимаю ее, как никогда раньше, и мне не хочется упрекать подружку.

– А он правда за тобой приедет? – спрашиваю.

– Кто знает... – отвечает Гайя с выражением лица, полным надежды. У нее нет чувства вины за бедного графа, ее совсем не беспокоит, что он может страдать по ее милости. Все, чего она хочет, – это быть счастливой. (По возможности, вместе с Белотти).

Вероятно, по закону притяжения, в этот момент раздается звонок и моего мобильного. В глубине души у меня только одна надежда. Боже, сделай так, чтобы это был Леонардо!

– От кого? От кого? – пищит Гайя с любопытством.

У нее нет чувства вины за бедного графа, ее совсем не беспокоит, что он может страдать по ее милости. Все, чего она хочет, – это быть счастливой.

Читаю сообщение, пытаюсь спрятать разочарование:

– А, это Филиппо поздравляет с Рождеством, – отвечаю.

– И ты это говоришь таким тоном?

Видимо, мне не удалось замаскировать разочарование полностью.

– А как я должна это говорить?

– Ну, с чуть большим энтузиазмом, Эле! – Она ласково обнимает меня за плечи. – Ты что? Уже не уверена в нем?

– Да нет, что ты! – спешу ответить. – Мне его немного не хватает...

Она непонимающе смотрит на меня.

– Немного? Фил – отличный парень. Я думаю, что он идеально тебе подходит.

Боже, Гайя, хотя бы ты не усложняй мне жизнь! У меня и так бардак в голове... Филиппо – идеальный мужчина, но я в этот момент думаю не о нем.

– Посмотрим, – ограничиваюсь коротким ответом.

– Немедленно ответь ему! – приказывает она мне. – А я пока пойду за подарком.

Пишу в ответ немного формальное послание, но понимаю это только после того, как отправила его. Когда поднимаю взгляд, Гайя уже опять в комнате с триумфальной улыбкой.

– Вуаля! – подает мне пакет, а я передаю ей подарок для нее.

Естественно, Гайя срывает упаковку в долю секунды. Судя по выражению ее лица, я угадала, подарок ей нравится. Я же, наоборот, одна из тех, кто очень долго открывает подарки: я делаю это медленно, мне нравится предвкушать сюрприз.

Встряхнув легонько коробку, предполагаю, что это масло для тела или духи, по звуку похоже на стеклянную бутылку.

– Пытаться гадать – бесполезно. Все равно не получится, – говорит Гайя с довольным видом.

Наконец открываю коробку и становлюсь бордовой.

– Вибратор? Из хрустала?

– Искусственного хрустала, если быть точной.

Беру его в руку и не знаю, как реагировать: сердиться, оскорбиться, отчаиваться или радоваться. В результате начинаю смеяться. Иначе и быть не может. Гайя смеется вместе со мной. Она добилась желаемого эффекта.

Ну вот, как в сцене из фильма «Секс в большом городе».

– Поскольку у тебя его нет и сама ты никогда бы не купила, я сделала это за тебя.

Включает вибратор опытной рукой и подмигивает:

- Говорят, что в действии он просто потрясающий...
- Он и впрямь просто шикарный, – качаю головой, разглядывая, как стекло отбрасывает блики на стену, – ты же не обидишься, если я не буду использовать его, правда?
- Никогда не говори никогда. И в любом случае лучше всегда иметь его под рукой... – замечает она с лукавой улыбкой.
- По крайней мере, это не обычная пара носков, – говорю я с нарочитым апломбом.

Леонардо неумолимо присутствует в моих мыслях, сколько бы я ни старалась отогнать их. Почему он про-должает оставаться таким уклончивым, окружать себя тенями и тайнами?

Мы опять смеемся, и я еще раз убеждаюсь в том, что лишь с Гайей можно провести вечер Рождества таким образом.

* * *

Как только я возвращаюсь домой, чувство грусти и беспомощности, что не можешь иметь то, что хочешь, опять переполняет меня. Леонардо неумолимо присутствует в моих мыслях, сколько бы я ни старалась отогнать их. Почему он был так резок? Почему продолжает оставаться таким уклончивым, окружать себя тенями и тайнами? На минуту я уже решаюсь позвонить ему или написать сообщение, но потом, чтобы избежать искушения, выключаю телефон.

Ставлю сумку с подарком Гайи на стол. Вынимаю вибратор из коробки и спешу спрятать его в ванной. Что мне с ним делать?

Я жажду Леонардо. И ничто не может утолить эту жажду.

Глава 13

Последняя вещь, которую мне предстоит сейчас выдержать физически и эмоционально, – это сеанс полной реставрации самой себя в преддверии новогодней ночи в отеле «Хилтон». Меня пригласили Гайя и Брандолини, и все мои попытки отказаться ни к чему не привели. Я должна быть благодарна моей подруге и ее «парню». Однако мрачное настроение, в котором я пребываю, ничуть не улучшается при мысли о том, что я весь вечер буду чувствовать себя лишней. Одна, без Леонардо, в окружении праздничной толпы. Ощущаю себя враждебной и несговорчивой. Возможно, еще реагирую на нынешнюю погоду: ужасное свинцовое небо угрожает мне из окна.

Сегодня вечером я бы предпочла сидеть дома в пижаме и смотреть фильмы, завернувшись в мое одеяло из лоскутков и рискуя заработать диабет из-за переедания шоколада «After Eight».

Вместо этого я сейчас борюсь с моим отражением в зеркале. Распрямляю волосы, делаю депиляцию, втираю крем в грудь и бедра, надеваю красное белье, наношу на скулы румяна, крашу глаза блестящими тенями, а губы – стойкой помадой. И все это – для кого? Если бы был Леонардо... Без него все кажется мне ненужным. Кто знает, что он делает сейчас и с кем. У меня уже развилась зависимость: я хочу его все больше и больше, с жадностью наркоманки. Жаль, что ни один пушер не сможет достать нужный мне сейчас наркотик.

Раздается звонок домофона. Это должны быть Гайя и Якопо, прибывшие вовремя, чтобы забрать меня и силой доставить на ихпраздничный Новый год.

– Сейчас спущусь, – неохотно отвечаю в трубку.

– Давай быстрее, – кричит Гайя, уже навеселе.

Бросаю последний взгляд в зеркало, поправляя выбившуюся прядь (уже пора бы придать форму этому экс-каре), и сбегая по лестнице, стараясь не споткнуться о полы пальто.

Открыв дверь, вижу Гайю и Якопо, держащихся за руки.

– Может, зонтик взять? – спрашиваю, потом поднимаю взгляд и в темноте за ними вижу кажущуюся знакомой тень.

– Какой зонтик?! Звезды же видны! – Его голос ни с чем не спутаешь, он достигает меня, как неожиданная ласка.

Гайя подмигивает, а Брандолини подвигается, чтобы пропустить меня.

Филиппо здесь, передо мной, закутанный в свой зеленый «барберри». Я не могу поверить, на минуту мне кажется, что я сплю.

– Фил! Что ты здесь делаешь?

– Я вернулся! – отвечает, расплываясь в обворожительной улыбке.

Противоречивые чувства в моем сердце создают неожиданный, но возбуждающий беспорядок. Потом побеждает безграничная нежность, внезапно мне хочется обнять его. Вместо этого стою, застыв, с опущенными руками. Как себя ведут в таких случаях? Целуются? Несколько месяцев назад у нас было полное страсти прощание, но с тех пор много чего произошло, и теперь я не знаю, как себя вести. К счастью, Филиппо разрушает мои сомнения, приближается и приветствует легким поцелуем, сразу же замеченным Гаей. Я обнимаю его с отчаянием тонущего. Я благодарна ему за то, что он сейчас здесь, и Гае за этот потрясающий сюрприз. Уверена, что именно она за всем этим стоит.

Как себя ведут в таких случаях? Целуются? Несколько месяцев назад у нас было полное страсти прощание, но с тех пор много чего произошло.

Гайя и Якопо идут вдоль дороги, держась впереди на расстоянии нескольких метров. Филиппо предлагает мне руку, и я вцепляюсь в нее, чувствуя тепло его тела.

– Я так счастлива, что ты здесь, – говорю ему.

– Я тоже.

– Когда ты приехал?

– Несколько часов назад.

Рассматриваю его получше под слабым светом фонаря. Лицо Филиппо без бороды слегка осунулось, заметны следы ночей, проведенных за работой, но глаза блестят больше обычного.

– Я думала, у тебя дела в Риме.

– Да, но на пару дней мне удалось вырваться, – он улыбается. – Я очень хотел тебя увидеть!

Я тоже хотела увидеть его, но поняла это только сейчас. До этого момента я была слишком занята мыслями о другом мужчине.

– Всего два дня? – спрашиваю.

– К сожалению, да. Второго января мне опять на работу. Они – рабовладельцы, а я позволяю себя поработить.

Замедляя шаг, на минуту высвобождает руку, глядя мне в глаза.

– Ты правда рада меня видеть? По твоему выражению лица до этого я

бы так не сказал...

Он настолько чувствителен, что замечает любой оттенок моего настроения. Я и забыла.

– Ну, конечно, я рада, – отвечаю, растягивая губы в улыбке. – Просто это было так неожиданно.

Внезапный холод пробирается по спине. Это не зимний ветер, нет... Дело в том, что я говорю неправду. Да, я рада видеть тебя, Фил, но, когда ты был в отъезде, я заболела другим и не знаю, сможешь ли ты излечить меня.

Продолжаем идти, я по-прежнему цепляюсь за его руку. Про себя обещаю, что забуду о Леонардо хотя бы на несколько часов и проживу эти мгновения в спокойствии. Я рада, что все же не отправила Филиппо то разоблачающее меня письмо. Если бы отправила, всего этого уже никогда бы не случилось. А раз это происходит, значит, судьба хотя бы на сегодняшний вечер на нашей стороне.

* * *

Мы все вчетвером садимся на моторную лодку в Заттере, за две минуты пересекаем канал Джудекка, и вот мы уже перед входом в «Хилтон». Так странно видеть город отсюда, он кажется перевернутым. Скользим по красной бархатной дорожке и благодаря Брандолини проходим через тщательно охраняемый вход со спесивыми вышибалами. Я никогда здесь еще не была. Это отель класса люкс, превосходящий все ожидания, с крайне элегантным персоналом, формальность обстановки доходит до приторности.

После остановки в гардеробе и первого круга коктейлей подходим к нашему столу в компании некоторых знакомых из круга Брандолини. Зал очень большой и искусно украшенный. Здесь как минимум пятьдесят столов, и все гости в состоянии эйфории, но вместе с тем ведут себя ненатурально, как будто рядом постоянно включенная видеокамера.

– Гайя теперь посещает высший свет, – говорит мне на ухо Филиппо. Он, как и я, не привык к такой роскоши.

– Нет, это высший свет посещает Гайю... – отвечаю я. Улыбаемся друг другу с понимающим видом.

Ужин продолжается довольно приятно. И я открываю для себя, что некоторые друзья графа совсем не такие чванливые, как я себе представляла. Гайя была права. Стараюсь расслабиться и отогнать от себя

все другие мысли. Тот факт, что сейчас рядом со мной находится Филиппо, позволяет мне чувствовать себя увереннее, и с каждой минутой мне кажется, что мы возвращаемся к нашему обычному взаимопониманию. В какой-то момент замечаю, что его взгляд остановился на моем декольте. (Если подумать, то он никогда не видел меня в вечернем платье, это первый официальный вечер, в котором мы участвуем вместе.) И мне не претит это. Вместо того чтобы прикрыться, как я обычно делаю, выдерживаю его взгляд и спрашиваю:

– Тебе нравится мое платье?

Он отрывается, слегка смущенный.

– Тебе очень идет, но дело не только в платье. Ты изменилась, Биби. Как будто расцвела.

– Ну, тогда выпьем за положительные изменения, – говорю, поднимая свой бокал и чокаясь с ним.

Филиппо ни разу не видел меня пьющей.

– Ты еще и пьешь теперь? – удивленно спрашивает он.

– Ну да, наша маленькая Элена стала алкоголичкой. Наконец-то! – вмешивается Гайя, присоединяясь к нашему тосту.

Филиппо улыбается в растерянности.

– Я думал, ты не пьешь, – с любопытством смотрит на меня, – ты отказалась выпить даже за получение диплома.

– Я тоже так думала, – пожимаю плечами, отпивая глоток, – но, возможно, я ошибалась.

Как ошибалась по поводу многих других вещей.

– Тогда за тебя! – и Филиппо выпивает свой бокал.

Пока мы весело выпиваем, закусывая тартинками и волованами, делаю вид, что меня интересуют фривольные разговоры вокруг меня, и продолжаю улыбаться. Алкоголь начинает действовать, чувствую себя легко и расслабленно – как раз то, чего я хотела. Потом вдруг случайно задеваю бутылку вина и заливаю платье сидящей напротив девушки. Официант бросается устранять катастрофу, в то время как мои собеседники, к счастью, не обращают внимания на мое смущение и принимают недоразумение как повод для еще одного тоста. Хотя девушке, похоже, не очень весело, она сверкает на меня глазами.

– Тебе очень идет, но дело не только в платье. Ты изменилась, Биби. Как будто расцвела.

– Биби, все в порядке? Ты, похоже, перебрала... – шепчет мне

Филиппо с беспокойством.

– Чуть-чуть, – отвечаю, прикладывая руку к виску. Боюсь, я не так хорошо переношу алкоголь, как думала. – Я просто ужас, правда?

– Прекрасный ужас! – он подмигивает мне. – А та девушка оказалась стервой!

«Как хорошо, что он здесь!» – думаю в парах алкоголя. Как приятно, когда тебя ценят и заботятся о тебе, даже если ты что-нибудь натворишь. Только с Филиппо я так себя чувствую.

В это время Гайя уже поднялась и дошла до центра зала вместе с остальными соседями по столу. Диджей только что поставил танцевальную музыку, которая ей так нравится: Дэвид Гетта или нечто вроде того. Моя подруга двигается с невероятной грацией, затаенная в мини-платье из шифона с блестками, ее волосы слегка вьются от влажности, щеки отсвечивают розовым перламутром. Мне тоже хочется танцевать, и хотя я обычно этого не делаю, сейчас решаю присоединиться к танцующим. Тащу за собой Филиппо, несмотря на его протесты.

– Никаких возражений! – говорю ему приказным тоном и тяну за рукав.

Мне в голову приходит знаменитый вечер в школе танго, который закончился совместным оттаптыванием ног, я знаю, что Филиппо тоже думает об этом, неловко двигаясь на месте и безостановочно улыбаясь мне. Начинаю громко смеяться, я действительно больше не в состоянии себя контролировать. Филиппо спрашивает, что со мной, но я не могу даже ответить. Это внезапное, бессмысленное, отчаянное веселье. Гайя тоже замечает это, забавляясь, подходит поближе и берет меня за руки.

– Эле! Ты уже пьяная?

– Надеюсь, что да, – отвечаю, вытирая слезы. Слезы счастья или отчаяния – в этот момент я не знаю.

* * *

За несколько минут до полуночи мы все поднимаемся на террасу, чтобы посмотреть на салют. Мне всегда нравилось не только смотреть на него, но и запускать петарды. Я помню, как в детстве в конце года тратила все сбережения из розовой свинки на покупку петард и вертушек. А потом вместе с папой мы веселились, как ненормальные, запуская их в небо. Знакомые всегда говорили, что это занятие не для девочек, но моему отцу не было до этого никакого дела, а я была счастлива разделять моменты

праздника с ним.

Чернота ночи немного расступилась, видны звезды. Отсюда сверху очень живописный вид, кажется, что мы находимся в пространстве между водой, землей и небом. Наступил момент отсчета. Гайя и Якопо пробираются вперед, поближе к шпилям здания, а мы с Филиппо остаемся сзади, в более укромном уголке.

– Пять!

Филиппо крепко обнимает меня за талию.

– Четыре!

Я приближаюсь к нему.

– Три!

Он смотрит на меня.

– Два!

Приподнимаю лицо.

– Один!

Его губы в нескольких сантиметрах от моих.

– С Новым годом! – Мы говорим это вместе и позволяем нашим губам найти друг друга. Это первый настоящий поцелуй за вечер, и в нем вся та нежность, которую я забыла. Филиппо открывает бутылку «Moët&Chandon», которая была у него в руках, и мы отпиваем несколько глотков прямо из горлышка, в то время как огни салюта освещают город и канал у наших ног. Любуемся ими в молчании.

Каким бы восхитительным ни был этот вечер с Филип-по, как бы я ни старалась, у меня в голове только одно желание: Леонардо.

– Наступил момент загадать желание, – вдруг шепчет мне Филиппо.

– Хорошо, – закрываю глаза, чтобы сосредоточиться. Каким бы восхитительным ни был этот вечер с Филиппо, как бы я ни старалась, у меня в голове только одно желание: Леонардо. И когда я снова открываю глаза, мне хочется плакать.

– Загадала? – спрашивает Филиппо.

Киваю и избегаю его взгляда. Беру у него из рук бутылку и отпиваю глоток.

– А ты? Загадал? – спрашиваю, стараясь улыбнуться.

– А мне и не нужно загадывать, мое желание уже здесь, – говорит он, обнимая меня и снова целуя.

Мне хочется умереть. Я самая подлая тварь, какую только можно себе

представить. И я концентрируюсь на этом новом поцелуе всей своей сущностью, наполняя его той силой, с какой хотела бы попросить у Филиппо прощения.

Филиппо притягивает меня к себе, прижимая к груди. Мы стоим так – не знаю сколько: мне кажется, что я побывала в долгом путешествии, из которого уже вернулась. Салют закончился, и многие уже снова спустились вниз, лишь несколько человек задержались на террасе. Чувствую, как тепло Филиппо смешивается с моим, под одеждой наши тела близки, и кровь начинает бурлить у меня в жилах. Возможно, я перевозбуждена от алкоголя, но внезапно на меня находит безумное желание заняться с ним любовью. Не понимаю: действительно ли это желание или злость, это радость или отчаяние? Знаю только, что сегодня ночью я хочу забыть обо всем и снова быть с Филиппо. О последствиях подумаю завтра.

Поэтому обнимаю его и начинаю страстно целовать, заполнив его рот языком и запустив руку ему между ног.

Но Филиппо отклоняется и смотрит на меня с недоумением.

– В чем дело? Ты не хочешь? – спрашиваю.

– Хочу, конечно... – отвечает он, оглядываясь вокруг.

– Ну и?.. – шепчу, подталкивая его в самый темный угол террасы.

– Биби, на нас смотрят, – я знаю, что ему нравится, но он слишком стесняется.

– Ну и пусть смотрят! – беру его руку и кладу себе на грудь.

– Да что с тобой такое сегодня вечером? – говорит он, а его зеленые глаза горят огнем, которого я никогда не видела.

– Со мной то, что я тебя хочу! – говорю вызывающим тоном и спускаю с плеча лямку платья, оставляя приоткрытой грудь.

– Да ты что? Прикройся! – Он ошеломлен, раздосадован и в спешке прикрывает меня.

– Ну почему ты такой зануда? – я расстроена и злюсь.

Леонардо никогда бы меня не остановил. Леонардо никогда бы так мне не сказал. Леонардо взял бы меня прямо здесь, у этой стены. Леонардо, Леонардо – черт, я ни о чем другом не могу думать! «Почему ты не делаешь ничего, что поможет мне забыть его?!» – хочется мне крикнуть Филиппо в лицо.

Теперь я хочу его словно назло, его отказ возбуждает. Меня тянет шокировать Филиппо, поставить лицом к лицу с иной Эленой.

– Ты совсем напилась, – говорит он, убирая прядь волос с моего лица. Фил намного сексуальней, когда злится, подбородок становится тверже.

Теперь я хочу его словно назло, его отказ возбуждает. Меня тянет шокировать Филиппо, поставить лицом к лицу с иной Эленой, которая больше принадлежит не ему, а другому. Расстегиваю ему ремень нетерпеливыми пальцами.

– Ну давай же, Фил! Ты хочешь меня или нет?

Он останавливает мои руки, сжимая запястья.

– Елена, перестань! Это уже перебор! – Он *никогда* не называл меня Елена. И выглядит действительно шокированным.

– Так давай переборщим! – отвечаю с нетерпением. – Ты не можешь расслабиться хотя бы раз?!

– Прекрати, я сказал!

– В чем дело? Тебе надо подумать? Нам нужно время и для этого тоже? – Теперь я разозлилась и не могу остановить поток слов, который срывается с моих губ. – А где же страсть, Фил? Ты никогда не принимаешь нерациональных решений, между нами никогда не было никакого сумасшествия. Все всегда заранее продумано!

Ну вот, я сказала это, и уже сожалею. Филиппо смотрит на меня, не веря услышанному.

– Я провел в пути шесть часов, чтобы увидеться с тобой! – говорит он, бледный, со сжатыми зубами. – Я думал, между нами что-то большее, чем просто желание трахнуться на террасе отеля.

Сжимаю лицо руками. Теперь мне смертельно стыдно.

Он отходит на несколько шагов с потухшим взглядом. Он не хочет больше даже касаться меня.

– Я не знаю, что с тобой произошло за это время, Елена. Но я тебя не узнаю. И то, что я увидел сегодня вечером... мне не нравится.

Поворачивается, чтобы уйти, но я удерживаю его за руку:

– Извини, я не хотела...

Он высвобождается.

– Еще как хотела! – смотрит на меня ледяным взглядом, кулаки сжаты. – Ты сказала то, что думала, ясно и четко. Счастливого Нового года, – потом бегом спускается по лестнице, ведущей к выходу.

Я уже не могу остановить его, да и не пытаюсь. Прислоняюсь без сил к стене, голова кружится, изнутри поднимаются рвотные позывы, но мне удается удержаться. Делаю несколько глубоких вдохов и неуверенными шагами возвращаюсь к нашему столику. Теперь я тоже собираюсь уйти, нет смысла оставаться. Нахожу сумку и быстро прощаюсь с Гаей и

Брандолини, не дав объяснений. К счастью, Гайя еще пьянее меня и не заметила ни исчезновения Филиппо, ни моего ужасного состояния. Повторяет еще раз «С Новым годом!» и, ущипнув за попу, отпускает меня.

* * *

Ну вот я здесь – одна в своей квартире в 3 часа утра 1 января в паршивом настроении. Обруч боли сжимает голову и не дает покоя. Отличное начало года, ничего не скажешь... Без Леонардо. А теперь и без Филиппо. И что я совершила, чем заслужила все это? Чувствую себя уставшей и опустошенной. Я уже сделала свой выбор, но судьба развлекается, раздавая мне пощечины. Алкоголь плещется в желудке. Пытаясь заглушить похмелье, нахожу кусок хлеба и проглатываю его, даже не подумав, сколько времени он уже здесь лежит. Иду в ванную, включаю воду, капнув в нее несколько капель ароматного масла. Выливаю чуть больше, но не придаю этому значения. Пока жду, когда ванна наполнится, возвращаюсь в комнату, взгляд останавливается на новогодней елке с еще горящими огнями. Сажусь на пол и смотрю на нее. На одном из шариков читаю строки:

*«Ненавижу и люблю. Ты спрашиваешь, как это возможно.
Я не знаю, но чувствую, что это так, и не нахожу покоя.
Катулл».*

Мне хочется плакать, к горлу подкатывает ком. Я просто сентиментальная дура с красными глазами, маленькая девочка, которая решила играть в женщину и все только испортила.

Вот она, новая Елена. Одинокая, запутавшаяся и полная чувства вины. Сама себе жертва и палач.

Высвобождаюсь из мятого платья и этого дурацкого красного кружевного белья, бросаю все на пол и возвращаюсь в ванную комнату. Медленно погружаюсь в ароматную пену с головой, растворяя слезы в воде.

Вот она, новая Елена. Одинокая, запутавшаяся и полная чувства вины. Сама себе жертва и палач.

Глава 14

Каникулы наконец закончились. Я оставила позади старый год с благодарностью, но без сожалений. Несмотря на то что новый год начался катастрофически, мне нужно смотреть вперед. Я постаралась избежать обычного списка благих начинаний, но пообещала себе, что это будет год смелых решений.

Прежде всего я хочу найти интересную работу. Я прошла несколько собеседований, но мне кажется, что в Венеции в данный момент нет ничего стоящего. И тогда я позвонила профессору Боррачини. Она – директор Института реставрации, и с ней я до сих пор сотрудничаю. Боррачини предложила мне проект в Падуе – участвовать в реставрации Капеллы Скровеньи ^[51] вместе с группой под ее руководством. Престижная работа для резюме, но мне придется ездить каждый день туда и обратно на поезде, поэтому нужно хорошенько обдумать все после собеседования.

Потом я записалась в спортзал: непонятно, откуда у меня взялась смелость. Теперь по вторникам у меня пилатес, а в понедельник и четверг – уроки зумбы. Разумеется, лучше у меня получается пилатес (возможно, потому, что делать там особенно нечего, кроме растяжки на месте). Конечно, я не образец гибкости, но теперь хотя бы способна дотянуться до пальцев ног. Про курс зумбы я лучше промолчу. Пойти туда меня убедила Гайя, и я проклиная день, когда согласилась на это. Тренерша сумасшедшая. И потом, я чувствую себя нелепо посреди этой орды теток, которые виляют задом и дергаются в такт бешеному ритму. И я отстаю как минимум на полтакта. Каждый раз я заканчиваю занятие хрипя и задыхаясь, но нужно признать, что ощущаю легкость и приятную усталость, меня даже веселит моя собственная неловкость.

А вот на сентиментальном фронте ситуация застыла.

После той ужасной новогодней ночи Филиппо больше не связывался со мной. Гайя настойчиво продолжает спрашивать меня о мотивах нашей отдаленности, а я ухожу от ответа, говоря что-то неопределенное. Я сказала ей, что мы решили пока сделать перерыв, не рассказывая о том, что я натворила и что *именно мое* поведение привело к разрыву. Я действительно вела себя непростительно с Филиппо, думаю, что я сказала ему все это только потому, что неосознанно стремилась оттолкнуть его от себя, заставить его ненавидеть меня. И в конце концов этого добилась. Понимание, что между нами все кончено, еще даже не начавшись,

оставляет горький привкус во рту. У меня в голове постоянно крутится мысль о том, что я потеряла возможность быть счастливой, но сейчас я все равно не могу ничего поделать, мое сердце устремлено в ином направлении.

Конечно же – к Леонардо. Я уже не знаю, как сдержать сумасшедшее желание позвонить ему, но удержаться – это единственный способ его вернуть. Время, которое разделяет нас, иногда кажется невыносимым, но я продолжаю надеяться: праздники уже давно закончились, и я знаю, что скоро он вернется. И мы снова будем вместе, я и он, хотя и на прежних условиях. Но порой лучше вообще не думать об условиях.

* * *

Я только что вернулась из спортзала, чувствую себя летящей: все токсины, накопившиеся в моем теле, вышли с потом на тренировке, которая свалила с ног даже Гайю. Сегодня вечером я могу обедать, не чувствуя вины. Готовлю себе трамедзини ^[52]с руколой и брезаолой (да, мясо уже не проблема), а еще пару с бри и орехами, и пару с горгонзолой и артишоками – по два каждого типа. Наполняю их щедро, как делают в «Толлетта» – венецианском баре, где готовят самые вкусные в мире трамедзини.

Я уже не знаю, как сдержать сумасшедшее желание позвонить ему, но удержаться – это единственный способ его вернуть.

Уже скоро восемь вечера, раздается звонок домофона. Кто это может быть? Я никого не жду. Оставляю на разделочной доске нож, измазанный бри, и, облизывая пальцы, иду к двери, чтобы ответить.

– Да? – спрашиваю

– Это Леонардо! – сильный уверенный голос. Его голос.

Боже, мне сейчас станет плохо. Бросаю взгляд в зеркало на стене. Выгляжу ужасно: рваные джинсы, шерстяные тапки и толстовка «Адидас» с разошедшимися швами, которую я ношу дома еще со времен лица. Хорошо хоть я не успела надеть фланелевую пижаму с северными мишками.

– Леонардо? – спрашиваю, чтобы удостовериться, что мне это не приснилось.

– Да. Откроешь?

Первая мысль – попросить его подождать, пока я переоденусь. Но смысла нет – мне нужно пару часов, чтобы полностью преобразиться.

– Поднимайся! – нажимаю на кнопку домофона и бегу в ванную, чтобы хотя бы припудриться. Мои волосы Гайя назвала бы непрезентабельными, но времени нет. Поэтому завязываю их в подобие хвостика.

Он поднимается по лестнице.

Я не думала, что он появится вот так, даже не позвонив предварительно. Я не готова. Сердце рвется из груди, ноги дрожат, но я должна выглядеть спокойной и уверенной в себе: не хочу, чтобы Леонардо понял, как мне его не хватало, хотя он, возможно, уже и так это знает, и притворяться бессмысленно.

Открываю дверь, стараясь изобразить удивление.

– Вот так сюрприз...

– Которого ты ждала! – говорит он, сводя на нет все мои усилия. Он безумно сексуальный: двух-дневная щетина, растрепанные волосы и загорелая кожа.

– Заходи! – говорю, приглашая его внутрь кивком головы и сдерживаясь изо всех сил, чтобы не повиснуть у него на шее.

Делает несколько шагов по направлению к большой комнате, ставит на пол свой рюкзак цвета хаки и касается моей щеки легким, рассеянным поцелуем, оглядываясь вокруг.

– Ну и как ты провела время без меня?

– Хорошо.

– Лгунья!

Притягивает меня к себе и целует снова и снова. Переходит на шею, потом, с силой сжимая мое лицо ладонями, подталкивает меня к столешнице кухни, проникает в мой рот языком. Леонардо, почему ты не позволяешь поймать тебя, почему не хочешь быть моим? Как же мне не хватало этих жадных губ, этих сильных рук, этого тела, пахнущего амброй и жизненной силой. Ну почему я не могу получать все это каждый раз, когда мне хочется?

Не могу себя сдерживать и так же страстно отвечаю на его ласки.

– Это ты так ешь? – вдруг спрашивает он, высвободившись из объятий, после того как увидел на столе доску с куском хлеба, смазанным бри.

– Да, обожаю трамедзини по-венециански.

Леонардо качает головой со снисходительной улыбкой. Возможно, он и шеф-повар высшего класса, но никто не имеет права насмехаться над моими трамедзини.

– Поверь мне, они очень вкусные, – настаиваю с убеждением.

Леонардо начинает смеяться, как будто я только что сказала что-то абсурдное.

– Ну посмотрим, действительно ли они такие вкусные, – говорит с придыханием, имитируя мой голос, потом вонзает зубы в трамедзини с бри и орехами, медленно пробуя на вкус.

Я чувствую себя как на экзамене, словно участница программы «МастерШеф» [\[53\]](#), которая вот-вот выйдет из игры. С той лишь разницей, что Леонардо, кроме строгости, еще и невообразимо сексуален, и это только больше обязывает.

Он смотрит на меня взглядом, который не обещает ничего хорошего. Потом вздыхает и притягивает к себе, обнимая за талию.

– Молодец! – комментирует он, облизываясь. – Наверное, стоит взять тебя в помощники.

– Спасибо, но у меня уже есть работа. Ну, почти есть... – отвечаю я, а он шлепает меня по попе. – Если ты голоден, там есть еще и другие... – говорю, указывая на разделочную доску.

– Отлично! – отвечает он.

Снимает кожаную куртку, и мы идем к дивану. Он двигается с абсолютной уверенностью, а мне, наоборот, кажется странным, что он здесь, у меня дома. Это впервые. Наверное, он запомнил дорогу, еще когда спасал меня от наводнения.

Леонардо берет трамедзини с руколой и брезаолой. А я откусываю кусочек того, что с горгонзоллой и артишоками. Жую с неохотой, есть мне уже не хочется. Я хочу только его.

– Ты что, не голодна? – спрашивает он.

– Конечно, голодна, – вру без стеснения. Потом внезапно мне в голову приходит идея. – Я принесу нам что-нибудь выпить? У меня есть бутылка «Дом Периньон»...

– С каких это пор у тебя алкоголь в холодильнике? Ты себе ни в чем не отказываешь, синьорита... – комментирует, кивая головой в знак согласия.

Поднимаюсь с дивана и под предлогом похода на кухню быстренько забегаю в туалет. Спускаю трусики, чтобы проверить, все ли в порядке. Вздыхаю с облегчением. Грудь распухшая – месячные на подходе. Было бы жаль, если бы именно сегодня вечером... Поправляю хвост перед зеркалом, ну или хотя бы делаю попытку, потом беру шампанское и возвращаюсь в гостиную.

– А вот и я! – ставлю «Дом Периньон» на столик и ищу два бокала. Леонардо провожает меня взглядом, открывая бутылку.

– Все в порядке? – спрашивает, когда я подаю ему бокалы.

– Да, – отвечаю, снова усаживаясь на диван. Неужели так видно, что я от счастья из штанов выпрыгиваю? Ускоренный курс маскировки, которому я предавалась в последнее время, похоже, не дал особых результатов: скрыть эмоции, которые он во мне вызывает, просто невозможно. – За что пьем? – спрашиваю я.

Ускоренный курс маскировки, которому я предавалась в последнее время, похоже, не дал особых результатов: скрыть эмоции, которые он во мне вызывает, просто невозможно.

– За нас! – отвечает Леонардо, глядя мне в глаза и чокаясь своим бокалом со мной. Потом поднимается и достает из рюкзака белый пакет.

– Это для тебя, прямо из Сицилии, – говорит он, протягивая мне пакет. Подарок. Я этого никак не ожидала.

– Спасибо, – бормочу в растерянности, – а я тебе ничего не приготовила...

– Открывай скорее, – резко обрубает Леонардо.

Открываю упаковку с моей обычной медлительностью. Похоже, она скрывает что-то мягкое.

– Как прошла поездка? – спрашиваю тем временем.

– Очень хорошо, – сухо отвечает он. Его взгляд смотрит в пустоту (возможно, я ошибаюсь, но он кажется немного грустным). Похоже, его привязывает к тем краям нечто большее – неведомое мне.

Разворачиваю второй слой бумаги, и уголок гладкой ткани появляется перед моими глазами. Достая и прикладываю к груди, как настенный плакат. Опускаю глаза, чтобы полюбоваться – это восхитительный плащ из черного шелка, с капюшоном, отделанным черным атласом.

– Это армушину ^[54], – объясняет Леонардо, прежде чем решаюсь спросить. – Ручная работа. Давным-давно женщины Сицилии надевали его, чтобы выйти из дома, но сейчас армушину сложно найти.

– Он потрясающий! – комментирую, прижимая плащ к груди. Наверное, это действительно что-то редкое. Перед глазами проплывают сцены из картин Торнаторе: я никогда не была на Сицилии, поэтому его фильмы для меня единственный источник.

– Его носили в двух вариантах, – Леонардо набрасывает мне плащ на плечи, – с опущенным капюшоном, отправляясь по делам, либо с поднятым капюшоном (и он покрывает мне голову), – на службу в церковь и при визитах к важным персонам.

Улыбаюсь. В этой накидке я чувствую себя матрешкой, но никак не Моникой Белуччи в «Малене».

Леонардо расправляет на мне накидку, как стилист, готовящий модель, потом смотрит с восхищением, ему тоже нравится.

– *As sabinidica* ^[55], донна Элена. Тебе очень идет.

Не зная, что ответить, приседаю в легком поклоне. Он приближается и берет за полу.

– Но тебе еще лучше совсем без одежды, – шепчет он мне на ухо.

Он снимает с меня плащ, потом толстовку, футболку. Легонько дует на голые груди, и соски сразу же становятся твердыми. Садится на диван и, повернув меня, усаживает в пространство между своих ног. Я позволяю его умелым рукам массировать меня, чувствую его пальцы, поднимающиеся к шее, потом они спускаются к бедрам, рисуя округлости вдоль позвоночника. Когда он нежно трогает мои груди, тело пронзает волна дрожи.

– У тебя такой приятный запах, сладкий, – его нос зарывается в ямку на шее. Под обжигающими движениями его языка чувствую, как кровь разгорается в венах, умираю от желания. – Мне тебя не хватало, Элена.

Целует меня в затылок, прижимаясь грудью, щеками, губами к моей спине. Замирает на какое-то время. Потом я поворачиваюсь, не в состоянии больше противостоять зову его губ. Снимаю с него свитер через голову, сажусь на колени и продолжаю целовать его, пока он не опрокидывает меня под себя. Руками он берет меня под бедра, и в мгновение его губы снова скользят по мне, с жадностью кусая мою киску через ткань джинсов. Зарываю пальцы в его волосы, постанывая, неумолимая волна удовольствия разливается по всему телу. В этот момент он приподнимает меня и закидывает на плечо, как мешок. Я свисаю вниз головой, держась за карманы его джинсов, чтобы не упасть, но в его сильных руках чувствую себя уверенно.

– Ты куда меня несешь? – спрашиваю, смеясь.

Он направляется в коридор с такой уверенностью, как будто всегда знал мою квартиру.

– Хочу увидеть твою спальню.

Входит в полуоткрытую дверь и бросает меня на кровать.

– Симпатично, мне нравится, – комментирует он, оглядываясь по сторонам и сжимая мне сосок.

Мое сердце вот-вот разорвется, желание пронизывает все тело. Он срывает с меня джинсы и трусики, потом медленно начинает лизать, снизу вверх, прокладывая дорогу к клитору. Я горю. Он хочет меня неистово,

такой страсти я никогда не видела ни в ком другом, это мне говорят его губы, опытные и неутомимые.

– Элена, ты такая аппетитная, я чувствую вкус теплого хлеба, а внутри – соли, – его язык ненасытно проталкивается внутрь.

Я будто растворяюсь, а от всего моего тела остались только гениталии, пронизываемые судорогами и дрожью вожделения.

Он приподнимается, глаза полны желания, мышцы груди напряжены. Быстро освобождается от одежды. Блокирует мои запястья руками, проникает в меня толчком, полным страсти и нетерпения, и начинает двигаться в ускоренном ритме, задыхаясь.

Я попадаю в другое измерение, как молекула, участвующая в алхимическом превращении. Наши сплетенные тела совместно вырабатывают интенсивный сгусток энергии. Кажется, наше расставание усилило желание, давая нам возможность пережить нечто ошеломляющее, мощное, приводящее в замешательство.

Леонардо переворачивает меня, я подчиняюсь, хватаясь за изголовье кровати. Вскрикиваю безостановочно и двигаюсь ему навстречу, чувствуя его руки на своих бедрах и член внутри меня. Он вошел в выматывающий ритм, я больше не могу это выдержать.

– Ты моя, Элена, – приговаривает, поглаживая мне ягодицы, и входит в меня еще глубже, давая начало моему оргазму.

Я не могу перестать кричать, в то время как изголовье бьется об стену. Проваливаюсь в водоворот оргазма, чувствуя дрожь каждого мускула, кровь, приливающую в голову до головокружения. Леонардо следует за мной, прижимаясь ко мне крепко, пока мы оба не падаем без сил на простыни, он заключает меня в объятия.

Наше расставание усилило желание, давая нам возможность пережить нечто ошеломляющее, мощное, приводящее в замешательство.

Лежу, прижавшись к его груди, и люблюсь его телом, вдыхаю его опьяняющий запах. Чувствую себя полностью растворенной в нем.

– Наверное, Клелия нас слышала... – бормочу я.

– Кто такая Клелия?

– Соседка, – отвечаю я.

«Да уж, я наделала шуму больше, чем ее кошки в период течки», – думаю, улыбаясь.

– Не знаю, что там скажет Клелия, а мне нравится слышать, как ты

кончаешь, – Леонардо проводит мне пальцем по носу, глядя полными удовлетворения глазами.

Не надо так, Леонардо... Мне хочется приласкать тебя, но я не могу поддаваться нежности.

Позволяю пальцам скользнуть в заросли на его груди.

– А как насчет теплой ванны? – спрашиваю, озаренная внезапной идеей.

– Почему бы и нет...

Собираюсь подняться, но он останавливает меня.

– Лежи, я сделаю, – он поднимается, и мои глаза наслаждаются видом его скульптурно вылепленного тела. Мне нравится, что он всегда берет инициативу в свои руки, мне нравится, что он здесь. Мне все в нем нравится. Кроме того, что он никогда не сможет стать моим.

* * *

Я еще в состоянии сладкой полудремы, когда Леонардо возвращается в спальню с лукавой усмешкой.

– А это еще что?

О боже, вибратор! Он нашел его в шкафчике, где брал пену для ванны. Нееееет! От стыда мне хочется спрятаться под простынями.

– Это Гайя мне подарила! На Рождество, – оправдываюсь.

Леонардо трясет головой, смеясь.

– Ты им уже пользовалась? – приближается к постели. Этот холодный предмет в его руках принимает невероятно эротичный вид.

– На самом деле, нет.

– Почему нет?

– Не знаю, думаю, мне не понравится.

– Думаешь? – он бросает на меня красноречивый взгляд, присаживаясь на постель рядом со мной.

Я еще не отошла от предыдущего оргазма, этот мужчина доведет меня до смерти! Он поглаживает меня между ног, скользя пальцами вверх-вниз. Раздвигаю ноги, снова готовая принять его, и внезапно чувствую себя наполненной чем-то, похожим на стекло. Ледяное и гладкое, двигается быстро, доводя меня до стонов. Леонардо проталкивает его глубже, погружает внутрь и выводит наружу, потом включает вибрацию. Это новое чувство, полное, возбуждающее, как все то, что я делаю вместе с ним. Смотрю на него, распахнув глаза. Он отсвечивает под светом лампы.

Ощущение этого безжизненного предмета внутри моего живого тела отталкивает, но, непонятно почему, мне это нравится.

Леонардо вынимает его из меня и кладет мне в руку.

– Продолжай сама, Елена, – говорит, взяв член рукой. – Я хочу посмотреть, как ты это делаешь, – его глаза снова полны желания.

Исполняю, как под гипнозом, у меня нет сил противиться ему. Кристалл одаривает меня сладострастным удовольствием, усиленным от взгляда Леонардо. Я уже ничего не понимаю, я безоружна. Голова кружится, в руках нет сил. Он смотрит на меня некоторое время, потом освобождает меня от игрушки, берет за бедра и с силой проникает в меня. Я стону, еще сильнее прежнего.

– Это тебе больше нравится, правда? – шепчет он.

Мои стоны красноречивее любых слов.

Он оставляет меня и, держа за руку, отводит в ванную. Вода уже почти достигла краев. Леонардо наклоняется закрыть кран и бросает в воду шипучий шарик с ароматом пачулей, который растворяется на множество пахучих пузырьков. Молодец, Леонардо, ты всегда знаешь, что мне нравится.

Делаю глубокий вздох и погружаюсь первой, ныряя под пену. Он пожирает меня голодным взглядом и устраивается напротив, выплеснув немного воды. Ванна у меня маленькая, поэтому мы касаемся друг друга, ноги переплетаются.

Его глаза загораются желанием, и он приближается для поцелуя, берет мое лицо обеими ладонями и овладевает моими губами.

– Иди сюда! – рычит, сажая меня к себе на колени. Потом поглаживает маленькую родинку под грудью и улыбается. – Каждый раз, как я думаю о тебе, думаю и о ней тоже.

Теперь я снова чувствую его, он внедряется в лоно моего влажного пожара. Потихоньку опускаюсь и, когда он заполняет меня всю сильным толчком, изгибаю спину в стоне. Потом прижимаю его голову к груди, предлагая соски. Я хочу почувствовать его губы на мне и хочу, чтобы он понял, насколько сильно мое желание.

Мы двигаемся в унисон в узком пространстве, кожа мокрая и скользкая, глаза увлажнены от оргазма, жадные рты ищут страсти. Вокруг нас вода плещет волнами.

Новый оргазм взрывается во мне, захватывая душу и тело. Я поглощена своими эмоциями, чувствую, что и он теряет контроль. Мы кончаем вместе, страстно целуясь.

Я принадлежу ему, а он – мне. По крайней мере на эту ночь.

Ванная комната полна пара, вода постепенно становится прозрачной, пена уже рассеялась. Мы остаемся в ванне. Я лежу спиной у него на груди, удобно устроившись на его бедрах, как в мягкой колыбели.

– А знаешь, Элена, ты изменилась, – говорит он, поглаживая мои волосы.

– В каком смысле?

– Ты по-другому занимаешься любовью: раскованнее, сексуальнее.

– Это ты меня изменил.

– Может быть. Отчасти. Я просто вытащил наружу то, что уже было в тебе.

Это неожиданный комплимент, он наполняет меня нежностью и гордостью. Не зная, что делать, я прикрываюсь сарказмом:

– Ну тогда, профессор, в июне у меня, наверно, будет зачетная сессия?

В ответ он рукой погружает мою голову под воду, я выныриваю с криком и набрасываюсь на него, кусая за руки. Дружно хохочем.

Потом он приподнимает меня и проводит губкой по спине, массируя. Леонардо может быть очень нежным. Закрываю глаза и расслабляюсь, укачиваемая его руками и звуком капель, медленно падающих в воду.

– Останешься на ночь? – слова вырываются спонтанно, я не успеваю их остановить. Боюсь, я допустила серьезную ошибку, такому, как он, подобные вопросы не задают.

– Да.

Раскрываю глаза. Такого ответа я не ожидала. Обычно любовники не остаются на ночь. Я поворачиваюсь к Леонардо, желая убедиться, не шутит ли он.

– Для меня это не проблема, если и для тебя тоже...

Ну конечно. Никакие заведомые правила на Леонардо не распространяются.

Дарю ему чувственный поцелуй. Думаю, я никогда прежде так его не целовала. Словно он мой мужчина, а я его женщина, и нет никакого дьявольского соглашения, которое объединяет – и разделяет нас.

Я никогда прежде так его не целовала. Словно он мой мужчина, а я его женщина, и нет никакого дьявольского соглашения, которое объединяет – и разделяет нас.

Я не должна влюбляться в него, но сейчас не хочу испортить эти счастливые мгновения ненужными мыслями. Надо просто жить настоящим моментом.

Мы ложимся в постель, вкусно пахнущие и согревшиеся после долгого купания. Леонардо здесь, в *моей* кровати, и он здесь ради меня. Обнимаю его под одеялом, счастливо думая, что завтра утром мы проснемся рядом.

Заснуть сразу не получается, мы еще какое-то время вертимся в постели, ищем друг друга ненасытными поцелуями, обнимаясь крепко-крепко, будто хотим запечатлеть друг друга полностью, даже дыхание. Потом без промежуточной полудремы погружаюсь в глубокий сон.

* * *

В шесть сорок пять раздражающий звонок телефона вырывает меня из плена заслуженного отдыха. Открываю глаза и беру телефон в руку, возвращаясь к реальности. Черт! Собеседование с Боррачини! Мне нужно быть в Падуе через два часа. Я сама попросила маму позвонить мне и разбудить, как обычно, если мне надо рано встать.

Отвечаю шепотом, стараясь, чтобы Леонардо меня не услышал.

– Мама, привет! – бормочу сонным голосом, проходя на цыпочках в гостиную.

– А почему ты так тихо говоришь? – спрашивает мама.

– Да, наверное, не ловит здесь, – забываю, что говорю по домашнему телефону, а не по мобильному, но, к счастью, она не разбирается в некоторых тонкостях техники.

– Ну что, ты проснулась? Когда у тебя поезд?

«Не знаю, мама, я еще даже не поняла, где нахожусь».

– В восемь, – отвечаю, стараясь припомнить.

– Ты успеешь?

– Да, успею, конечно.

– Просто будь собой и покажи себя по максимуму, как всегда. Удачи, солнышко!

– Спасибо. Пока!

Возвращаюсь в спальню, босые ноги шлепают по холодному полу, утренние мурашки разбегаются по еще теплой коже иголочками. Надеваю шерстяной безразмерный свитер.

Леонардо открывает на мгновение глаза и тут же закрывает их, раздраженный лучом света, проникающим из окна.

– Это телефон звонил? Сколько времени? – спрашивает он, просыпаясь. Он весь помятый, но мне он нравится и таким. А вот я, наверное, кажусь монстром со спутанными волосами и мешками под

глазами.

– Еще рано, но мне надо уходить. У меня назначена встреча по работе. Ты спи спокойно, – я не закончила это говорить, как меня пронизывает судорога воспоминания. Понимаю, что уже пережила подобную ситуацию несколько месяцев назад, с Филиппо. Только сейчас стороны поменялись местами.

Прогоняю от себя эту мысль и, пока Леонардо еще досыпает, открываю шкаф. Быстро выбираю, что надеть, и с одеждой в руках шныряю в ванную. Приталенная белая рубашка «Гермес», черные прямые брюки, кардиган антрацитового цвета и черные сапоги с каблуком три сантиметра. Покрываю мешки под глазами корректирующим кремом, немного румян и блеска для губ, потом собираю прядки с висков на затылок: вид приличной девушки. Молодец, Елена, хоть ты уже даже и не помнишь, что значит быть приличной девушкой...

Возвращаюсь в комнату за пальто и сумкой и осознаю, что Леонардо смотрит на меня, лежа на постели со скрещенными за головой руками и широко раскрытыми глазами.

– Я не знаю, когда вернусь, – объясняю, приближаясь, – но ты можешь оставаться сколько хочешь.

– Я тоже скоро пойду, – неохотно отвечает он охрипшим голосом. Потом берет меня за руку и принуждает присесть на край постели.

– Прихлопни дверь, когда будешь уходить, чтобы замок закрылся, – продолжаю я.

– Ты всегда такая красивая с утра пораньше? – он даже не слушает меня, притягивая к своим губам.

Я оставляю на них след своего блеска для губ, и внезапно Леонардо становится смешным, я никогда не видела его таким.

– Пока, – шепчу ему на ухо и убегаю, стараясь не споткнуться или наткнуться на что-нибудь, как обычно.

– Пока, – эхом отвечает он, – хорошего дня.

* * *

Возвращаюсь из Падуи около половины второго. Я пока не решила, приму ли я предложение, которое мне сделали, но счастлива и готова улыбаться всему миру. Это все заметили, даже гарпия Боррачини, которая, увидев меня утром, тепло поздоровалась.

– Добрый день, Елена, вы прекрасно выглядите, – сказала она.

Очевидно, занятия любовью с Леонардо действуют в сто раз эффективнее любых подтягивающих кремов и витаминов. Быстрым шагом иду в направлении дома, полная надежд, в голове крутится романтический фильм с ним в главной роли. Поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, потом тихонько открываю дверь и оглядываюсь. От Леонардо не осталось и следа.

Захожу в спальню. Мечтала бы найти его растянувшимся на кровати в ожидании моего прихода, каким я оставила его сегодня утром. Я по-прежнему хочу его, хочу ощущать его кожу, аромат и его силу. Леонардо нет, но остался его запах. Кровать аккуратно заправлена, сверху разложена шелковая накидка. На подушке – сложенный вдвое лист бумаги.

Открываю его и читаю:

Если удача начинается не с утра, а уже с прошедшей ночи, то день будет потрясающим.

*До встречи,
Леонардо*

Падаю на кровать, прикладывая листок к груди. Смотрю в потолок, улыбаюсь и думаю, что это правда: день начался просто замечательно!

Глава 15

Венеция вот уже много дней наводнена безумием карнавала. Лавки ремесленников и ателье бурлят жизнью, везде – лотки с масками, шляпами и париками всех форм и цветов. Орды туристов прибывают со всего мира. Когда вся эта толпа заполняет город, движение по улочкам и на вапоретто становится невыносимо трудным и медленным. Приходится набраться терпения и привыкнуть к мысли, что, куда бы ты ни направлялся, обязательно опоздаешь, даже если выйдешь с большим запасом времени.

Сегодня последний день карнавала – Мартеди Грассо, и я иду к Леонардо. Теперь я часто бываю у него в палаццо, и мне нравится, что каждый раз меня встречает фреска, как хороший знакомый. Между нами уже установилась своеобразная цепь привычек, которые объединяют нас, не привязывая при этом. Например, его сообщения, которые я получаю время от времени перед встречами, как призыв к развлечению. «Приходи ко мне в пять. Оденься элегантно и возьми накидку. Мы пойдем на закрытую вечеринку», – написал он мне вчера.

Когда я в последний раз надевала карнавальный костюм, мне было двенадцать лет. Я была в костюме Пьеро: раскрашенное лицо и неуклюжесть девочки, которая уже не совсем ребенок, но еще и не вполне женщина. Я очень стеснялась: такая нескладная в этой одежде, взятой напрокат. Помню, что мне удалось по-настоящему повеселиться, лишь когда я забыла, что на мне костюм.

Для сегодняшнего вечера я надела длинное платье из синего шелка и накинула на плечи армуушину, подаренную Леонардо. Не могу дождаться, когда погружусь вместе с ним в эту карнавальную атмосферу, опьяняющую и полную обещаний. Говорят, во время карнавальных вечеринок в некоторых частных палаццо происходит все что угодно. Я никогда не была на таких мероприятиях, и, хотя мне немного боязно, тот факт, что я буду с Леонардо, придает мне уверенности.

Не могу дождаться, когда погружусь вместе с ним в эту карнавальную атмосферу, опьяняющую и полную обещаний.

Приветствую фреску и поднимаюсь в комнату Леонардо. Он заканчивает одеваться, а я смотрю на него, опершись о наличник двери. Он надел черный блестящий смокинг, очень элегантный, а сверху – накидку из

темно-зеленого шелка, очень похожую на мою. Этот костюм придает особенную силу его загадочной красоте.

Он приближается и целует меня.

– Ты совершенство! – говорит, оглядывая меня с восхищением. – Не хватает только одного, – достает из шкафа восхитительную маску Коломбины и прикладывает к моему лицу.

– Потрясающе! – говорю, смотрясь в зеркало: маска закрывает глаза и большую часть лица, открывая только губы.

– Я купил ее у Николао специально для тебя.

Страшно представить, сколько она может стоить. Это настоящая венецианская маска из папье-маше, ручной работы, обшитая ценным белым бархатом и украшенная вышивкой с арабесками. С одной стороны, на уровне виска, крепятся роза из белого шелка и мягкое серебристое перо.

Леонардо завязывает мне ее на затылке, потом надевает свою маску. Его маска полностью белая, без украшений, в стиле Баута [\[56\]](#) восемнадцатого века. Она закрывает ему все лицо, расширяясь книзу.

Мы – уже больше не мы и готовы выйти в мир с новыми лицами.

Вечер серый и влажный, возможно, пойдет дождь, но погода нас не волнует. Внутри меня царит упрямое веселье, и не важно, что волосы от влажности завиваются. Бросившись в толпу, мы пересекаем праздничный город, теряясь в ликовании музыки, цветов, перьев, вуалей, погремушек и громких криков. Студенты Академии изящных искусств, установив мобильные стенды с артистическим гримом, импровизируют и развлекаются, трансформируя лица желающих разноцветными мазками и каскадом перламутровой пудры. Везде царит хаос и взрывная эйфория.

Мы с Леонардо останавливаемся у киоска, где продают блинчики с тыквой. Венецианские блинчики имеют дивный вкус: это та самая сладость, которая не надоедает и которая изо рта проскальзывает напрямую в сердце. Мы идем наугад, позволяя ликующей толпе нести нас или просто следуем вдохновению момента.

Дойдя до площади Сан-Марко, сталкиваемся с Кортелем Марий. Каждый год, в период, предшествующий карнавалу, в городе проводят конкурс среди местных красавиц, чтобы выбрать двенадцать Марий, которые будут участвовать в Кортеле *Марди Гра* [\[57\]](#). В ближайшее время объявят официальную победительницу – «Марию», которой присудят значительную денежную премию. Между венецианками идет жесточайшая борьба за место в этом конкурсе. Вплоть до прошлого года Гайя тоже в нем участвовала. И благодаря своим значительным связям она всегда находила

способ попасть в список 12 финалисток, но ни разу не выиграла (видимо, президент жюри предпочитает брюнеток). Обидно, особенно если учесть, что теперь Гайя не может участвовать – из-за превышения возрастного ценза. К счастью, моя неуклюжесть не допускает даже мысли о конкурсе красоты, а неуверенный характер удерживает меня подальше от любой формы конкуренции.

* * *

Проходя вдоль моста Вздохов, заходим в скрытый переулок и через несколько шагов оказываемся перед входом во дворец Соранцо [\[58\]](#).

– Вечеринка здесь? – спрашиваю, поправляя маску.

– Да, – отвечает Леонардо с демонической улыбкой.

Типичного вида мажордом, одетый в костюм Чумного доктора [\[59\]](#), в маске с длинным носом, похожим на клюв аиста, открывает входные ворота, приглашая войти, и обсыпает нас серебристым конфетти. Кажется, что мы попали в другую реальность, даже конфетти не такие, как снаружи.

Проходим через сад, под навесом. Плющ с широкими листьями захватил стену, украсив ее желтыми и красными оттенками. Некоторые из гостей расположились по окружности внутреннего двора, другие играют в прятки между статуй, запятнанных мхом, смеясь и догоняя друг друга вокруг фонтана с амурами. Здесь все дышит магией, волшебством, соблазном.

Проходим в палатку и сразу же погружаемся в атмосферу сумасшедшей похоти, которая в этих стенах кажется, тем не менее, самой естественной вещью на свете. Нас оглушает шум голосов и звуков. Большинство присутствующих – в масках и навеселе. Мужчины целуют мужчин, переодетых женщинами; девушки без стыда выставляют напоказ грудь и ягодицы; гости танцуют на столах и бархатных диванах. Любовники укрываются в темных уголках, жадно пьют вино из горлышка бутылки, их языки ласкают друг друга, а руки блуждают по телам в порыве страсти. В пору карнавала не существует запретов и ограничений, единственное правило – нарушать все правила. Кто знает, смогу ли я быть на высоте. Я чувствую себя почти незваной гостьей, хотя надо признать – эта атмосфера полной распушенности немного соблазняет меня.

В пору карнавала не существует запретов и ограничений, единственное правило – нарушать все правила.

Завороженные, проходим через комнаты, пока не достигаем центрального зала. На подсвеченной психоделическими огнями сцене установлена консоль диджея. Я узнаю его, это Томмазо Вианелло. Псевдоним – Томми Ви. Когда я училась в лицее, мы часто ходили туда вместе (нам было по пути), я – в первый класс, он – в четвертый. И я была влюблена в него по уши, но так и не набралась смелости признаться в своих чувствах. Я машу рукой, он подмигивает в ответ, хотя вряд ли он узнал меня в маске. Томмазо играет свое самое известное произведение – ремикс «Рондо Венециано». Эту вещь любит Гайя. Правда, и мне она начинает нравиться – не могу устоять, ее ритм заставляет мое тело двигаться. Люди вокруг возбуждаются, движения становятся все более конвульсивными.

В центре зала группа девушек в соблазнительных нарядах неистово предается эротическим танцам, приковывая к себе внимание присутствующих. В скором времени вокруг них образуется круг, и мы все становимся зрителями их импровизированного номера. Леонардо обнимает меня за талию сзади и, сняв маску, прислоняется лицом, заставляя меня двигаться в его руках в ритм музыки. Я не в состоянии оторвать взгляд от девушек, настолько меня это захватывает. Похоже, их танец основан на настоящей хореографии. Одна из них особенно выделяется. Ее нельзя не заметить. Это восхитительный гибрид ангела и прислужницы, современная Саломея с бесстыдно совершенным телом. На ней короткое, полупрозрачное платье из белого тюля, светлые волосы собраны на затылке, среди прядей поблескивает цепочка стразов, которая оканчивается каплей на лбу. Она движется с легкостью, элегантно приподнявшись на цыпочки. Все в ней мягко и свободно, каждое движение завоевывает и чарует.

Потом она снимает маску, открывая взору потрясающие зеленые глаза, подчеркнутые сильным макияжем. Взгляды присутствующих прикованы к ней – все следят за ее движениями. Другие девушки располагаются полукругом, оставляя ее в центре сцены. Саломея рада показать себя, позволяя своему телу бездумно двигаться, просто следуя музыке. Проходя мимо нас, она встречается взглядом со мной и подмигивает Леонардо. Поворачиваюсь и вижу, что он улыбается ей. Я не ревную. Она настолько красива, что мне тоже хочется улыбнуться.

– Ты ее знаешь? – спрашиваю я.

– Ее зовут Клаудия, – отвечает он нейтральным тоном, без иронии. – Иногда она приходит в ресторан.

Мне хотелось бы узнать больше об их встречах, но Леонардо не

оставляет мне времени для расспросов и возвращает мое внимание к танцовщице. Клаудия доходит до статуи арапа в углу зала и начинает соблазнять его виртуозными движениями бедер, словно перед ней живой мужчина во плоти. Потом, взявшись за шею статуи и подпрыгнув на цыпочках, она элегантно усаживается у нее на плече, как королева на троне. Музыка замолкает, и толпа рассыпается в громких аплодисментах, сопровождаемых шумом голосов. Саломея спускается с плеча статуи, проделывает два пируэта и одаривает присутствующих поклоном, в то время как Арлекин проводит ей по лицу красной розой. Она с гордостью подхватывает розу зубами и с улыбкой удаляется.

Бог мой, эта женщина обладает неотразимым магнетизмом, который чувствую даже я! Не решаюсь представить, что думают о ней мужчины. Я покорена, не могу оторвать от нее глаз, а она с лег-костью двигается в нашем направлении, улыбаясь Леонардо.

– Добро пожаловать, Лео! – говорит она с ослепительной улыбкой, касаясь его щеки легким поцелуем. Ее дыхание еще учащенно, и маленькие капельки пота сверкают на коже. Потом поворачивается в мою сторону. – Добро пожаловать и тебе тоже. Как тебя зовут? – богиня заметила мое присутствие.

– Спасибо, очень приятно. Я – Елена, – отвечаю, пожимая ей руку.

– Надеюсь, что вечер вам понравится, – она изучает меня со странным блеском в глазах.

– Конечно, – отвечаю я, растерявшись, – я смотрела, как ты танцуешь. Это было потрясающе... То есть ты – потрясающая.

– Спасибо! – Видно, что она привычна к комплиентам. Она приподнимает мою маску, с любопытством рассматривая мое лицо: – Когда это говорит такая женщина, как ты, это еще приятнее. – Ее слова вызывают во мне странное волнение, которое не могу объяснить.

– У нас схожие вкусы, Лео. И не только в еде, – продолжает Клаудия, подмигивая.

Не думаю, что я правильно поняла смысл сказанного, но вижу, что Леонардо улыбается. Он, похоже, все понял.

– У нас с Эленой есть что покурить, если хочешь, можешь к нам присоединиться.

У нас с Эленой? Покурить?! Я об этом ничего не знаю, но он игнорирует мой вопросительный взгляд.

– У меня сейчас дела, – отвечает Клаудия, но видно, что она колеблется, – потом я вас найду, не пропадайте, – и, одарив нас еще одной соблазнительной улыбкой, исчезает в толпе.

Смотрю на Леонардо в ожидании объяснения.

– Это одна из твоих любовниц? – спрашиваю напрямик. Он приподнимает бровь с насмешливым видом.

– Нет. По крайней мере, до сегодняшнего вечера...

– Что ты задумал? – я уже начинаю волноваться.

– Исполнить твои фантазии. Как обычно, – отвечает он со смирным видом тигра в клетке. – Я же видел, как ты на нее смотрела.

– И как я на нее смотрела?

– Как смотришь на меня.

Становлюсь багровой от стыда.

– Ну просто потому, что она очень красивая. Ошибаюсь, или ты тоже это заметил? – похоже, я оправдываюсь.

– Ты когда-нибудь целовалась с женщиной? – Его глаза – тонкие иголки, которые пронизывают меня.

– Вообще-то нет.

– И никогда не хотелось? – он провоцирует меня.

– Нет...

– До сегодняшнего вечера, – заканчивает он мою фразу.

– Ну хватит! – говорю, ткнув в него пальцем. – Прекрати немедленно!

Он громко смеется, не обращая внимания на мои угрозы, потом берет меня за руку и провожает к бару, где заказывает два бокала шампанского. Выпиваю, думая о той девушке, которая, надо признать, вызвала во мне некоторое волнение. Потом смотрю на Леонардо и спрашиваю себя – действительно ли он собирается толкнуть меня в ее объятия? «Нет, я никогда не позволю ему сделать ничего подобного!» – мысленно говорю себе. Однако здешняя атмосфера захватывает меня и внушает мысль, что возможно все, по крайней мере сегодня ночью.

* * *

Мы с Леонардо бродим какое-то время по закоулкам палаццо, пока не находим полутемную комнатку. Там какие-то явно выпившие люди горячатся по поводу непонятных мне аргументов, их голоса перекликаются с музыкой, а потом они замечают, что мы садимся на диван за их спиной. Снимаем маски, из кармана Леонардо появляется уже готовая сигарета с травкой, которую он и зажигает. Спираль дыма с кисловатым запахом щекочет ноздри. Похоже на запах горелого сена. Леонардо затягивается, а потом передает мне. Смотрю на него в нерешительности. Я никогда не

пробовала курить даже обычные сигареты, не то что травку...

– Давай, – подбадривает он меня, – небольшая затяжка, потом удержи дыхание в легких и делай выдох.

Ок, попробуем. Естественно, первая попытка была ужасной: дым застревает у меня в горле и входит ножом в легкие. Кашляю до слез под насмешливым взглядом Леонардо. Пробую еще раз, вторая попытка чуть лучше. На третьей затяжке я уже профессионал. Закрываю глаза и беру сигарету губами, медленно затягиваясь. Задерживаю дым на две секунды, смакуя запретный вкус, потом выпускаю его, и густое облако расплывается перед глазами. Мне нравится этот запах, голова кружится, мышцы расслабляются. Я устраиваюсь поудобнее, прислоняясь к спинке дивана, и отдаюсь сладкому ощущению очарования. Потом передаю сигарету Леонардо. Взяв ее средним и указательным пальцами, он сжимает кулаки и с силой затягивается. Внезапно мир вокруг меня отдалается, голова становится легкой, я чувствую, как губы расплываются в улыбке блаженства. Полностью теряю контакт с реальностью. И мне это нравится. Поворачиваюсь и обнаруживаю Клаудию рядом с собой.

– Чао, – говорю ей с удивлением.

– Чао, – мягко отвечает она и берет сигарету, которую ей передает Леонардо.

Смотрю, как ее губы опускаются на фильтр и слегка приоткрываются, чтобы выпустить легкий шлейф дыма. Они полные и такие соблазнительные, что мне хочется коснуться их.

– Судя по тебе, эта травка должна быть отличной, – Клаудия сдвигает мне прядь волос за ухо.

– Я впервые курю... Не знаю, что сказать. Мне нравится, – отвечаю, чувствуя, как стеснительность и настороженность медленно покидают меня.

Клаудия с усмешкой смотрит на Леонардо.

– Симпатичная у тебя подруга! – потом пристально смотрит на нас обоих. – Даже не знаю, кого выбрать.

– А тебе и не нужно выбирать, – отвечает он.

Прежде чем до меня доходит смысл этой фразы, чувствую губы на своей шее. И они принадлежат не Леонардо. Но эти губы такие же мягкие и сексуальные, и меня ни на минуту не посещает желание отодвинуться. Я понимаю, что сейчас что-то должно произойти: меня скоро накроет волной, и я не собираюсь останавливать ее. Поворачиваюсь к Клаудии и встречаюсь с ее томным взглядом. Она затягивается дымом и выдыхает его мне в рот, прижимаясь губами. Дым проникает глубоко, теряясь в какой-то части

меня. Все, что остается, это ее нежные губы и язык, сплетающийся с моим. Этот поцелуй приятен, и он отличается от всех других. Леонардо обнимает меня сзади, я понимаю, что все происходящее – очередной его подарок, который я не могла даже представить себе в мечтах.

Я соблазнена их возбуждением, и все то, что имело смысл ранее – слова, мысли, принципы, – теперь совершенно неважно.

Клаудия отрывается от меня и ищет Леонардо. Они обмениваются страстным поцелуем прямо у меня на глазах, но почему-то это совсем не вызывает во мне ревности. Я соблазнена их возбуждением, и все то, что имело смысл ранее – слова, мысли, принципы, – теперь совершенно неважно.

– Может, пойдём в какое-нибудь более спокойное место? – предлагает Клаудия. Не дожидаясь ответа, поднимается с дивана и берет меня за руку. Я сразу же ищу взгляд Леонардо, и он берет меня за другую руку. Улыбаемся друг другу, как сообщники, и следуем за Клаудией. Теперь я сама себе хозяйка и знаю, что сейчас произойдет.

Поднявшись на этаж выше, мы оказываемся в длинном, освещенном редкими огнями коридоре, вдоль которого видны разные двери. Клаудия прекрасно знает, куда идти, и открывает одну из них, предлагая нам войти.

Комната окутана полутьмой, очертания предметов неясны, как эмоции, бушующие внутри меня. В центре – кровать с балдахином, а в углу большая черная свеча пирамидальной формы догорает в канделябре, распространяя запах ладана. Клаудия поворачивается к нам. Она прекрасна, будто одна из тех мраморных статуй античной Греции. Дотронувшись до моей шеи, она приближается к Леонардо и жестами приглашает нас к поцелую. Она поглаживает мне плечо, медленно опускаясь к груди, ее рука легко касается моей кожи. Она *другая*: теплая, деликатная. Я отрываюсь от Леонардо и смотрю на нее. Ее зеленые глаза захватывают меня, притягивая, как магнит. Внутри меня внезапно разгорается огонь, растворяющий все мои запреты. Губы, не поддаваясь контролю, неуверенно опускаются на губы Клаудии. Наши рты смешиваются в своей влажности, языки сплетаются, в то время как сильные руки Леонардо двигаются по нашим разгоряченным телам.

Я целуюсь с женщиной.

С незнакомкой.

И мой мужчина обнимает ее, здесь, рядом со мной.

Внезапно Клаудия отдаляется, держа меня за руку, целует Леонардо.

Потом возвращается ко мне. Их слюна перемешивается у меня во рту, полном желания. Леонардо тем временем ласкает ее грудь, расстегивая пуговицы на платье спереди. Тело Клаудии гладкое, тонкое и желанное: оно открывается постепенно, отдаваясь нашим взглядам. Леонардо раздевает ее, а через мгновение она уже раздевает меня. Потом мы с Клаудией снимаем одежду с него.

Теперь мы втроем полностью обнажены. Вид этих тел, настолько прекрасных, близких и таких живых, вызывает во мне прилив возбуждения. Из зала внизу доносятся отдаленные крики и музыка, но единственные реальные звуки – наше дыхание. Растягиваемся на кровати, сдвигая дамасковое покрывало. Три любовника, три желания, которые встретились для получения оргазма.

Теперь мы втроем полностью обнажены. Вид этих тел, настолько прекрасных, близких и таких живых, вызывает во мне прилив возбуждения.

Клаудия придвигается ближе и приглашает меня попробовать – языком тела она просит меня забыть обо всем и принадлежать ей. Ее ноги, горячие и доминирующие, открываются передо мной, ее плоть напротив моей. Она мокрая, лижет мою грудь, трется своей вульвой об мою, а Леонардо ложится рядом со мной и целует меня. Потом мы меняемся местами, и теперь я нахожусь сверху, над ней, не сдерживая желания попробовать ее грудь. В это время руки Леонардо прокладывают дорогу и мягко проникают в меня. Его взгляд, наполовину суровый и провоцирующий, будто спрашивает, смогу ли я достичь оргазма, смогу ли я играть в эту игру. Теперь на место его пальцев в меня проникает Клаудия. Она ласкает меня с умением, как знакомая, а Леонардо берет мою руку и кладет ей между ног. Это горячая скользкая щель, она ждет меня. Колеблясь, запускаю пальцы в ее мокрую плоть и исследую. Мои мышцы расслабляются, я ощущаю абсолютную свободу, и наконец-то я овладеваю ею и позволяю овладеть собой.

Со мной это впервые. Это моя ночь. Но на самом деле это Леонардо управляет нашими движениями, рассчитывая степень удовольствия. Прежде чем мы достигаем вершины, вспотевшие и запыхавшиеся, он разделяет нас, целуя груди по очереди. Потом подталкивает Клаудию поцеловать меня, а сам овладевает ею сзади. Чувствую, как ее губы все сильнее сжимают мой сосок, в соответствии с нарастающим общим ритмом. Она кончает на мне, уткнув голову мне в грудь, и я крепко

обнимаю ее, радуясь ее оргазму, а мои глаза встречаются со взглядом Леонардо, сладострастным и доминирующим.

Клаудия приподнимается с моей груди, еще красивее – с покрасневшими щеками и блестящим взглядом, и без сил падает на кровать, ища наши руки.

– А теперь ваша очередь, – говорит, глядя на нас обоих. Она заботливо подкладывает две подушки мне под голову, потом привязывает меня к железному изголовью, оторвав два лоскута от своего платья. Леонардо позволяет ей сделать это, с удовольствием наблюдая за процессом.

Клаудия подбирается ко мне, нежно соблазняя, горя желанием. Этот ее особенный способ смотреть на меня заставляет меня чувствовать себя богиней. Она соскальзывает вниз, между моих ног. Все мое тело готово к катастрофическому, взрывному удовольствию. Никакой Элены нет, есть только мои чувства и ее язык. Ее руки и руки Леонардо. Я – тело, настроенное на восприятие, кожа, которая внемлет и общается.

Взглядом я приглашаю Леонардо войти в мою вульву, опухшую и блестящую от желания. Язык Клаудии остается еще на какое-то время во мне. Потом она позволяет Леонардо заполнить меня знакомыми толчками его напряженного члена. Наши жаждущие тела переплетаются, ищут друг друга и овладевают, подталкиваемые похотливым взглядом Клаудии. Теперь уже она целует меня, поглаживая руками вдоль всего тела, до отверстия, в котором еще находится Леонардо. Она ласкает нас обоих, получая удовольствие за нас и от нас, и ее чувства безмерно усиливают наши.

Оргазм наступает сразу же и прорывает все заграждения. Эта вышедшая из берегов река выплескивается из моих глаз, окрашивает мои губы, рвется огнем из горла. Это новый кислород для легких, новая лимфа для вен, новые чувства. Леонардо со мной и тоже разделяет экстаз того узла тел, в который мы превратились.

Растягиваемся вдоль кровати и снова обнимаемся, объединенные изнеможением.

* * *

Когда мы выходим из палатки, я ничего не понимаю, мне кажется, что я утратила все основы, и мне нужно некоторое время, чтобы узнать мир, который встречает нас снаружи. Прощаемся с Клаудией, нашей попутчицей в путешествии на одну ночь. Между нами нет смущения, только приятное

ощущение затишья после бури. Я и Леонардо направляемся к дому. Скоро взойдет солнце, его слабый свет начинает окрашивать небо над нами. Ночь отступает.

Улыбаюсь жизни, умирающей ночи, исчезающему сумасшествию, всем тем маскам, которые я сняла с себя, телу женщины, которое я познала.

Медленными шагами мы углубляемся в послевоенный сценарий – улицы наполнены остатками праздника: горы отходов, бутылок, бумажек и неустойчивых тел. Сегодня ночью мир перевернулся, и теперь ему сложно снова встать на ноги. В один и тот же момент мы с Леонардо поворачиваемся и смотрим друг на друга. На нас больше нет масок. Улыбаюсь жизни, умирающей ночи, исчезающему сумасшествию, всем тем маскам, которые я сняла с себя, телу женщины, которое я познала. Улыбаюсь Леонардо, с благодарностью. Без него этого бы никогда не произошло.

Глава 16

В девять тридцать утра площадь Рома ^[60] представляет собой Вавилон, полный людей, машин, автобусов и скутеров, приезжающих или уезжающих. Это граница между островной Венецией и провинцией с асфальтированными дорогами. Я здесь, потому что Леонардо решил отвезти меня на холмы Тревизо ^[61], он должен приехать за мной на арендованной машине. Я не представляю, куда мы поедем, знаю только, что у него назначена встреча с производителем вин. «Это рабочая поездка, но мне хочется, чтобы ты меня сопровождала», – сказал он мне однажды ночью, когда мы были в постели. Естественно, его предложение вызвало во мне бурный энтузиазм, но я постаралась, насколько возможно, не показывать этого. С тех пор как мы знакомы, мы еще ни разу не выезжали из города и никогда не проводили целый день вместе.

Я уже несколько минут на парковке, продолжаю оглядываться вокруг, пытаюсь угадать, откуда он появится, но здесь так многолюдно, что я не вижу ничего дальше двух метров. Внезапно сильный гудок заставляет меня обернуться. А вот и он – на «BMW X6» белого цвета, чисто вымытой. Припарковывается, включив сигнальные огни. Не выходя из машины, дотягивается, чтобы открыть дверь. Я сажусь.

– Готова? – Он одаривает меня мягким поцелуем в губы и включает первую передачу.

– Да! – Я пристегиваюсь, откинувшись на кожаном сиденье.

Леонардо надевает черные очки «Рэй Бан» и выжимает газ по максимуму, въезжая на дорогу Понте-делла-Либерта. Бледное февральское солнце отражается в Лагуне, стаи чаек покрывают небо белыми точками.

Замечаю, что стрелка спидометра показывает больше ста километров в час.

– Смотри, как бы тебя не оштрафовали, – говорю это, стараясь заставить его ехать помедленнее (скорость меня всегда слегка пугала).

Леонардо смеется и поглаживает мое бедро, чтобы успокоить. Потом проводит пальцами по приборному щитку и включает радио.

– Давай включим музыку, чтобы ты расслабилась, – он спокоен и уверен в себе за рулем. Как и во всем остальном.

По радио группа «Мьюз» исполняет «Звездный свет». Мы слушаем некоторое время песню в тишине, потом, на припеве, Леонардо начинает кивать в ритм и подпевать, постукивая пальцами по рулю, как по барабану.

- А у тебя, оказывается, есть слух, – комментирую я с иронией.
Он косит на меня краем глаза.
– Ты надо мной издеваешься?
– Да.
– Смотри, как бы я не оставил тебя на первой парковке, брошу как собачку, – грозит он, въезжая на автостраду в направлении Тревизо, и взъерошивает мне волосы.
– А куда мы точно едем? – спрашиваю, приглаживая волосы руками.
– В Вальдоббьядене, регион Просекко. Дзанин – основные поставщики ресторана, и у них потрясающая винная коллекция.
Пальцем он убирает выбившуюся прядь волос, упавшую на глаза.
Дзанин. Я помню эту фамилию. Они присутствовали на вечере открытия ресторана, тогда Леонардо был для меня лишь фантазией. С тех пор произошло невозможное, и мне до сих пор не верится, что я нахожусь здесь, с ним вместе.
– Тебе нужно делать закупки для ресторана? – спрашиваю, глядя на пробегающие за окном пейзажи.
– Да, мы хотим предложить нашим гостям нечто особенное, «Картицце» высшего качества.
– А я думала, что этим занимаются твои подчиненные, – говорю я, вспомнив его фразу, сказанную несколько месяцев назад.
– Сегодня этим займусь я, – отвечает уверенным тоном, – а еще мне захотелось съездить с тобой за город.

Я смотрю на него и чувствую себя абсолютно спокойной и расслабленной. У меня нет никаких ожиданий, желаний, тревог. Этот момент кажется мне совершенным.

Сегодня нет никаких экзаменов, никаких испытаний. Только он и я. Целый день проведем вместе. Это кажется ненормальным в отношениях, в которых нет ничего привычного. Это – исключение из нашей «рутины» мимолетных встреч и необычных совокуплений, и оно наполняет меня радостью. Леонардо дарит мне иллюзию настоящей пары.

Он вводит точный адрес в навигатор.

– Минут через пятнадцать приедем.

Я смотрю на него и чувствую себя абсолютно спокойной и расслабленной. У меня нет никаких ожиданий, желаний, тревог. Этот момент кажется мне совершенным.

– Лео?

– Да? – Он с удивлением поворачивает лицо ко мне, я впервые называю его так.

– Я счастлива! – Мне хотелось бы сказать больше, но не осмеливаюсь.

Смотрит на меня с нерешительностью, я удивила его.

– Я счастлив, что ты счастлива, – говорит с легкой улыбкой, и морщинки в уголках его потрясающих темных глаз тоже улыбаются. Потом сосредотачивается заново на дороге. Понимаю: хватит, не стоит продолжать...

* * *

Визит к Дзанин занимает у нас целый день. Владелец – приятный мужчина около шестидесяти, элегантный и собранный, как английский лорд, показывает нам виноградники и фруктовые сады. Потом, объясняя методы обработки винограда, проводит нас в винные хранилища. Пока он обсуждает с Леонардо брожение, винную кислоту, presa di spuma [\[62\]](#) и perlage [\[63\]](#) (то, что я понимаю очень смутно), я прогуливаюсь вдоль рядов бочек, похожих на огромные вздутые животы.

В завершение Дзанин с гордостью показывает нам стены бутылок, в которых просекко настаивается перед тем, как быть выпитым, и предлагает нам продегустировать некоторые ценные вина. Мы закусываем их местным хлебом и ветчиной.

* * *

Позднее, пока я играю с собаками – самкой пойнтера и двумя ее щенками, Леонардо заканчивает переговоры. Мы прощаемся с Дзанин и садимся в машину.

И вот мы вновь выезжаем на эту великолепную живописную дорогу среди холмов. Хотя на дворе еще февраль, погода теплая и так приятно побыть на открытом воздухе.

– Ты не хочешь прогуляться? – спрашивает Леонардо. Я надеялась, что он мне это предложит. Оставляем машину на небольшом паркинге и продолжаем прогулку пешком по маленькой дорожке из гравия, огражденной шпалерами винограда.

Живя в Венеции, словно забываешь о том, что есть суша –

прочная и просторная земля, что бывают не только мосты и каналы, а настоящие дороги, по которым можно ходить и ездить...

Живя в Венеции, словно забываешь о том, что есть суша – прочная и просторная земля, что бывают не только мосты и каналы, а настоящие дороги, по которым можно ходить и ездить... В профиль холм покатый, постепенно опускается в долину, встречаясь с рядом огромных кипарисов. Этот волшебный пейзаж наполняет сердце умиротворением, а голову легкими мыслями. Мы с Леонардо молча гуляем рука об руку. Вдыхаем полными легкими запах травы и сырой земли. Внезапно чувствую на щеке ледяное касание.

– Начинается дождь, – поднимаю взгляд к небу: оно сделалось черным на горизонте, – на меня упала капля...

Леонардо вытягивает руку ладонью вверх.

– Ой, еще одна, – трогаю волосы, чтобы убедиться, что мне не показалось. – Не может быть, чтобы только я это ощутила.

– Теперь я тоже заметил, – говорит он, смахивая каплю дождя, упавшую на лицо.

За несколько минут небо полностью затягивает тучами и начинается дождь. Он кажется предвестником весны, как один из тех внезапных ливней, которые застают врасплох в марте.

– Ну и что мы теперь будем делать? – спрашиваю расстроено. Мне жаль, что наша прогулка так закончилась. Сожалею, поскольку понимаю, что это редкая возможность вот так побыть вместе, может быть, единственная...

Леонардо накрывает мне голову своей кожаной курткой.

– Мы слишком далеко, чтобы вернуться в машину, – говорит он и оглядывается по сторонам, пытаюсь найти решение. – Постараемся добежать вон туда, – он указывает на большой красный дом неподалеку. Изолированный от остального мира, он стоит посреди долины. Держась за руки, пробегаем сотню метров под проливным дождем. Этот внезапный дождь тоже становится приключением, как все неожиданное.

Добегаем до внешней галереи дома и укрываемся под крышей. Я не могу отдышаться, я насквозь промокла. Рубашка Леонардо прилегает к его груди, тоже мокрая насквозь, вода капает с его волос и щетины с чуть красноватым проблеском. При взгляде на него мне хочется смеяться, но внезапный холод пронизывает спину, заставляя вздрогнуть и прижать руки к груди. Леонардо обнимает меня, согревая своим телом.

– Похоже, это место обитаемо, – говорит, замечая свет в доме, – попробуем позвонить?

– Не знаю... Думаешь, стоит?

В это время пожилой мужчина, высокий и худощавый, появляется из пристройки, похожей на сеновал, и приближается к нам бегом, держа в руках корзину, полную красного радикио [64]. Должно быть, хозяин дома. И прежде чем он начнет беспокоиться, Леонардо приветственно машет рукой.

– Добрый день! Вы нас извините, но мы воспользовались вашей галереей, чтобы спрятаться от дождя...

– А что же вы тут делаете снаружи? Заходите, пожалуйста, в дом, – говорит в ответ мужчина не терпящим возражений тоном, и мы, переглянувшись, послушно идем за ним. – Пойдемте в тепло, а то простудитесь, – приглашает он, открывая дверь.

Обстановка внутри уютная и гостеприимная, с простой бедноватой мебелью, будто пришедшей из других времен. Приятно пахнет деревом (запах характерный для деревенских домов), повсюду стоят свежие цветы.

Хозяин дома проводит нас в кухню, где женщина лет семидесяти хлопочет у плиты.

– Аделе, у нас гости! – говорит он громко, ставя корзину на стол.

Хозяйка оглядывается и встречает нас любопытным взглядом.

– Добрый вечер! – приветливо говорит она.

– Они сильно промокли и спрятались под порталом, бедные, – продолжает хозяин, указывая на нашу одежду, с которой капает вода.

Аделе усаживает нас перед камином.

– Идите скорее, погрейтесь у огня, – у нее мягкий голос, а руки морщинистые, со светлой кожей. Видно, что эти руки неустанно работали всю жизнь.

– Спасибо! – отвечаем одновременно.

Я поражена их добротой. Не знаю, смогла бы я так легко пригласить в дом незнакомцев. А больше всего я удивлена спокойной, внушающей доверие атмосферой этого дома.

– Пойду наверх, поищу сухую одежду, – говорит Аделе, направляясь к лестнице медленным шагом.

– Синьора, не беспокойтесь... – пытаюсь остановить ее, – вы и так уже слишком добры к нам!

– Да, Аделе, иди, – подбадривает ее муж, – не могут же они оставаться в мокром.

Женщина исчезает на верхнем этаже, а мужчина присаживается рядом,

протягивает руки к огню, чтобы согреть их, и спрашивает, как нас зовут.

– А мое имя Себастьяно, – представляется он, – но здесь все называют меня Тане.

Потом интересуется, откуда мы и как оказались здесь. Похоже, он искренне рад нашему присутствию. И смотрит на нас взглядом человека, которого жизнь научила быть внимательным к другим.

Довольно быстро Аделе возвращается с двумя вешалками чистой одежды, простой и поношенной.

– Держите, это принадлежало моим детям. Лучшее, что я смогла найти, – она протягивает вещи, – если хотите, повесьте вашу одежду у огня, она быстрее высохнет.

Я знакома с ней менее получаса, но мне уже хочется обнять ее.

– Если хотите воспользоваться ванной, она дальше, – объясняет она, указывая на дверь в конце коридора.

– Спасибо, Аделе, – отвечает Леонардо и, взяв меня за руку, выводит из комнаты.

Быстро переодеваемся. На мне широкие джинсы и старая толстовка от «Бенеттон» в цветную полоску. А Леонардо облачился в шерстяной свитер и брюки из вельвета. Он с нежностью смотрит на меня, потом мягко целует в лоб, чтобы увериться, что со мной все в порядке. Прежде чем вернуться обратно, на минуту замираем перед зеркалом, встав рядом и улыбаясь нашим новым отражениям.

Потом возвращаемся в кухню и развешиваем свою мокрую одежду на двух стульях у камина. Аделе предлагает нам по стаканчику глинтвейна и куску яблочного пирога.

– А вы не будете? – спрашивает Леонардо у Себастьяно.

Он качает головой:

– У меня диабет. Тиранша держит меня под контролем, – он ласково берет жену за руку. А та в ответ со смехом сжимает его руку.

В том, как они смотрят друг на друга, есть какая-то безграничная нежность, неизменная любовь, ставшая их судьбой. Мы с Леонардо обмениваемся мимолетными улыбками. Возможно, мы подумали одно и то же: Аделе и Себастьяно – редкое зрелище, их взаимная привязанность вызывает умиление. Быть может, Леонардо, как и я, почувствовал легкую зависть к их чувствам?

В том, как они смотрят друг на друга, есть какая-то безграничная нежность, неизменная любовь, ставшая их судьбой.

– Вы давно женаты? – спрашиваю я.

– Пятьдесят пять лет, – отвечают они в унисон.

– Ну а вы когда собираетесь замуж за своего жениха? – спрашивает напрямую Аделе. – Извините, синьорина, просто я увидела, что у вас нет кольца на пальце... Вы же не собираетесь его упустить? – мягко укоряет она.

Я уже хотела ответить, что она ошиблась и что в действительности мы даже не вместе, но, прежде чем мне удастся собраться с мыслями, Себастьяно меня опережает:

– Дорогая, занимайся своими делами, не вводи людей в смущение. За километр видно, как они влюблены друг в друга.

Сердце ухает. Это всего лишь одна фраза, сказанная с предельным простодушием, но она оказывает эффект разорвавшейся бомбы. Постороннему человеку с первого взгляда стало ясно то, что мы не осмеливаемся признать. Его слова делают реальным то, что мы всегда считали невозможным. Стараюсь не смотреть в сторону Леонардо, но слышу, как он резко поднимается, отходит от камина – чуть не убегает. Он направляется к комоду, на котором расставлены фотографии, и начинает рассматривать их, стоя к нам спиной.

– Это ваши дети? – спрашивает, взяв в руки одну из фотографий и ловко поменяв тему разговора с непосредственностью, которая в моих глазах на сей раз ничего не скрывает.

Аделе подходит к нему, чтобы объяснить.

– Это Марко, старший, он работает в Германии. А девочка – Франческа, она живет с мужем в Падуе.

– Здесь, в долине, уже не осталось ничего интересного для молодежи, – с ноткой сожаления комментирует Себастьяно, повернувшись ко мне.

Я все еще взволнована, поэтому в голову не приходит ничего, чтобы поддержать разговор. Аделе тем временем продолжает рассказывать о своих детях, показывая другие фотографии:

– Смотрите, здесь они маленькие, еще в начальной школе...

Поднимаю взгляд в ее направлении и неожиданно встречаюсь глазами с Леонардо. Он держит в руке фотографию, но смотрит на меня. В глубине его глаз я вижу нечто, чего не замечала прежде: отчаянную потребность, бесконечную нежность... Любовь. На одну секунду я в этом уверена.

Это длится всего лишь мгновение, затем его взгляд ускользает от меня, скрываясь в другом направлении.

А потом я уже ни в чем не уверена. Но моему сердцу становится мало

того, что ему дано сейчас.

* * *

Уже пять часов вечера, и дождь наконец прекратился. Наша одежда подсохла, и хотя хозяева дома настаивают, чтобы мы еще задержались, мы решаем уезжать. Переодеваемся и тепло прощаемся с ними.

– Пообещайте, что, если будете в наших краях, обязательно заедете навестить нас, – говорит Себастьяно, пожимая руку.

– Кто знает... – отвечает Леонардо. Мыслями он уже далеко.

Выйдя из этого дома, мы словно возвратились из другой эпохи. На улице уже стемнело, и мир отличается от того, каким мы его оставили. Тени и холод овладели всем вокруг, включая Леонардо. Его глаза потухли, а лицо стало таким неподвижным, что это внушает мне страх. Он берет меня за руку и доводит до машины, не говоря ни слова. Я боюсь спросить, о чем он думает, не осмеливаюсь нарушить это тяжелое молчание.

На минуту ясно осознаю, что скоро произойдет нечто страшное. Встряхнув головой, прогоняю от себя эту мысль.

Мы снова в машине, и на протяжении всей дороги Леонардо остается отдаленным, молчаливым, будто что-то обдумывает. Иногда он встречается со мной взглядом и старается ободрить меня прикосновением, но и его касание холодное. Я чувствую это. У меня странное ощущение, что этот мужчина должен быть спасен от самого себя.

* * *

– Послушай, можно уже узнать, что случилось? Что это за выражение лица? – не выдерживаю я, когда мы, вернув арендованную машину, уже идем по направлению к дому.

Леонардо глубоко вздыхает и резко останавливается, вынуждая и меня остановиться. Мы в двух шагах от моего дома, на том самом месте, где прощались несколько месяцев назад, когда он донес меня на плечах по вине... или, скорее, *благодаря* наводнению.

– Элена, это была наша последняя встреча, – он говорит, глядя мне прямо в глаза. И это просто утверждение, не требующее ответа.

Чувствую, что внутри все сжимается, становится трудно дышать.

– Почему? Я не понимаю... – говорю, заикаясь в смятении.

– Нет смысла отдалять этот момент. Я уже давно собирался, но, как дурак, хотел подождать, надеясь что... У нас с тобой был договор, и думаю, что он подошел к концу.

– Что? – Я ошеломлена, из груди вырывается хрипкое восклицание. – Почему ты вспомнил о нашем договоре именно сейчас?

– Потому что то, о чем мы договаривались в самом начале, для меня по-прежнему значимо. На этом наше приключение завершается, – он непоколебим. У меня нет никаких шансов заставить его изменить свое решение.

– Ну а почему тогда не оставим все как есть? – настаиваю я. – Почему мы не можем продолжать видеться иногда, как было до этого?

Леонардо качает головой:

– Елена, мы дали друг другу все, что могли, и это было прекрасно. Но настал момент расстаться, прежде чем наше желание превратится в привычку или обязанность. – Его лоб прорезает глубокая морщина, когда он произносит это. Кажется, Леонардо борется с самим собой.

– Елена, мы дали друг другу все, что могли, и это было прекрасно. Но настал момент расстаться, прежде чем наше желание превратится в привычку или обязанность.

Этого не может быть! Не может быть, что после сегодняшнего дня, самого замечательного, который мы провели вместе, Леонардо решил расстаться со мной. Но возможно, дело именно в этом – чувства, пережитые сегодня, испугали его.

– В чем дело? Ты боишься, что я влюблюсь в тебя? Или наоборот? – кричу с ожесточением. Я полностью потеряла контроль. Я сказала это, скорее чтобы спровоцировать его, а не потому, что была уверена в этом. Но, видимо, задела больное место. Леонардо смотрит на меня молча, возможно, он не ожидал от меня такой смелости.

Он защищается саркастической улыбкой.

– Как я могу бояться того, о чем даже никогда не думал?

Мне больно не столько от его слов, сколько от этой внезапной холодности, отдаленности.

– Елена, между нами был секс, была легкость и соучастие, но никакая не любовь...

– Знаешь, я тебе завидую! – язвительно прерываю его. – Я бы тоже хотела быть такой уверенной, знать точно, что является любовью, а что – нет, в точности как ты.

Я стараюсь оставаться твердой и не плакать, но, наверно, мои глаза уже на мокром месте, потому что Леонардо не решается смотреть на меня.

– Пожалуйста, давай не будем усложнять, – он сглатывает и притягивает меня к себе, обнимая крепко, будто старается защитить от боли, которую мне причиняет. Тепло его тела такое знакомое, я не могу даже думать о том, чтобы расстаться с ним. – Если я останусь с тобой, тебе будет еще больнее. И поверь мне, это последнее, чего бы мне хотелось, – шепчет он. Потом отдалается, стирая слезу с моей щеки. – Вначале, когда я только узнал тебя, для меня это было игрой, вызовом. Ты была девочкой, которую мне хотелось провоцировать и шокировать, но я обрел намного большее. Я наблюдал за твоим превращением, расцветом. Ты – потрясающая женщина, Елена, свободная и сильная, и я тебе совсем не нужен.

– Но я хочу быть с тобой! – говорю, остро осознавая, что уже потеряла его.

Леонардо закрывает глаза на минуту, и я вижу вихрь эмоций, проносящихся по его лицу. Когда он открывает глаза, взгляд становится отсутствующим и пустым.

– Прости меня, Елена, но мне надо идти, – говорит немного в спешке. Поцелуй в лоб, а потом слово, которое я никогда не хотела бы услышать: – Прощай!

Он высвобождается из нашего объятия, унося с собой частицу меня. Я остаюсь стоять, опустошенная, с болезненно пустыми руками и глазами, полными слез. Сквозь слезы я вижу лишь его удаляющуюся спину. Это первое, что я увидела, когда познакомилась с Леонардо, и последнее, что мне остается от него.

Глава 17

Уже четвертый день я сижу дома, в груди – непроходящий комок, который вызывает у меня чувство удушающей тошноты. Сегодня я проплакала два часа подряд. Этот неудержимый болезненный плач я даже не пыталась остановить. Еще один мучительный день вдобавок к предыдущим. Я постоянно думаю о Леонардо. Иногда вспоминаю, что нужно поест, но мне удастся проглотить лишь несколько кусочков – необходимый минимум, чтобы не умереть с голоду. Желудок не принимает пищу, тело ослабло, голова раскалывается, а в сердце – клубок ярости. Я ненавижу Леонардо за то, что он так меня бросил. Ненавижу саму себя за то, что тешилась надеждами, будто все это может закончиться иначе. Как можно быть такой дурой? Несмотря на предостережение не влюбляться, я все же угодила в ловушку чувств. А что еще можно было от себя ожидать? Разве я стала другой: более сильной, смелой и независимой? Я вовсе не такая эмансипированная женщина, как полагала. Все это было просто иллюзией. И теперь мне плохо, да так, что я без сил, а душа наполнена смятением.

Не отвечаю на телефонные звонки. Гайя звонила несколько раз за эти дни, но я не реагировала. Не отвечаю даже маме, которая, наверное, уже звонит в телепередачу «*Кто их видел?*» [\[65\]](#). Я хочу остаться одна: вариться в котле своего одиночества и горя. Иногда я настолько опустошена, что дойти от кровати до дивана мне кажется невыполнимой задачей. Потом наступает период, когда я настолько зла, что мне хочется крушить все, что попадает под руку. Несколько минут назад я превратила в крошки упаковку печенья, лупя по ней кулаками. Потом выбросила все в окно. Не думала, что прощание с Леонардо может так повлиять на меня, не решаюсь представить, сколько времени понадобится на то, чтобы снова вернуться к жизни.

Я ненавижу Леонардо за то, что он так меня бросил.
Ненавижу саму себя за то, что тешилась надеждами, будто все это может закончиться иначе.

Оглядываюсь вокруг. В моей квартире еще никогда не было такого хаоса: на полу крошки и пыль, невымытые тарелки в раковине, одежда разбросана по скомканной кровати. Эта кровать еще прячет в себе его

запах, наш запах. Простыни сохраняют примерную форму наших тел. Я снова хочу вернуться туда, чтобы чувствовать себя ближе к Леонардо.

Снимаю шерстяные тапки и забираюсь под одеяло, на мне байковая пижама с белыми мишками, а сейчас уже три часа дня. Сползаю к самому краю матраса, цепляясь ступнями за край, и позволяю своим чувствам наполниться им. Вижу его лицо. Вдыхаю его запах. Чувствую на теле его руки и губы. Это невыносимо. Я не могу без этого... и одновременно хочу, чтобы все воспоминания испарились без следа в одно мгновение.

На улице дует страшный сирокко: завывает вдоль оконных стекол и забирается между ставен с тревожными звуками. На меня находит сильная тоска. Все старые страхи, неконтролируемые, проявляются вновь: страх не быть на высоте, не быть любимой и достаточно хорошей для кого-то. Страх остаться одной.

В его объятиях все было прекрасно. Я была счастлива, я много смеялась, а теперь могу только пла-кать.

В самый тяжелый момент мне в голову приходят мысли, в которых большинство людей не признаются. Например, проглотить дюжину таблеток и запить водкой или спрыгнуть с двенадцатого этажа здания. А в Венеции разве есть такие высотные дома? Не думаю...

Какая же я балда! (Хорошо, что во всем этом страдании осталось еще место для улыбки.)

Наверное, будет совсем неправильно отправить Леонардо сообщение: сказать, что мне его не хватает и что я жду его возвращения?

Да, это неправильно, я знаю. Но мне уже нечего терять. Беру телефон с тумбочки и начинаю писать его имя на клавиатуре дрожащими пальцами и с сильно бьющимся сердцем. В этот момент, прежде чем я успеваю написать первую строку сообщения, телефон блокируется и дисплей погасает. Я впадаю в панику. Выключаю его и включаю заново, уже опасаясь, что потеряла все данные, и успокаиваюсь, только когда вижу, как иконки медленно появляются на экране.

Я уверена – это знак. Вселенная послала мне знак (и, не пытаясь быть оригинальной, сделала это через мой айфон): мне не стоит связываться с Леонардо, я должна забыть его! Он просто подонок, эгоист, самовлюбленный подлец. Хорошенько подумай об этом, Елена. Ты хочешь сделать себе еще больнее? Нет, не хочу.

Я уверена – это знак. Вселенная послала мне знак: мне не стоит связываться с Леонардо, я должна забыть его!

С чудовищной смелостью удаляю его номер из телефона. Чувствую себя ужасно, но это был единственный способ не поддаться заново соблазну. С этого момента Леонардо окончательно выйдет из моей жизни. Я дошла до дна, но я одна из тех, кто должен причинить себе боль, прежде чем очнуться и все осознать. Вот для чего нужно было это страдание – чтобы раскрыть мне глаза на правду. Леонардо был ошибкой, опасным приключением, которым я не должна была увлечься. Он стал для меня прыжком в неизвестность, закончившимся падением.

А теперь действительно настал момент прекратить это.

Я думаю обо всех тех, кто в этот момент страдает от любви, в Венеции и во всем мире, и чувствую себя не такой одинокой. Повторяю себе, что я справлюсь с этим, что это не так сложно, как кажется. Я уже не плачу, концентрируюсь на дыхании, как научили меня на занятиях пилатесом. Вдыхаю, выдыхаю. Медленно.

Что я теперь буду делать?

Пока я стараюсь связать между собой невыносимое количество бессвязных мыслей, слышу звонок в дверь. Это Гайя, не может быть никто другой, узнаю ее настойчивость. Я совершенно не собираюсь вставать с этой кровати, чтобы открыть дверь. Не хочу, чтобы она видела меня в таком состоянии, и не смогу вынести ее вопросы.

Лежу неподвижно. Звонок смолк. Может быть, Гайя подумает, что дома никого нет, и смирится. Но она совсем не такая. Через несколько минут начинает звонить снова, с еще большей настойчивостью. Потом опять тишина.

– Елена! – Ее голос отдается эхом у меня в голове, как в пустой комнате. – Елена, открой, ты заставляешь меня беспокоиться!

По инерции плетусь к двери и замираю.

– Я знаю, что ты там! Если не откроешь, вызову пожарников, чтобы взломать эту чертову дверь! – кричит, ударяя кулаками, будто действительно собирается ее выбить.

В конце концов открываю и позволяю ей зайти.

При виде меня она широко раскрывает глаза.

– Можно узнать, что с тобой происходит? – спрашивает она, разглядывая меня с головы до ног. Не дождавшись ответа, душит меня в объятиях и целует в щеку.

Тепло этого объятия распахивает мое сердце. Я растворяюсь в нем и отдаюсь ему полностью. Как я могла подумать, что смогу обойтись без нее? Гайя – это единственный человек, которому я могу доверить то, что от меня осталось.

И тогда я рассказываю ей все. Смело, честно и без стеснения. Вся правда о Леонардо вытекает из моих губ: наш первый раз в палаццо, дьявольское соглашение, испытания, секс, мое сопротивление, моя потерянная. Она слушает молча, сидя напротив меня на диване, недоверчиво покачивая головой, огромные глаза прикованы ко мне.

Под конец повествования Гайя шокирована и взволнована, слеза стекает по щеке. Ну вот, мне удалось оставить ее без слов, для нее это редкость. Не произнося ни слова, она просто сжимает меня в объятии. А я утопаю в ее руках, как в теплом бассейне, в котором чувствуешь дно и невозможно утонуть. Сейчас я ощущаю настоящие чувства. В те немногие мгновения, когда Гайя меня обнимает, ей удается передать мне толику умиротворения, которое пока что сложно принять. Но теперь я действительно не одна.

– А почему ты мне раньше не сказала? – спрашивает, убирая мне прядь волос со лба.

– Потому что боялась, что ты меня осудишь.

– Я? – восклицает она. – Эле, когда это я тебя осуждала?

Вся правда о Леонардо вытекает из моих губ: наш первый раз в палаццо, дьявольское соглашение, испытания, секс, мое сопротивление, моя потерянная.

Опускаю глаза, потом поднимаю опять взгляд на нее:

– Мне было стыдно.

Сейчас мне на самом деле стыдно, что я лгала Гайе, но ее зеленые глаза полны прощения.

– Эй, – шепчет она, обнимая меня за плечи, – ты же знаешь, что я всегда буду с тобой, что бы ни случилось.

– Я знаю... – мне так приятно это слышать.

– Ну а теперь? Что ты будешь делать с Леонардо? – спрашивает со сдержанностью, которой я никогда в ней не видела.

– Забыть его, оставить все позади. Мне очень плохо, но еще больше я злюсь.

Гайя берет мои руки в свои, и это поощряет меня на разговор.

– Еще больше я злюсь на себя. Это я влюбилась в него, как идиотка! – говорю с чувством. – Он меня много раз предупреждал. Я думала, что смогу участвовать на равных в той игре, а вместо этого... Боже мой, какая я злая! – Слова замирают у меня в горле.

Гайя качает головой:

– Если бы ты сказала мне об этом раньше, возможно, я смогла бы тебе помочь. Ты все держала в себе, а я даже ничего не заметила! – укоряет она себя.

А я нарочно оставила ее в неведении по поводу всего происходящего.

– Это я виновата. Я ошиблась во всем, в чем только можно было ошибиться. Леонардо заставил меня лгать самым близким мне людям. Это ужасно. Я знаю. И мне очень жаль.

– Нет, даже не думай произносить слово «виновата», – говорит она рассерженным тоном. – Ты ни в чем не виновата. Это плохо закончилось, но угрызения совести уже ничему не помогут.

– Боже мой, Гайя... – В отчаянии опускаю голову. На минуту закрываю глаза, а когда открываю, из них снова ручьем текут слезы.

– Эй, хватит плакать, ты не сделала ничего плохого, просто следовала тому, что говорит твое сердце, – она наклоняется ко мне и растягивает мои губы в улыбку. – Ну скажи мне хотя бы, что ты хоть чуть-чуть развлеклась... – провоцирует она меня заговорщическим тоном.

У меня вырывается настоящая улыбка, и я утираю слезы.

– А у тебя как дела? – спрашиваю, выныривая из водоворота своих чувств. – Мы говорим только обо мне...

Гайя тяжело вздыхает.

– У меня новости. Я тебя поэтому и искала.

– Хорошие или плохие?

– Да я и сама не знаю, – она пожимает плечами.

– То есть?

– Я рассталась с Якопо, – ее лицо мгновенно темнеет.

– Нет! – Мне искренне жаль, их история мне нравилась. – Что случилось?

– Он предложил мне жить вместе, – объясняет тихим, невыразительным голосом, – и когда меня поставили перед таким важным выбором, я поняла, что не могу лгать ему и себе самой.

В ней, такой импульсивной и легкой, кажется, начинает проявляться уравновешенное самосознание.

– А Белотти имеет ко всему этому отношение? – спрашиваю, уверенная, что так оно и есть.

– Эле, я попыталась его забыть, но мне не удастся, – ее глаза светятся, когда она произносит это. – Якопо был само совершенство, он окружил меня вниманием и подарками, но этого мало. Я продолжаю думать об этом подонке.

– Вы хотя бы виделись?

– Говорили по телефону, – отвечает, почти со смирением, – у него жесткий график тренировок. Этот год очень важен для него, он должен превзойти неудачи прошлых месяцев.

– И следовательно?

– Следовательно, не важно, – волна грусти пробегает у нее по лицу, – даже если он далеко, даже если я смогу увидеть его только в конце сезона... буду ждать. Что мне еще остается?

– Даже если он далеко, даже если я смогу увидеть его только в конце сезона... буду ждать. Что мне еще остается?

Киваю головой в знак того, что я рядом и понимаю ее.

– Возможно, я сделала глупость, о которой потом горько пожалею, – вздыхает Гайя. – Якопо было очень плохо, он действительно был влюблен, знаешь?

– Знаю, я надеялась, что у вас все получится, мне бы очень хотелось иметь подругу-графиню, – пытаюсь пошутить. На губах Гайи появляется улыбка, но тут же исчезает.

– А вместо этого у тебя просто подруга-дура!

– Ну, в таком случае нас двое!

* * *

После ухода Гайи наплыв мыслей, в которые я была погружена, постепенно растворяется. Как будто с души упал камень, оставив чувство легкости и освобождения. Разговор с ней оказал на меня благотворное действие. Рассказав Гайе правду, я смогла увидеть все как бы со стороны.

Теперь я начинаю верить, что счастье может еще вернуться. Я должна пережить мою боль и думать о Леонардо как о прекрасном периоде моей жизни, который остался в прошлом. Мне сейчас просто нужно понять, в каком направлении двигаться. Я могу погрузиться с головой в работу, например, принять предложение о работе в Падуе, если еще не поздно. Я хочу быть сильной, рациональной, мне скоро стукнет тридцать, и пора начинать управлять собственной жизнью, сосредоточившись на важном. Найти свое место в мире. Больше нет Элены, тающей в объятиях Леонардо и с нетерпением ожидающей каждого его жеста и каждого слова. Не я была той женщиной. То была женщина, которая нужна ему. А теперь мне нужно вернуться к самой себе, но без Леонардо – стать той Эленой, какая я есть.

Вздыхаю. Проще сказать, чем сделать. Следует начать с мелочей: иду в спальню застелить постель. Заправляю чистое постельное белье, а грязные простыни бросаю в бельевую корзину, чтобы постирать – хочу освободиться от его запаха и его образа. Потом открываю окно, чтобы сменить застоявшийся воздух этой комнаты. Пусть свежий порыв ветра унесет все воспоминания. Пока я все это делаю, в голове возникает мысль. А может быть, мои чувства к Леонардо были не любовью, а лишь притяжением запретного плода? Эта идея мне не нравится. Совсем. Но что, если это действительно так?

Может быть, мои чувства к Леонардо были не любовью, а лишь притяжением запретного плода? Эта идея мне не нравится. Совсем. Но что, если это действительно так?

Довольно! Не хочу об этом думать.

Правда, мысль о том, что наши отношения были лишь проявлением скрытого желания бунтарства, возможно, поможет мне пережить все это...

Перехожу в столовую и беру с полки красивейший иллюстрированный том о Микеланджело и Сикстинской капелле. Обычно творения великих помогают мне обрести покой. Я ложусь на диван, подложив под голову подушку, и начинаю листать альбом, останавливаясь на отдельных привлекающих внимание деталях.

Когда дохожу до середины тома, мне на грудь выпадает лист бумаги. Это мой портрет, который нарисовал Филиппо в ночь перед отъездом. Я вложила его между листов альбома, чтобы не дать ему смяться, а потом забыла, и теперь мое сердце сжимается от этой находки.

Какая же ты красивая... Ты так хорошо спала сегодня ночью...

Внезапно на меня находит неизмеримая ностальгия. Фил, ну как же я сразу не поняла, что ты был тем самым, кому я должна была позволить любить себя? С тобой я чувствовала себя действительно защищенной. Ты принимал меня такой, какая я есть, со всеми моими причудами и недостатками, не требуя, чтобы я изменилась. А я не сделала ничего, чтобы защитить это чистое, искреннее чувство, которое нас связывало, не смогла позаботиться о нем. Я плохо обошлась с Филиппо, лелея глупые иллюзии. Только теперь понимаю, что я потеряла.

Слеза медленно стекает по щеке, за ней другая. Я захлебываюсь в

отчаянном плаче, ни злом, ни болезненном... Такие слезы бывают адресованы важным для нас людям, с которыми мы связаны больше, чем сердцем, телом и умом. Эти слезы смывают все переживания последних месяцев. И когда я успокаиваюсь, то остаюсь без сил. Но скоро во мне появится новая сила, я готова возродиться вновь. И первое, что мне необходимо сделать, – попросить прощения у того, кто стал жертвой моих ошибок.

Глава 18

Смотрю в окно на пейзаж, голова откинута на подголовник кресла. Руки сложены на коленях. Холмы Тосканы всегда оказывали на меня глубокое, умиротворяющее действие. Если смотреть на них из поезда на полном ходу, кажется, будто они движутся, догоняя меня своими очертаниями красной земли. Остаюсь в неподвижности, заставляю замолчать все мысли и сосредотачиваюсь на том, что происходит вокруг. Шум колес, голоса, которые накладываются друг на друга. Трели мобильных телефонов, двери открываются и закрываются. Тоннель. Темнота. Потом солнце, потом опять темнота и опять солнце.

Я начинаю все сначала именно отсюда, с этой земли, которая бежит навстречу Риму. Менее чем через два часа я буду в столице, с Филиппо. Это рискованный поступок, совсем не в моем стиле, но я долго думала и в конце концов поняла, что это лучший вариант – самый верный. У меня с собой ничего нет, только желание попросить прощения, не требуя быть прощенной. Возможно, Филиппо не будет рад видеть меня, возможно, мы не сможем преодолеть скалистый утес нашей последней ссоры и вернуться к тому, что было раньше. Но я хочу хотя бы поговорить с ним, сказать, что очень сожалею и что поняла свою ошибку. Я могла бы написать ему или позвонить, но подумала, что время в пути послужит мне искупительным путешествием. Я заказала номер в маленьком отеле рядом с Сан-Джованни... В худшем случае эта поездка будет просто коротким отпуском.

* * *

Прибываем в Термини [\[66\]](#) в три часа дня. Меня встречает теплое солнце, которое заливает все вокруг, поэтому сразу снимаю куртку. Теплый воздух Рима согревает мое сердце обещанием новых начинаний. Выхожу из здания вокзала, волоча за собой небольшой чемодан, сажусь в первое свободное такси.

– Виале-делла-Музика, – говорю таксисту.

Хочу поехать на стройку. Последний раз, когда мы общались по скайпу, Филиппо дал мне этот адрес. Мне кажется, что с того разговора прошел целый век, я совсем не уверена, что найду его там. Но хочу попытаться: это единственные координаты, которые он дал мне во время

наших видеозвонков.

Если смотреть на холмы Тосканы из поезда на полном ходу, кажется, будто они движутся, догоняя меня своими очертаниями красной земли.

Такси пересекает город, переполненный машинами и звуками, и вот уже ЕУР ^[67]открывается перед нами во всем своем строгом могуществе.

Выхожу из машины и прохожу несколько метров пешком, не зная, куда идти. Вдалеке видно огромное сооружение из стекла и цемента, окруженное подъемными кранами и лесами, направляюсь в его сторону. Когда я нахожусь почти под ним, поднимаю взгляд – здание не закончено, и кто знает, сколько времени еще понадобится, но уже сейчас можно почувствовать гармонию и особенную красоту, устремленную в будущее.

Здание не закончено, и кто знает, сколько времени еще понадобится, но уже сейчас можно почувствовать гармонию и особенную красоту, устремленную в будущее.

Неуверенными шагами углубляюсь на территорию стройки, держа в одной руке телефон, в другой – чемодан. Оглядываюсь по сторонам с легким испугом, рабочие смотрят на меня с любопытством, но никто меня не останавливает. Я движима одной-единственной надеждой – найти Филиппо.

А вот и он. Узнаю его издали: он стоит ко мне спиной, на голове – защитная каска. Я уверена, что это он. Только у Филиппо такие смешные жесты. Он разговаривает с рабочими, указывая на одну сторону здания, и кажется очень уверенным в своих движениях и словах. Мое сердце начинает учащенно биться. Но мне нечего бояться, теперь я знаю, что нахожусь в начале и конце путешествия.

Когда рабочие отходят, я набираю его номер. Филиппо ищет в кармане пиджака «барберри» свой телефон. Я вижу, как он колеблется, качает головой, поднимает удивленно брови, и странное выражение пробегает по его лицу. Теперь я действительно боюсь: кажется, он не хочет отвечать, будто между нами действительно все кончено.

В это мгновение я молюсь, чтобы он ответил, и в тот же самый миг его голос проникает мне в ухо, как теплый ветер.

– Алло!

– Повернись! – просто говорю ему.

Когда он оглядывается, наши взгляды пересекаются. Филиппо широко раскрывает глаза и замирает, парализованный. Потом снимает каску, кладет ее на кубы цемента и медленно идет ко мне. У меня в горле комок, колени слабеют, но я готова к встрече с ним. Он останавливается в полуметре от меня, взгляд твердый, непроницаемый.

– А ты что здесь делаешь? – спрашивает он.

– Я приехала, чтобы попросить прощения, – говорю на одном дыхании. – Фил, хотела просто сказать тебе, я ошиблась. Я была сумасшедшей, наговорила ерунды, а потом позволила тебе уйти. Я знаю, что ничего уже не исправить, но попросить прощения всегда можно. И я хочу этого всем своим сердцем, которое немножко и твое...

Пока я говорю это, не переводя дыхания, его взгляд становится мягче, а губы расплываются в потрясающей улыбке.

Рядом с ним я наконец-то расслабляюсь, чувствую себя спасенной. Теперь прошлое кажется мне иллюзией, которую нужно забыть, а будущее полно надежд.

– Ты ненормальная... – он не верит своим ушам. – Иди сюда, Биби, – говорит он, притягивая меня к себе.

Боже, как же мне не хватало этого объятия и этого человеческого тепла! Рядом с ним я наконец-то расслабляюсь, чувствую себя спасенной. Впервые после долгого времени. Теперь прошлое кажется мне иллюзией, которую нужно забыть, а будущее полно надежд.

Я смотрю на Филиппо, а он смотрит на меня. Потом прислоняется щекой к моей. Слышу, как его сердце бьется в унисон с моим. Чувствую его руки, его губы, которые медленно движутся по направлению к моим. Я по-прежнему нужна Филиппо. А он нужен мне.

Все остальное не имеет значения.

Благодарю

Челестину, мою мать.

Карло, моего отца.

Мануэля, моего брата.

Катерину, Микеле, Стефано – они были моими маяками днем и ночью.

Сильвию – ценного советчика.

Весь издательский дом «Риццоли», с первого по последний этаж.

Лауру и Ала, значимых людей в моей жизни.

Всех друзей, без разбора.

Диану и Аннамарию – это мои тети в глубине сердца и души.

Филиппо П. и поезд обратного направления.

Момент времени 16 часов и 10 минут 14 сентября 2012 года.

Венецию.

Судьбу.

notes

Примечания

1

Прозерпина (*лат.* Proserpina) – в древнеримской мифологии богиня подземного царства, соответствующая древнегреческой Персефоне, дочь Юпитера и Цереры, племянница и супруга Плутона.

Палаццо (*лат.*palatium – дворец) – итальянский городской дворец-особняк XV—XVIII вв.

3

Il rosso (*итал.*) – красный.

Венето (*итал.* Veneto) – один из административных регионов Италии, на северо-востоке страны.

Сан-Паоло (*итал.*San Polo, букв. Святой Павел) – один из шести исторических районов Венеции. Расположен в центре, между районами Сан-Марко и Санта-Кроче.

Площадь Сан-Марко (*Piazza San Marco*), или площадь Святого Марка – главная городская площадь Венеции.

Мост Риальто (*итал. Ponte di Rialto*) – самый первый и самый древний мост через Гранд-канал в Венеции, один из символов города.

Гранд-канал (*итал. Canal Grande*) – самый известный канал Венеции.

Городской музей Коррера (итал. *Museo Civico Correr*) – художественный музей в Венеции, где представлены различные аспекты традиционной венецианской жизни: старинные предметы, книги, документы и живопись.

Лидо (*итал.*Lido) – цепочка песчаных островов, отделяющих Венецианскую лагуну от Адриатики. Главный остров архипелага (Лидо) славится своими пляжами.

Спритц (*итал. Spritz*) – слабоалкогольный коктейль, представляющий собой смесь белого игристого вина (традиционно просекко) и настойкиаперол, популярен в качестве аперитива в регионе Венето.

Amore (*итал.*) – amore, любовь, используется также в качестве обращения «любимый/ая»

Каннареджо (итал. *Cannaregio*) – один из шести исторических районов Венеции.

Вапоретто (*итал. vaporetto*) – маршрутный водный трамвайчик, единственный вид общественного транспорта в островной Венеции.

Джудекка (итал. Giudecca) – самый широкий и ближайший к Венеции остров, отделенный от нее каналом Делла Джудекка.

Ghostbuster (*англ.*) – охотник за привидениями; есть одноименный популярный американский фильм начала 1990-х, где охотники за привидениями были облачены в светлые костюмы.

Швартов (морской термин от *нидерл. zwaartouw*) – канат, трос, которым морское судно подтягивают и крепят к причалу. «Отдать швартовы» значит отвязать судно от причала.

Мост Академии (*итал. Pontedell'Accademia*) – самый южный из четырех мостов в Венеции через Гранд-канал.

Церковь Сан-Барнаба (*итал. San Barnaba*) – католический храм в Венеции, назван в честь апостола Св. Варнавы.

Чао! (*итал.* Ciao!) – используется как неформальное приветствие при встрече либо прощании.

Ренцо Пьяно (*итал. Renzo Piano*) – итальянский архитектор, родоначальник стиля хай-тек.

Арена ди Верона (*итал. Arena di Verona*) – название античного римского амфитеатра на главной площади города и всемирно известная концертная площадка.

Собор Санта-Мария-Глорियो́за-деи-Фра́ри (итал. *Basilica di Santa Maria Gloriosa dei Frari*) – один из самых известных и знаменитых соборов Венеции. Находится в районе Сан-Паоло на одноименной площади.

Пегги Гуггенхайм (1898–1979) – американская галеристка, меценат и коллекционер искусства XX века. Коллекция Пегги Гуггенхайм (*Collezione Peggy Guggenheim*) – небольшой музей на Гранд-канале в Венеции. В музее представлены работы Пикассо, Леже, Северини, Мондриана, Кандинского, Миро, Клее, Эрнста, Магритта, Дали и других художников.

Дорсодуро (итал. *Dorsoduro*) – один из шести исторических районов Венеции. Расположен между центром города и Лагуной, это самый южный район города.

Сассикайя (*итал.* Sassicaia) – красное сухое вино; регион Тосканы.

Сан-Серволо (*итал.* San Servolo) – один из островов Венецианской лагуны.

«Флориан» (*итал.* Florian) – историческое кафе в центре Венеции.

Мина (*итал.* Mina) – сценический псевдоним итальянской певицы Мины Маццини, популярной в период 60–80-х годов.

Лучо Баттисти (*итал.* Lucio Battisti) – итальянский автор-исполнитель.

Ньокки (*итал. gnocchi*) – разновидность клецек с добавлением различных ингредиентов, популярное блюдо итальянской кухни.

Брезаола (*итал.bresaola*) – итальянская вяленая говяжья ветчина из городка Кьявенна (Chiavenna), расположенного в долине Вальтеллина региона Ломбардия.

Manolo Blahnik (*итал.*) – марка обуви по имени известного испанского дизайнера обуви и основателя одноименной компании.

От *итал.* Valpolicella – регион в области Вероны, где производят одноименное красное сухое вино.

Piccolit (*итал.*) – очень сладкое десертное вино, производимое из редкого сорта винограда.

Сорбетто (*итал. sorbetto*) – замороженный десерт из фруктового сока с добавлением алкоголя.

Джузеппе Торнаторе (*итал. Giuseppe Tornatore*) – итальянский кинорежиссер, родом из Сицилии, где и происходит действие всех его фильмов.

«Баария» (*итал.* Baaria) – кинофильм Джузеппе Торнаторе, вышедший в 2009 г., изображает жизнь сицилийской семьи с 1920-х по 1980-е гг.

Ан веди! (*итал.* An'vedi!) – выражение римского диалекта, означает «Ты глянь!».

Калле (*итал.* calle) – название типичных узеньких улочек Венеции.

MacBook – новый представитель семейства ноутбуков от Apple Inc.

Аугури! (*итал.* Auguri!) – Поздравляем с праздниками!

Площадь Испании (Пьяцца-ди-Спанья; *итал. Piazza di Spagna*) – находится в центре Рима.

Тринита-деи-Монти (*итал.* Trinita' dei Monti) – титулярная церковь в Риме, на вершине Испанской лестницы.

Синьорина (*итал. signorina*) – обращение к незамужней девушке.

Флавио Бриаторе (*итал.* Flavio Briatore) – известный итальянский бизнесмен, успешный менеджер «Формулы-1».

Просекко (итал. *Prosecco*) – сухое, белое, игристое вино, производимое на северо-востоке страны.

Лофт – переоборудованное под жилье помещение заброшенной фабрики или другого здания промышленного назначения. Слово loft означает «чердак», в США так называют еще и верхний этаж торгового помещения либо склада.

Венецианское Биеннале (*итал.* Biennale) – творческая выставка, которая проходит раз в два года.

Беллини (*итал.* Bellini) – слабоалкогольный коктейль из смеси игристого белого вина и персикового сока.

Капелла Скровеньи (*итал. Cappella degli Scrovegni*) в Падуе
знаменита благодаря фрескам Джотто.

Трамедзини (*итал.* tramezzini) – бутерброды из разнообразных продуктов на мягком белом хлебе.

«МастерШеф» (*итал.* MasterChef) – кулинарное соревнование на итальянском телевидении, где в качестве членов жюри выступают известные шеф-повара.

Армушину (*сицилийскоеarmuscinu*) – традиционная женская накидка на Сицилии.

Ассабинидика (*сицилийское assabinidica*) – традиционное приветствие на сицилийском наречии.

Баута (*итал.* Bauta) – одна из самых популярных масок Венецианского карнавала, полностью закрывающая лицо.

Марди Гра (фр. *Mardi Gras*, буквально – «жирный вторник») – вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста. Аналог нашей Масленицы.

Джованни Соранцо (*итал.*Giovanni Soranzo) – 51-й венецианский дож из знатного венецианского рода Соранцо.

В Средневековой Европе основной обязанностью чумного доктора было лечение заболевших бубонной чумой. Чумные доктора носили особый защитный костюм и характерную носатую маску, напоминающую клюв птицы. (Этот клюв призван был защитить врача от вдыхания бактерий чумы.)

Площадь Рома (*итал.* Piazzale Roma) – площадь-паркинг в материковой части Венеции, перед въездом на островную часть.

Тревизо (*итал.* Treviso) – административный центр региона Венето, севернее Венеции.

Presatura di spuma (*итал.*) – процесс вспенивания, который делает вино игристым.

Perlage (*итал.*) – степень игристости вина, характеризуемая маленькими пузырьками, которые поднимаются со дна бокала к поверхности.

Красный салатный цикорий, горьковатый на вкус. Созревает в декабре.

«Кто их видел?» (*итал.* Chi l'ha visto?) – телепередача на итальянском телевидении, в которую обращаются родственники пропавших без вести в надежде найти их.

Рома Термини (*итал.* Roma Termini) – центральный вокзал в Риме.

ЕУР (*итал.* EUR) – урбанистический комплекс в 32-м квартале Рима, спроектированный в 1930-х гг. для Универсальной Выставки.